

УДК 327(510:73:470+571)
ББК 66.4(5Кит)(7Сое)(2Рос)
К18

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.э.н., проф. *А.В. Островский*, к.в.н. *А.Ф. Клименко*, к.э.н. *З.А. Муромцева*

Ответственный редактор
д.э.н., проф. *А.В. Островский*

Каменнов П.Б.
К18 КНР: военная политика в начале XXI века: монография / П.Б. Каменнов. — М. : ИДВ РАН, 2019. — 248 с.
ISBN 978-5-8381-0298-0

В монографии ведущего научного сотрудника ИДВ РАН П.Б. Каменнова исследуется роль военной политики КНР в обеспечении условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса мировой модернизированной державы. Военная политика рассматривается в контексте превентивных мер в сфере безопасности, направленных на обеспечение внутривнутриполитической стабильности и благоприятных внешних условий вокруг Китая. Анализируются военно-доктринальные взгляды руководства КНР и их отражение в практике военного строительства, в том числе в ходе новой военной реформы 2015–2020 гг. Рассматриваются проблемы модернизации главного компонента китайских вооруженных сил — Народно-освободительной армии Китая (НОАК), военно-промышленного комплекса, военно-гражданской интеграции, развития российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества.

Ключевые слова: военное строительство, Центральный военный совет (ЦВС) КНР, КПК, наука и техника, инновации, военный потенциал, НОАК, военно-промышленный комплекс, российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество.

In the monograph the leading researcher of Institute of far Eastern studies, RAS P.B. Kamennov examines the role of the military policy of the PRC in providing conditions for the implementation of the national development strategy, which aims to achieve China by the middle of XXI century (to the centenary of the founding of the PRC) the status of the modernized world powers. Military policy is considered in the context of preventive security measures aimed at ensuring domestic political stability and favorable external conditions around China. The article analyzes the military doctrinal views of the Chinese leadership and their reflection in the practice of military construction, including during the new military reform of 2015-2020; the problems of modernization of the main component of the Chinese armed forces — the People's Liberation Army (PLA), the military-industrial complex, military-civil integration, the development of Russian-Chinese military and military-technical cooperation are considered.

Keywords: military construction, the Central military Commission (CMC) of the PRC, CCP, science and technology, innovation, military potential, the PLA, the military-industrial complex, military-civil integration, Russian-Chinese military and military-technical cooperation.

УДК 327(510:73:470+571)
ББК 66.4(5Кит)(7Сое)(2Рос)

© Каменнов П.Б., 2019
© ИДВ РАН, 2019

ISBN 978-5-8381-0298-0

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР	
1.1. Роль военной политики в национальной стратегии Китая	9
1.2. Китай — мощная инновационная держава	33
1.3. Китай — космическая держава	41
1.4. Китай — морская держава	45
1.5. Роль армии в обеспечении внутривнутриполитической стабильности	53
1.6. Военные расходы	56
1.7. Военная политика Китая на современном этапе	59
Глава 2. ВОЕННАЯ ДОКТРИНА КИТАЯ: СТРАТЕГИЯ «АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ»	
2.1. Оценка внешних угроз военной безопасности Китая	70
2.2. Нетрадиционные угрозы — сепаратизм, международный терроризм, экстремизм	85
2.3. Мировая революция в военном деле	91
2.4. Концепция «активной обороны в новых условиях» и создание на основе науки мощных вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР	96
2.5. Участие Китая в международном сотрудничестве в сфере военной безопасности	106

Глава 3. ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КИТАЯ	
3.1. Модернизация национальной обороны	117
3.2. Численность, боевой состав и вооружение НОАК в 2010—2017 гг.	123
3.3. Развитие законодательной базы военного строительства	137
3.4. Новая военная реформа КНР 2015 г.: усиление централизации высшего военного управления и роли ЦВС КНР в руководстве вооруженными силами, создание стратегических командований НОАК	141
3.5. Роль КПК в руководстве военным строительством	152
Глава 4. ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КНР	
4.1. Структура и состав ВПК	162
4.2. Общая характеристика производственных возможностей ВПК	166
4.3. Меры по повышению научно-исследовательского и производственного потенциала ВПК	187
4.4. Военно-гражданская интеграция	195
Глава 5. ВНЕШНИЕ ВОЕННЫЕ СВЯЗИ КИТАЯ	
5.1. Военная дипломатия	207
5.2. Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество	217
Заключение	244

Предисловие

Одним из важнейших факторов стремительного увеличения роли и значения Китая в современном мире в последние десятилетия является существенное возрастание его военного потенциала.

В центре внимания аналитиков вопрос о содержании и направленности военной политики Китая и вытекающих из него последствиях для интересов безопасности других государств, в особенности — соседних с КНР государств Восточной Азии. При этом высказываются различные, зачастую противоположные точки зрения, включая алармистские, в числе которых — концепция «китайской угрозы».

В настоящей работе автор, на основе анализа реальных событий, а также значительного числа российских и зарубежных источников, в том числе китайских, предпринимает попытку высказать свой взгляд на роль военной политики в реализации национальной стратегии КНР, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века — к столетию образования КНР — статуса мощной, модернизированной державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и являющейся по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи одной из мировых сверхдержав.

Реализацию данной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи (КГМ), главными факторами которой являются динамичный и устойчивый экономический рост, подъем уровня развития науки и технологий, поиск и освоение природных ресурсов в своей стране и обеспечение доступа к мировым источникам сырья и энергии.

Предметом особого внимания руководства КНР является обеспечение внутривластной стабильности, что достигается посредством проведения взвешенной национальной и социальной политики, поддержания устойчивого управления и общественного порядка, в том числе, как показывает исторический опыт, и с использованием силового фактора.

В качестве необходимого условия реализации национальной стратегии китайское военно-политическое руководство рассматривает усиление оборонного строительства и создание мощных модернизированных вооруженных сил, способных обеспечить надежную защиту страны от внешней агрессии.

Отметим, что беспрецедентные достижения Китая в экономике, науке и технике, в освоении космоса и других областях в начале XXI века были осуществлены в условиях мира, внутривластной стабильности и развития отношений сотрудничества с внешним миром. Дальнейшее движение по данному пути в Китае связывают с необходимостью обеспечения благоприятных внутренних и внешних условий развития страны на новом историческом этапе. При этом военному фактору отводится роль силового аргумента в реализации политики мира и сотрудничества.

Следуя мировым тенденциям в военной области и опираясь на растущий экономический, научно-технический и инновационный потенциал, Китай осуществляет курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий с конечной целью превращения НОАК в мощные вооруженные силы, способные осуществлять эффективное ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций. В решении наиболее актуальных задач на этом направлении важное значение для Китая имеет военное и военно-техническое сотрудничество с Россией, которое осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Согласно впервые опубликованной Госсоветом КНР «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.) подтверждена установка на даль-

нейшее укрепление обороны и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

В модернизации НОАК основное внимание уделяется совершенствованию качественных параметров оснащения, повышению уровня информатизации войск и сил флота, усилению боевых возможностей за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Эту цель преследует осуществляемая с 2015 г. новая военная реформа, в ходе которой реорганизовано высшее военное управление с расширением полномочий Центрального военного совета (ЦВС) КНР, а ранее существовавшие военные округа реорганизованы в стратегические командования НОАК в зонах, на которые возложены функции как административного управления, так и оперативного командования находящимися в зонах их ответственности силами и средствами сухопутных войск, ВВС, ВМС, войск стратегической поддержки. Исключение составляют формирования ракетных войск и стратегические ядерные силы ВМС НОАК, находящиеся в прямом подчинении ЦВС КНР.

Ключевую роль в руководстве военным строительством наряду с государственными структурами продолжает играть КПК. Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны партии постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства.

Составной частью военной политики Пекина является военная дипломатия. Ныне эта сфера деятельности характеризуется высокой активностью и становится важным компонентом реальной государственной политики, направленным на предотвращение вооруженных конфликтов как с мировыми державами, так и в отношениях с сопредельными странами. Одной из задач военной дипломатии является

осуществление мер с целью опровержения получившей распространение концепции «китайской угрозы». На этом пути Китай добился существенных успехов: на основе принципа межгосударственного доверия полностью нормализованы отношения с Россией; между нашими странами развиваются отношения сотрудничества и стратегического партнерства; активизирован процесс нормализации отношений Китая с Индией; последовательно реализуются положения Декларации о принципах деятельности в Южно-Китайском море 2002 г., подписанной странами АСЕАН и Китаем в Пномпене; согласованы принципиальные положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, что явилось новым шагом в укреплении доверия в АТР. Вместе с тем, остаются напряженными отношения по военной линии с США, которые в последние годы ставят Китай на первое место в списке стран, представляющих наибольшую потенциальную угрозу для самих США, а также их военного союзника Японии.

Автор считает, что военная политика КНР на нынешнем этапе носит оборонительный характер и является важной частью широкого комплекса превентивных мер в сфере безопасности политического, экономического, дипломатического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий вокруг Китая и уменьшение факторов нестабильности. Вместе с тем, в связи с ростом политического влияния и экономических интересов Китая в мире, в том числе в связи с реализацией проекта «Один пояс, один путь», необходимостью отражения угроз со стороны международного терроризма, защиты морских путей транспортировки нефти из стран Африки и Ближнего Востока в Китай, а также решения других проблем обеспечения безопасности, задачи китайских вооруженных сил в пространственном измерении приобретают тенденцию к выходу за пределы национальных границ.

Автор выражает благодарность за оказанное содействие в работе и ценные замечания д.э.н., проф. А.В. Островскому, к.в.н. А.Ф. Клименко, к.э.н. З.А. Муромцевой, заведующей отделом научных изданий ИДВ РАН Е.В. Белилиной, а также глубоко признателен Н.Д. Карповой и С.Ю. Тарасову за подготовку рукописи монографии к печати.

Глава 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР

1.1. Роль военной политики в национальной стратегии Китая

В начале XXI века военная политика Китая направляется на обеспечение внешних условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI в. (к 100-летию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире.

В научных кругах Китая распространено мнение, которое не может не отражать взгляды военно-политического руководства страны, о том, что богатое историческое наследие, культура и традиции делают Китай достойным великой миссии, которая заключается в замене существующего в мире порядка под эгидой США «новым международным политическим и экономическим порядком», в котором ведущую роль будет играть КНР¹. По нашей оценке, Китай в последние годы ведет подготовку мирового общественного мнения к принятию данной концепции. В качестве первого шага в этом направлении, как отмечает С.Г. Лузянин, в докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.)

выражена относительно новая для китайского и международного сообщества идея «сообщества единой судьбы», согласно которой ни одна большая держава не может навязывать другим государствам свои внутренние ценности. Однако, фактически на XIX съезде китайское руководство констатировало достижение промежуточного этапа формирования Китая как лидера нового миропорядка².

Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи (КГМ), которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов, как национальных так и мировых, осуществлять данную стратегию.

К числу важных характеристик КГМ китайские аналитики относят ее стратегическую конфигурацию, т. е. возможность проецирования КГМ в пределах стратегических границ жизненного пространства Китая, выходящего за пределы географических границ, определенных международными соглашениями, имеющего многомерный характер и включающего, помимо суши и моря, воздушное, космическое пространство, а также океанские глубины. Национальная стратегия Китая характеризуется стремлением сочетать увеличение комплексной государственной мощи с расширением стратегических границ, пределы которых оно может реально контролировать военной силой³.

Военная политика Китая в значительной мере формируется под влиянием глобализации проблем безопасности и мировых революционных изменений в военной сфере. Наряду с этим, она имеет в своей основе связь с культурным наследием страны, проявившейся в виде обращения к учению военного теоретика древности Сунь Цзы. В известном труде «Стратегия Сунь Цзы» (512 г. до н.э.), сохраняющем определенную актуальность и в наши дни, автор исследует проблему, как победить противника интеллектом, а не только материальной силой. Суть военной стратегии, по Сунь Цзы, заключается в комбинированном применении знаний и материальных ресурсов для достижения цели, причем знания и интеллект как невидимые ресурсы во многих случаях являются более важными, чем материальные (видимые) ресурсы. Войну он считал сложным многомер-

ным явлением, включающим использование каждой из сторон всех средств борьбы, охватывающим политику, дипломатию, науку, культуру и другие сферы.

Взгляды Сунь Цзы получили развитие в принятой китайским руководством в 80-х годах прошлого века концепции «комплексной мощи государства» (КМГ), согласно которой в современных условиях сила государства и его влияние на международные процессы определяется не столько военным потенциалом, сколько уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом⁴. В наши дни эти идеи находят отражение в официальных документах Госсовета КНР по проблемам национальной обороны. Согласно Белой книге «Национальная оборона Китая» 2010 г.⁵, военная политика КНР, наряду с модернизацией вооруженных сил включает *расширение военных контактов с другими странами* на основе пяти принципов мирного сосуществования, а также развитие отношений военного сотрудничества, которые не являются союзническими или конфронтационными и не направлены против третьих стран. Китай активно участвует в международном сотрудничестве по проблемам безопасности, поддерживает механизмы консультаций по стратегическим проблемам с мировыми державами и с соседними государствами, участвует в совместных военных учениях на двусторонней и многосторонней основах; способствует созданию механизмов коллективной безопасности и мер доверия в военной области. Между военными ведомствами КНР и Российской Федерации, КНР и США установлены и действуют прямые телефонные линии связи.

На нынешнем этапе военная политика Китая строится в связи с реализацией *концепции безопасности нового типа, основанной на межгосударственном доверии* и включающей следующие положения: взаимная равная безопасность, основанная на взаимном доверии и сотрудничестве посредством диалога; взаимодействие в деле безопасности при невмешательстве во внутренние дела других государств и нанесении ущерба третьим странам; недопущение угрозы или нанесения ущерба военной силой безопасности и стабильности других государств.

Большое значение Пекин придает развитию сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами АТР, в котором Китай стремится занять лидирующее положение. В результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить влияние в этих странах мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии⁶.

Военная политика формируется на основе всестороннего научного анализа международной ситуации в сфере военной безопасности, а также — происходящих в мире изменений в военной и военно-технической сферах, и призвана определить оптимальное направление военного строительства и модернизации вооруженных сил с целью обеспечить благоприятные условия реализации национальной стратегии.

КНР реализует долгосрочную широкомасштабную программу *военной модернизации*, направленную на увеличение возможностей китайских вооруженных сил по ведению эффективных боевых действий в «локальных войнах в условиях информатизации», а также — скоротечных операций высокой интенсивности регионального масштаба. В качестве приоритетной задачи китайские лидеры рассматривают *обеспечение благоприятных внешних условий*, позволяющих сконцентрировать усилия на разрешении внутренних проблем и всестороннем развитии страны. Наряду с этим они стремятся обеспечить мир и стабильность в районах по периметру государственной границы, активизируют усилия в сфере дипломатии с целью получения доступа к рынкам, капиталам, ресурсам, в то же время стремясь избегать прямой конфронтации с США и другими странами. Эта стратегия привела к расширению присутствия Китая во всех регионах мира и одновременно — к росту его экономических и внешнеполитических интересов, в связи с чем его военная модернизация в возрастающей степени направляется на создание потенциала, который позволил бы китайским вооруженным силам выполнять ряд миссий, в том числе в удаленных от территории Китая районах.

К числу важнейших направлений реализации национальной стратегии Китая относятся решение *Тайваньской проблемы на условиях КНР — «одна страна две системы», а также — распространение суверенитета Китая на острова Дяюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море и острова Наньша (Спратли) в Южно-Китайском море.*

Окончательное *разрешение тайваньской проблемы* на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 гг. соответственно.

Развитие этих идей нашло отражение в принятом ВСНП КНР 14 марта 2005 г. «Законе КНР о противодействии расколу государства»⁷, которым, в частности, определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8): 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны. Сформулированные в Законе «условия» достаточно неопределенны и, следовательно, дают Пекину широкие возможности для их истолкования и выбора момента для ввода в действие «немирных и других необходимых мер». Вместе с тем, следует отметить, что согласно ст. 9 Закона, в случае применения указанных мер государство (КНР. — *Прим. авт.*) «приложит максимум усилий для защиты жизни, имущества и других законных прав и интересов тайваньских граждан и граждан других государств на Тайване».

Очевидно, что намерение Пекина решить тайваньскую проблему по принципу «одна страна — две системы» входит в противоречие с интересами США и Японии, стремящимися, опираясь на Тайвань, усилить свое присутствие в АТР, где складывается новый центр мировой политики и экономики. Уже в настоящее время в регионе производится более половины мирового ВВП. Между тем, по японским оценкам, в случае поглощения КНР экономически высокоразвитого

Тайвань Китай получит возможность контролировать западную часть Тихого океана, включая международные морские коммуникации в Южно-Китайском море, что распространит его влияние на всю Юго-Восточную Азию и позволит бросить вызов господствующему положению США в этой части мира. Таким образом, стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб⁸. Напротив, окончательное отделение Тайваня от материка оказало бы сдерживающее воздействие на возможности Китая проецировать силу в пределах АТР, в то время как США сохранили бы за собой стратегический плацдарм, прилегающий к прибрежным экономическим центрам КНР.

В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства. В этой связи военное руководство страны на первый план выводит борьбу с авианосными ударными группировками США, что в свою очередь находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС.

Согласно американским оценкам, военный баланс сил в зоне Тайваньского пролива постепенно изменяется в пользу КНР⁹. Очевидно, однако, что вероятность вооруженного конфликта в Тайваньском проливе зависит не только от соотношения военных потенциалов, но в гораздо большей степени — от внутривнутриполитической ситуации в Китае и на Тайване, их отношений с Вашингтоном, а также от оценки обеими сторонами возможных последствий такого конфликта как во внутривнутриполитической, так во внешнеполитической плоскости. Сдерживающим фактором для Китая должна стать позиция США, Японии и стран ЕС, решительно выступающих против решения тайваньской проблемы военным путем. Развязывание против Тайваня полномасштабной войны в связи с возможным участием в конфликте США может обернуться для Пекина катастрофой как в политическом и торгово-экономическом, так и в чисто военном плане. Политическая изоляция и экономические санкции США и ЕС против Китая в этом случае могут оказаться гораздо более серьезными, чем те, которые применялись после событий 1989 г.

в Пекине, и иметь самые негативные последствия для реализации национальной стратегии КНР.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Об этом говорит тот факт, что «Законом КНР о противодействии расколу государства» 2005 г. определен широкий комплекс мер такого противодействия, которое по существу направлено на интеграцию Тайваня и материкового Китая мирными средствами. В их число входят: обмен персоналом в интересах лучшего взаимопонимания и укрепления доверия; экономическое сотрудничество; обмены в области образования, подготовки управленческих кадров, науки, культуры, здравоохранения, спорта и т. д. Следует отметить, что в материалах XVII, XVIII и XIX съездов КПК (состоявшихся в 2007, 2012 и 2017 гг. соответственно), в отличие от предыдущих съездов, не содержится упоминания о возможности применения Китаем военной силы при решении тайваньской проблемы.

По инициативе материкового Китая, стороны совершают переход от военно-политической конфронтации к сотрудничеству и активному диалогу по нескольким направлениям: объем торговли между двумя берегами сохраняет устойчивую тенденцию к росту и приближается к отметке 200 млрд долл. в год: в 2013 г. — 197,3; в 2014 г. — 198,3; в 2015 г. — 188; в 2016 г. — 179,0 млрд долл., в 2017 г. — 199,3 млрд долл.¹⁰; ослаблены ограничения на инвестиции тайваньских компаний на материке и на инвестиции китайских фирм на Тайване, что сделало возможным взаимопроникновение сторон на рынки друг друга. Статистика показывает, что материковый Китай прочно занял место главного торгового партнера Тайваня. По состоянию на конец 2013 г. стороны подписали 18 экономических соглашений. Позитивные по своему характеру процессы включают обмен между государственными учреждениями сторон высокого уровня, обмен в сфере подготовки кадров и развития бизнеса, взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью, функционирование «горячей линии» в целях оказания срочной медицинской помощи, совместные учения морских спасательных служб и т. п.

Руководители КНР выдвигают в качестве очередной задачи заключение мирного соглашения, что позволило бы сделать огромный шаг вперед в деле укрепления доверия и обеспечения безопасности в Тайваньском проливе¹¹.

Препятствием на пути объединения является укоренившееся недоверие и подозрительность по отношению к материковому Китаю со стороны Тайваня, а также — сохраняющиеся под давлением США американо-тайваньские союзнические связи в военной области, вызывающие протест со стороны Пекина. Кроме того, отношения между двумя берегами могут осложниться в связи с избранием в январе 2016 нового президента Тайваня, которым стала кандидат от оппозиционной демократической прогрессивной партии Цай Ин-вэнь. Новый президент пока высказывается за сохранение «статус-кво», однако испытывает сильное давление со стороны сторонников объявления независимости острова.

По существу обе стороны находятся в состоянии гонки вооружений локального масштаба. Пекин стремится путем создания угрозы применения против Тайваня военной силы, в том числе специально созданной ракетной группировки, не допустить провозглашения независимости острова. Тайвань при активном участии США в качестве ответной меры осуществляет модернизацию своих вооруженных сил с целью нейтрализовать боевой потенциал противостоящей группировки НОАК. В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства. В этой связи военное руководство страны на первый план выводит борьбу с авианосными ударными группировками США, что в свою очередь находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС.

Согласно американским оценкам, военный баланс сил в зоне Тайваньского пролива постепенно изменяется в пользу КНР¹². Очевидно, однако, что вероятность вооруженного конфликта в Тайваньском проливе зависит не только от соотношения военных потенциалов, но в гораздо большей степени — от внутривнутриполитической ситуации в Китае и на Тайване, их отношений с Вашингтоном, а также от оценки обеими сторонами возможных последствий такого конфлик-

та как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической плоскости. Сдерживающим фактором для Китая должна стать позиция США, Японии и стран ЕС, решительно выступающих против решения тайваньской проблемы военным путем. Развязывание против Тайваня полномасштабной войны в связи с возможным участием в конфликте США может обернуться для Пекина катастрофой как в политическом и торгово-экономическом, так и в чисто военном плане. Политическая изоляция и экономические санкции США и ЕС против Китая в этом случае могут оказаться гораздо более серьезными, чем те, которые применялись после событий 1989 г. в Пекине, и иметь самые негативные последствия для реализации национальной стратегии КНР.

На нынешнем этапе Китай проводит оборонительную военную политику и осуществляет превентивные меры политического, дипломатического и военного характера, направленные на уменьшение факторов нестабильности. В то же время в интересах решения ближайшей стратегической задачи — урегулирования тайваньской проблемы по принципу «одного Китая» — Пекин допускает применение военной силы, что содержит в себе опасность возникновения крупного вооруженного конфликта с серьезными негативными последствиями для безопасности в АТР. В этой связи необходимо отметить, что реализуемая Пекином концепция международной безопасности на основе межгосударственного доверия¹³, по-видимому, не распространяется на тайваньскую проблему, являющуюся, как считают в Пекине, внутренним делом КНР.

К числу нерешенных территориальных проблем в Восточно-Китайском море относится спор между Китаем и Японией относительно принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку), которые до Второй мировой войны принадлежали Японии, а после ее завершения, когда Япония по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. потеряла все захваченные с конца XIX века земли, оказались под временной юрисдикцией США. В 1972 г. острова были переданы американцами Японии, которая ныне считает их крайней точкой префектуры Окинава. США признают суверенитет японской стороны над этой территорией и считают, что спорная проблема подпадает под

договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией 1960 г. Со своей стороны Китай считает архипелаг Дяоюйдао исконно китайской землей, незаконно отторгнутой Японией в конце XIX в.

Интерес к этим островам обусловлен, прежде всего, их стратегическим положением, обладание ими позволяет в угрожаемый период взять под контроль проходящие здесь морские пути, имеющие исключительно важное значение для обеспечения нормального функционирования экономики Китая, Японии, Южной Кореи и КНДР. Кроме того, данный район богат морскими био- и энергетическими ресурсами. В 1968 г. специалисты Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока обнаружили на шельфе островов богатые запасы углеводородов, составляющих около 700 млн т нефти и 200 млрд кубометров природного газа.

2008 г. был отмечен оживлением отношений в сфере военной безопасности между КНР и Японией, что нашло отражение в совместном заявлении двух стран от 08.05.2008 г. о намерении строить стратегически взаимовыгодные отношения сотрудничества, активизировать обмен по военной линии¹⁴. В контексте данного заявления стороны предприняли первый практический шаг в направлении урегулирования территориальной проблемы — вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао): достигнуто соглашение о совместной деятельности в избранном ограниченном участке моря в переходный период, предшествующий последующей поэтапной делимитации акватории¹⁵. Препятствием для достижения окончательной договоренности являются выдвигаемые сторонами различные варианты прохождения разграничительной линии между эксклюзивными экономическими зонами двух стран в данном районе в связи с наличием здесь газовых месторождений¹⁶.

В последующий период стороны неоднократно предпринимали демонстративные действия в защиту своего суверенитета над островами. Пик такой активности был отмечен в 2012 г. Стороны при этом воздерживались от вступления в вооруженный конфликт, исходя из обоюдной заинтересованности в сохранении широких торговых связей (товарооборот между КНР и Японией в среднем пре-

вышает 300 млрд долл. в год), приобретающих особую ценность в связи с кризисными явлениями в мировой экономике. Обострение ситуации вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао) было вызвано главным образом внутривластными мотивами: в Китае это стремление руководства КПК проявить твердость в отстаивании суверенитета страны над островами накануне XVIII съезда КПК, в Японии — попытка отвлечения внимания от раскола внутри правящей Демократической партии, проблемы госдолга, энергетического кризиса, проблемы ликвидации последствий землетрясения 2011 г.

Действия сторон в защиту суверенитета над спорными островами указывают на то, что напряженная обстановка вокруг них в обозримой перспективе будет сохраняться. В ноябре 2013 г. Китай объявил о создании опознавательной зоны воздушной обороны в Восточно-Китайском море, которая распространяется и на спорные острова и предупредил, что китайские вооруженные силы отныне будут принимать меры оборонительного характера в отношении любых воздушных судов, не отвечающих на запросы и не подчиняющихся приказам при нахождении в этой зоне. Согласно документу, иностранные воздушные суда при прохождении опознавательной зоны должны заблаговременно направлять в МИД КНР полетный план, отвечать на идентификационные запросы, иметь четкие опознавательные знаки. Япония и Южная Корея выразили в связи с этим Китаю протест, а США — серьезную обеспокоенность; при этом США подтвердили, что распространяют на острова Сэнкаку свои обязательства по обороне Японии в соответствии с двусторонним договором безопасности 1960 г.¹⁷

Ситуацию удалось нормализовать только к ноябрю 2014 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Японии Синдзо Абэ достигли соглашения из четырех пунктов, одним из которых была договоренность «путем диалога и консультаций предотвращать ухудшение ситуации вокруг островов Дяоюйдао». Тем самым было заморожено дальнейшее развитие конфликта, при этом стороны обозначили, что придерживаются различных взглядов на ситуацию. Однако Китай и Япония по-прежнему далеки от полного разрешения территориального спора. Ни одна из сторон не намерена усту-

пять, поскольку для каждой из них решение проблемы в свою пользу рассматривается как вопрос усиления влияния в АТР¹⁸.

В августе 2016 г. Япония объявила о намерении развернуть к 2023 г. на отдаленном архипелаге Сакисима (префектура Окинава) мобильные ракетные установки с радиусом действия (около 300 км), включающем спорные острова Сэнкаку (Дяоюйдао); кроме того, планами японских властей предусмотрено создание на островах Сакисима постоянного гарнизона сил самообороны численностью две тысячи человек¹⁹.

С начала 2015 г. Пекин в одностороннем порядке активизировал свою деятельность по освоению не принадлежащих ему островов *архипелага Спратли в Южно-Китайском море* путем наращивания территории находящихся здесь рифов и отмелей и превращения их в искусственно созданные острова с взлетно-посадочными полосами, причалами, складами и другими сооружениями. При этом Пекин утверждает, что Китай расширяет территорию, на которую у него имеется полный суверенитет. Однако, согласно Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (UNCLOS), КНР не может требовать суверенитета на эти образования, как и на территориальные воды с воздушным пространством над ними и на исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Об этом говорится в ст. 56, 60 и 80 упомянутой Конвенции. Суверенные права на них принадлежат только прибрежному государству, в ИЭЗ которого они находятся.

Односторонние действия Пекина привели к обострению конфликта по поводу территориального суверенитета в Южно-Китайском море. Спор ведется не только между Китаем и соседними государствами ЮВА, но и между Китаем и такими державами, как США, Япония и Индия²⁰. Судебное разбирательство, которое проводилось в 2014—2016 гг. в Арбитражном трибунале в Гааге в связи с иском Филиппин по данной проблеме, завершилось в пользу Филиппин. Согласно заявлению трибунала Китай не имеет «исторического права» на спорные острова в Южно-Китайском море и фактически нарушает права Филиппин. Однако, еще в Меморандуме от 2014 г. Китай поставил под сомнение компетенцию Арбитражного трибунала по данной проблеме и дал ясно понять, что не изменит

свою позицию по Южно-Китайскому морю. В Пекине пояснили, что «ни при каких обстоятельствах не примут разрешение территориальных споров и делимитации морских границ третьими сторонами», и «вооруженные силы КНР будут защищать национальный суверенитет и морские права и интересы страны»²¹. Ситуация осложняется тем, что Конвенция 1982 г. не имеет механизма наложения санкций на государство, не выполняющее решений международного арбитража²².

На состоявшейся в конце июля 2015 г. в Тяньцзине (КНР) 9-й встрече представителей КНР и АСЕАН по реализации *Декларации действий сторон в Южно-Китайском море 2002 г.* и заседании совместной рабочей группы по разработке *Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море*, стороны договорились о создании трех специализированных технических комитетов по направлениям: 1) «Безопасность мореплавания и поисково-спасательные операции»; 2) «Океанологические исследования и охрана окружающей среды» и 3) «Борьба с транснациональной преступностью на море». Кроме того, достигнуто соглашение о скорейшем достижении консенсуса относительно учреждения платформ «Горячая линия КНР—АСЕАН по поисково-спасательным операциям на море» и «Горячая линия дипломатических сотрудников КНР—АСЕАН по чрезвычайным ситуациям». Стороны согласились с предложением Китая до достижения соглашения по Кодексу совместными усилиями исследовать и вырабатывать превентивные меры по управлению и контролю рисков на море²³.

Препятствием на пути к выработке Кодекса, имеющего обязательный характер для стран-участниц документа, является отсутствие единой позиции стран-членов ассоциации для ведения переговоров с Китаем из-за различающихся приоритетных проблем каждой из стран. Ситуация осложнилась в связи с «возвращением США в Азию», в частности после выступления госсекретаря США Х. Клинтон на заседании Регионального форума АСЕАН в Ханое летом 2010 г., в котором было заявлено о национальных интересах США применительно к Южно-Китайскому морю и готовности Вашингтона стать посредником между участниками конфликта, огово-

рив, что конечная цель таких усилий — выработка «полноценного Кодекса поведения». Фактически Ассоциация стоит перед трудно разрешимой проблемой выработки такого варианта Кодекса, который устроил бы как Пекин с Вашингтоном, так и все государства-члены Ассоциации при том, что Китай стремится не допустить подключения Вашингтона к проекту Кодекса²⁴.

Тем не менее, работа по подготовке проекта документа продолжается. В августе 2017 г. на встрече министров иностранных дел Китая и стран АСЕАН были *согласованы и приняты основные принципы Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, представляющие собой консенсус по его ключевым моментам и открывающие путь к выработке текста документа*²⁵.

Наряду с активной деятельностью по урегулированию отношений со своими соседями по Юго-Восточной Азии дипломатическими методами Китай продолжает развитие военной инфраструктуры на архипелаге Спратли и Парасельских островах в Южно-Китайском море. По данным Центра стратегических и международных исследований (США) на конец 2017 г., полученным в результате анализа материалов космической разведки, Пекин активно ведет работы по укреплению и расширению естественных и созданию новых искусственных островов в этих районах и одновременно — приступил к следующему этапу — строительству инфраструктуры, необходимой для функционирования военно-морских и военно-воздушных баз на наиболее крупных рифах. Общая площадь вновь построенных сооружений на рифах Fiery Cross, Subi, Mischief Reefs на архипелаге Спратли и рифах North, Tree и Triton Islands на Парасельских островах составляет 290 тыс. кв. м²⁶.

До 2011 г. стремление Китая строить отношения стратегического партнерства с США встречало противодействие в виде политики сдерживания Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако, последствия мирового финансового кризиса, которые оказались весьма серьезными для американской экономики, в то время как Китай, являющийся крупнейшим торговым партнером США, вышел из кризиса с минимальными потерями, привели США к необходимо-

сти нормализации отношений с Китаем, в том числе по военной линии, что нашло отражение в итогах китайско-американского саммита в январе 2011 г. Во время китайско-американского саммита, состоявшегося в январе 2011 г., президент США Барак Обама и президент КНР Ху Цзиньтао пришли к соглашению о развитии отношений сотрудничества, основанного на взаимном уважении и взаимной выгоде. В рамках данного соглашения министерство обороны США выразило намерение строить надежные и стабильные военные связи с КНР на долговременной основе, в том числе в таких областях как борьба с пиратством, поддержание международного мира, оказание гуманитарной помощи, ликвидация последствий стихийных бедствий.

Вместе с тем, в Китае сознают, что реализации достигнутых соглашений препятствует политика «возвращения США в АТР», направленная на усиление военного присутствия США в данном регионе. Так, согласно национальной военной стратегии США (версия 2011 г.) рост военного могущества Китая потенциально угрожает безопасности в регионе, поэтому США намерены «...демонстрировать желание и готовность оказать помощь своим союзникам в противодействии какой-либо активности, угрожающей сложившейся системе международных экономических отношений»²⁷.

В числе препятствий на пути нормализации отношений между двумя странами — активное участие США в модернизации вооруженных сил Тайваня, в частности, состоявшееся в сентябре 2011 г. решение администрации президента США Обамы о поставке Тайваню крупных партий вооружений на общую сумму 5,3 млрд долл.²⁸, продолжающаяся интенсивная разведывательная деятельность США в акватории Южно-Китайского моря, а также — внутренние законы США, в частности, Закон США о национальной обороне на 2000 финансовый год, содержащий «Поправки Делэя», которыми введены ограничения на налаживание военных контактов с Китаем в 12 областях²⁹.

Концепция «возвращения США в АТР» нашла отражение в Национальной военной стратегии США (версия 2015 г.), в которой подтверждено намерение США выполнять договорные обязатель-

ва перед Южной Кореей, Японией, Филиппинами и Таиландом, «призывая последний как можно скорее вернуться к демократии». Новым моментом, изложенным в документе, является участие, а по существу вмешательство США во внутренние дела Мьянмы с целью распространить свое влияние на эту страну. В документе прямо заявлено *о намерении США в конкурентной борьбе с КНР в Азии действовать с позиции силы*. Под пристальным контролем США остается военная деятельность Китая. Среди международных организаций роль ведущих партнеров США отведена НАТО и Европейскому союзу. К категории партнеров отнесена Индия³⁰, которая в 2016 г. получила статус основного оборонного партнера Америки.

Новая администрация США во главе с президентом Д. Трампом намерена в отношении Китая следовать прежним курсом. Согласно объявленной в январе 2018 г. Национальной оборонной стратегии (National Defense Strategy, NDS), среди стран, представляющих наибольшую потенциальную угрозу для США, первое место занимает Китай, за ним следуют Россия, КНДР и Иран; международный терроризм поставлен в списке угроз на пятое место³¹.

Серьезную озабоченность Китая вызывает осложнение ситуации на Корейском полуострове, прежде всего действия Пхеньяна, направленные на *реализацию ядерной и ракетной программ КНДР* в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН, обострение в этой связи отношений между КНДР и США, и неопределенность перспектив урегулирования этой сложной проблемы, затрагивающей интересы национальной безопасности ряда стран Восточной Азии, в том числе Китая.

Согласно «Военной стратегии Китая — 2015 г.» военная политика КНР на современном этапе имеет оборонительный характер и является составной частью широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий внутри и вокруг Китая и уменьшение факторов нестабильности.

В Китае полагают, что международная обстановка в сфере военной безопасности, в целом оставаясь стабильной, тем не менее характеризуется сложностью и противоречивостью мировых про-

цессов. Угрозы безопасности, вызванные такими явлениями глобального масштаба как терроризм, экономическая нестабильность, климатические изменения, распространение ядерного оружия, незащищенность информационных потоков, природные бедствия, международная преступность, имеют тенденцию к росту. При этом традиционные угрозы сливаются с нетрадиционными, а проблемам национальной безопасности отдельных стран сопутствуют проблемы мирового масштаба, что делает невозможным применение традиционных подходов для их разрешения.

В этих условиях военная политика в сочетании с экономическими, дипломатическими и иными средствами борьбы продолжает играть важную роль в международных отношениях. Обостряется соперничество между странами в военной области. Развитые и некоторые развивающиеся страны вносят коррективы в свои военные стратегии с учетом новых моментов в сфере безопасности и новых тенденций в военно-технической области, ускоренными темпами осуществляют модернизацию вооруженных сил. Ведется разработка путей использования в военных целях космического пространства, полярных регионов Земли, электронных цифровых технологий, создаются средства нанесения внезапных военных ударов глобального масштаба, форсируется развертывание систем противоракетной обороны, усиливают возможности ведения электронной войны. Наряду с этим остаются неразрешенными проблемы предотвращения распространения оружия массового поражения.

Камнем преткновения в китайско-американских отношениях являются продолжающиеся поставки американских вооружений Тайваню, что неизменно вызывает резко негативную реакцию со стороны Пекина, который рассматривает Тайвань в качестве неотъемлемой составной части КНР. С другой стороны США выражают обеспокоенность в связи с недостаточной транспарентностью Китая в военных вопросах. Действительно, издаваемая Пекином с 1998 г. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны не содержит многих конкретных сведений о реальных военных расходах Китая, состоянии и перспективах развития НОАК. Однако, в 2013 г. Китай предпринял первые шаги в направлении большей открытости дан-

ной сферы, впервые опубликовав сведения о численности НОАК, а также о нумерации и дислокации 18 общевойсковых армий (ОА) сухопутных войск НОАК по военным округам³².

Согласно китайским оценкам, обстановка в сфере безопасности в АТР в целом остается стабильной. Важную и все возрастающую роль в обеспечении региональной стабильности играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Развивается процесс интеграции стран АСЕАН и одновременно набирает силу сотрудничество в формате таких механизмов как Китай—АСЕАН, «АСЕАН плюс три» (Китай, Япония и Республика Корея), Китай—Япония—Южная Корея. В позитивном ключе развивается экономическое сотрудничество стран Азии со странами Тихого океана.

Наряду с этим в регионе предпринимались попытки, содержащие потенциальную угрозу нарушения сложившегося баланса сил и дестабилизации обстановки. По оценкам аналитиков КНР, в 2010 г. Япония и Южная Корея предприняли ряд шагов в направлении активизации военного сотрудничества, которое до последнего времени в силу причин исторического характера и других факторов имели ограниченный характер. При этом отношения США в сфере военной безопасности с каждой из этих стран строились на двусторонней основе. В августе 2010 г. премьер-министр Японии Наото Кан в заявлении в связи со 100-летием аннексии Кореи Японией и ее оккупацией в течение 36 лет выразил сожаление по поводу этого события и призвал к созданию новых отношений между двумя странами, ориентированных на будущее. В частности Наото Кан заявил, что Японии и Южной Корее следует активизировать сотрудничество по проблемам безопасности и в военной сфере. Впервые за последнее время Япония направила своих официальных наблюдателей на американско-южнокорейские военные учения «Дух непобедимости»³³.

Об углублении процесса сближения двух стран свидетельствует подписание в январе 2011 г. в Сеуле на уровне глав военных ведомств двух важных документов. Один из них — General Security of Military Information Agreement (GSOMIA) — соглашение, устанавливающее порядок, обеспечивающий защиту военной тайны от разглашения. По оценке японских экспертов, речь идет, прежде всего, об обмене

разведывательной информацией между двумя странами о ядерном и ракетном вооружении, оружии массового поражения Северной Кореи. Второй документ — An Acquisition and Cross-Servicing Agreement (ACSA) — призван узаконить обмен сторонами предметами снабжения (продукты питания, вода, топливо, транспорт и др.) и услугами в ходе операций, таких как поддержание мира под эгидой ООН, преодоление последствий стихийных бедствий, а также в ходе совместных маневров и др. Это соглашение специалисты относят к категории соглашений о мерах по поддержанию военной логистики — Military Logistic Supporting Agreement (MLSA). До этого времени у Японии такие соглашения существовали лишь с США и Австралией.

Имеются прямые указания на то, что за кулисами процесса стоят США. Так, в декабре 2010 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США адмирал Майкл Муллен на пресс-конференции в Токио заявил о необходимости укрепления и углубления трехстороннего сотрудничества США, Японии и Южной Кореи, выстраивания оборонительного союза между Японией и Южной Кореей. При этом адмирал указал на важность участия вооруженных сил трех стран в совместных военных маневрах. Согласно договоренности между правительствами Японии и Южной Кореи, заключению военного союза должно предшествовать подписание Совместной декларации, которое предполагается осуществить в первой половине 2011 г. В тексте документа предусматривается подчеркнуть необходимость урегулирования проблем двусторонних отношений, связанных с колониальным прошлым, указать на важность развития партнерских связей, устремленных в будущее, а также — на необходимость всесторонне согласованных усилий по стимулированию двустороннего обмена в политической, экономической, культурной и военной областях³⁴.

По нашей оценке, сближение Японии и Южной Кореи в военной области создает предпосылки для создания тройственного военного союза США—Япония—Южная Корея в качестве противовеса усилению экономического и военного могущества КНР, что может привести к росту военной напряженности в регионе.

В этих условиях Китай продолжает *реализацию принятой в 2006 г. трехшаговой перспективной программы развития оборонного потенциала и модернизации вооруженных сил до середины XXI века на базе достижений науки и передовых технологий*, в том числе информационных, подготовки высококвалифицированных командных и научно-технических кадров нового поколения, приведения боевой учебы войск в соответствии с требованиями высокотехнологичной войны. Программа включает три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий (Белая книга «Национальная оборона Китая — 2006 г.»)³⁵.

В 2010 г. Китай завершил реализацию первого этапа программы модернизации оборонного потенциала и в 2011 г. приступил к *реализации второго этапа*, основным содержанием которого является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК путем повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Согласно Белой книге «Национальная оборона Китая — 2010 г.», предпринимаются меры к завершению механизации и достижения прогресса в информатизации войск и сил флота к 2020 г.; при этом делается акцент на интеграцию обоих процессов с использованием информационных технологий. В военно-научных кругах проводятся интенсивные исследования в области теории совместных операций видов вооруженных сил и родов войск (сил флота), а также — связанные с созданием новых образцов высокотехнологичного оружия и снаряжения, новых типов боевых сил; ускоренными темпами осуществляется переход войск от боевой подготовки в условиях механизации к боевой учебе в условиях информатизации. В области подготовки военных кадров осуществляются меры стратегического масштаба по привлечению в армию талантливых людей. Наряду с этим планомерно создается современная система тылового обеспечения войск. Государство усиливает стратегическое планиро-

вание и руководство в направлении реализации модели интегрированного развития гражданской и военной сфер.

Ключевая роль в руководстве оборонным строительством и вооруженными силами КНР наряду с государственными структурами принадлежит КПК.

Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О государственной обороне» 1997 г. (ст. 19), вооруженные силы КНР находятся под руководством КПК. Высший государственный орган руководства вооруженными силами — Центральный военный совет (ЦВС) КНР (создан в соответствии с Конституцией КНР 1982 г. (ст. 29, 93)) и Военный совет ЦК КПК, возглавляемые одним лицом — Председателем КНР, являющимся одновременно генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Военного совета ЦК КПК, фактически образуют единую централизованную структуру руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям.

Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны КПК постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства и является лейтмотивом всех партийных форумов, включая XVIII и XIX съезды КПК, состоявшиеся в октябре 2012 и 2017 гг. соответственно. Нынешняя установка «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией» по существу означает незыблемость известного принципа «партия командует винтовкой».

По итогам XVIII и XIX съездов решениями ЦК КПК проводились кадровые перестановки в руководстве Компартии, в том числе в составе высшего партийного органа руководства вооруженными силами — Военного совета ЦК КПК. При этом на обоих съездах Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин был избран председателем Военного совета ЦК КПК.

В марте 2013 г. на 1-й сессии ВСНП КНР 12-го созыва в соответствии с практикой совмещения одним лицом высших партийных и государственных постов Си Цзиньпин утвержден в качестве Председателя КНР и одновременно назначен председателем высшего государственного органа руководства вооруженными силами страны — Центрального военного совета (ЦВС) КНР.

Реализация принципа «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией», в частности, обеспечивается посредством избрания непропорционально большого количества военных в высший руководящий партийный орган — ЦК КПК. Так, на XVIII съезде КПК членами ЦК были избраны 41 военный высшего и среднего ранга, которые составили 20 % общего количества его членов (205)³⁶.

На XIX съезде КПК в докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина была вновь подчеркнута необходимость неукоснительно сохранять абсолютное руководство армией со стороны партии. Создание народной армии, подчиняющейся партийному руководству, способной одерживать победы и «обладающей образцовым стилем», было названо стратегической опорой как для достижения целей, выполнение которых приурочено к «двум столетним юбилеям» (в 2021 г. — столетие создания КПК и в 2049 г. столетие образования КНР. — *Прим. авт.*), так и для осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Си Цзиньпин призвал всесторонне реализовывать комплекс основополагающих принципов и институтов, касающихся партийного руководства народной армией, утвердить руководящее положение идей партии об укреплении армии в новую эпоху в области оборонного и армейского строительства, неизменно проводить армейское политическое строительство, укреплять армию за счет реформ, поднимать военное дело силами науки и технологий, управлять армией на основе закона; больше внимания концентрировать на подготовке к реальной войне, придавать более серьезное значение стимулирующей роли инноваций, больше усилий сосредоточивать на формировании системы (обороны. — *Прим. авт.*), на повышении интенсивности и эффективности, а также на военно-гражданской интеграции.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является **расширение присутствия китайских военно-морских сил в Индийском океане** с целью обеспечения безопасности путей транспортировки нефти морским путем, а также — осуществления контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Пара-

сельских островов и архипелага Спратли. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Одной из них является строительство крупной военно-морской базы для атомных подводных лодок и надводных боевых кораблей в районе Санья (о. Хайнань), где в перспективе планируется базирование авианосцев.

В последние годы зависимость китайской экономики Китая от импорта нефти продолжает возрастать высокими темпами. Объем импорта нефти Китаем составил: в 2015 г. 335 млн т, в 2016 г. — 381 млн т³⁷, в 2017 г. — 419 млн т³⁸. Сравнительный анализ показывает, что в 2016—2017 гг. объем импорта нефти в среднем вдвое превышал объем добычи в КНР, который составил около 200 млн т в год.

С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Сингапурский и Малаккский проливы, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «нить жемчуга»). С 2004 г. ведется строительство трубопровода Ситуге (Мьянма) — Куньмин (пров. Юньнань, КНР), с 2007 г. строительство порта Хамбантота (Шри-Ланка), в 2001 г. Китай добился права на строительство военно-морской базы в Марао (Мальдивские острова), в 2005 г. завершена первая очередь строительства порта и наблюдательного поста ВМС в Гвадар (Пакистан); одновременно идет строительство связанного с ним высокоскоростной магистралью порта Пасни³⁹. В 2017 г. «нить жемчуга» пополнилась военной базой КНР в Джибути (Восточная Африка)⁴⁰. Кроме того, Китай достиг договоренности с Таиландом о строительстве судоходного канала длиной около ста километров через перешеек Кра, которое планируется завершить к 2025 г. Канал призван соединить Андаманское море с Южно-Китайским морем в обход Малаккского пролива более коротким (на 1200 км) путем, что позволит не только переориентировать значительную часть грузов по более короткому маршруту, но и быстрее реагировать на вызовы и угрозы интересам Китая в Индийском океане и у берегов Африки. Проект осуществляется в соответствии с китайской инициативой «Нового Шелкового пути»

через Россию и страны Центральной Азии в Европу и «Морского Шелкового пути», связывающего Китай с Индией, Пакистаном и странами восточной Африки⁴¹, странами бассейнов Красного и Средиземного морей, а также с Австралией и Океанией.

В соответствии с установкой XVIII съезда КПК на *повышение потенциала по выпуску высокотехнологичного вооружения и военной техники* Китай предпринимает меры с целью установить практическое взаимодействие между военным и гражданским секторами в научно-технической области, *сформировать государственную оборонную инновационную систему*, опирающуюся одновременно на гражданские и военные разработки, стимулировать установление более тесных связей между гражданским и оборонным секторами по таким направлениям, как макроуправление, стратегическое развитие и планирование, научно-исследовательская деятельность, коммерциализация результатов НИОКР. Для реализации этой цели в 2008 г. в структуру Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР включено вновь сформированное Управление оборонной науки, техники и промышленности (при этом прежний Комитет оборонной науки, техники и промышленности КНР упразднен).

Китай исходит из мировой тенденции к сближению и слиянию военных и гражданских технологий, вытекающей из универсальности большинства высоких технологий, допускающей их двойное применение. По многим аспектам позиция Китая в данной области основывается на использовании успешного опыта США, где за послевоенные десятилетия экономический рост был обусловлен в основном за счет практического применения научных достижений, а высокий технологический уровень промышленности был во многом достигнут благодаря последовательной государственной стратегии поддержки науки и технологий, и особенно политики государственно-частного партнерства.

По оценке аналитиков США за последние десять лет китайский ВПК добился существенного повышения производственных возможностей и улучшения качества выпускаемой военной техники во всех секторах производства, встав по большинству показателей в один ряд с Россией, Францией и другими мировыми производителя-

ми вооружений. Большинство ракетных программ Китая, включая создание баллистических и крылатых ракет, сопоставимы с подобными программами других мировых производителей; в то же время в области создания зенитных ракетных систем Китай отстает от мирового уровня. Однако, следует ожидать, что предпринимаемые усилия по модернизации ракетной промышленности в обозримой перспективе приведут к положительным результатам в данной области⁴².

1.2. Китай — мощная инновационная держава

Военная политика КНР рассматривается военно-политическим руководством как неотъемлемая составная часть национальной стратегии развития, реализация которой, как отмечено выше, связывается с усилением комплексной государственной мощи. В условиях глобализации и интенсификации международной конкуренции за рынки сбыта, когда ресурсы экстенсивного развития становятся все более ограниченными, инновационное развитие становится единственно возможным путем повышения конкурентоспособности. Поэтому, актуальной задачей развития для Китая является переход от экстенсивного ресурсозатратного способа экономического роста к интенсивному ресурсосберегающему, осуществление широкомасштабной модернизации основных секторов экономики и создание передовых высокотехнологичных производств — драйверов инновационного развития. В этой связи первостепенное значение приобретает реализация курса на превращение Китая к 2020 г. *в мировую инновационную державу, являющегося важнейшей составной частью национальной стратегии.*

В 2010 г. правительство КНР обнародовало «Основные положения государственной средне- и долгосрочной программы развития талантов (2010—2020 гг.)» (июнь 2010 г.) и «Основные положения государственной программы реформы системы образования» (2010—2020 гг.)» (июль 2010 г.). Этими двумя программами вместе с ранее опубликованными «Основными положениями государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006—2020 гг.» поставлена триединая задача создания к

2020 г. мировой державы, основанной на человеческой энергии, талантах и инновациях⁴³.

Согласно заявлению президента Академии наук Китая Лу Юнсяна (август 2007 г.) стратегическое планирование требует опережающих взглядов на мир, Китай, науку и технологию до 2050 г.: «...в свете того, каким будет мир в 2050 г., нам следует изучить перспективы экономики, общества, **национальной безопасности**, экологической обстановки, науки и технологии, в особенности, в таких научных областях, как энергетика, ресурсы, население, здравоохранение, информационные технологии, безопасность, экология окружающей среды, космос и океан».

Соответственно, Академией наук Китая разработана дорожная карта фундаментальных исследований до 2050 г., включающая 18 направлений: энергетика, водные ресурсы, минеральные ресурсы, морские ресурсы, нефть и газ, население и здравоохранение, сельское хозяйство, экология окружающей среды, ресурсы биомассы, региональное развитие, космос, информатизация, передовые технологии, новейшие материалы, нано-наука, крупные научные лаборатории, междисциплинарные и пограничные научные исследования, **национальная и общественная безопасность**.

В отношении системы национальной и общественной безопасности, делается акцент на создание как традиционных, так и неконвенциональных технологий обеспечения безопасности, улучшение мониторинга среды для предупреждения о возможности возникновения опасности на ранней стадии, повышение способности к адекватному реагированию⁴⁴.

С учетом происходящих в мире глубоких изменений в характере производительных сил, моделей производства, экономической и социальной структуры, в числе приоритетных задач, поставленных перед китайской наукой, выделено развитие науки и техники в области использования источников энергии и материальных ресурсов, создание новых материалов, развитие информатизации и интеллектуализации производственной сферы, повышение научно-технического потенциала по исследованию и освоению космоса, ресурсов морей и океанов. В развитии науки и техники, обеспечения государственной

и общественной безопасности делается акцент, в первую очередь на обеспечение безопасности воздушного и морского пространства, биосферы, информационных сетей; разработку технических средств контроля, прогнозирования и противодействия в отношении традиционных и нетрадиционных угроз. Конечной целью является создание в КНР единой системы обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты окружающей среды, информации и информационных сетей, обеспечения государственных интересов, суверенитета, социальной стабильности⁴⁵.

Развитие науки и техники рассматривается в Китае как один из важнейших факторов общественного развития. «Государственным планом среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006—2020 гг.» 2006 года (далее Госплан НТ 2006) определено пять приоритетных областей, имеющих важное значение для удовлетворения стратегических потребностей будущего развития, и требующих активной правительственной поддержки и финансирования:

- разработка новых материалов;
- производства, не загрязняющие окружающую среду;
- авиационная и космическая техника;
- информационные технологии;
- исследования в области нанотехнологий.

В минувшее десятилетие Китай осуществил ряд прорывных достижений в области технологий, имеющих двойное (военное и гражданское) назначение, таких как информационные технологии и коммуникации, авионика, космические технологии, биотехнологии. В 2010 г. китайский суперкомпьютер «Тяньхэ-1А», обладающий быстродействием в 2,57 петафлоп (один петафлоп равен 1000 трлн вычислений в секунду), был признан лучшим среди 500 мощнейших компьютерных систем мира. Выдающимися событиями стали пристыковка в июне 2012 г. пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-9» к космической лаборатории «Тяньгун-1», достижение аппаратом «Цзяолун» глубины 7600 м в Марианской впадине (Тихий океан), ввод в эксплуатацию сегмента спутниковой навигационной системы «Бэйдоу», охватывающего АТР⁴⁶. В 2016 г. в КНР

осуществлен вывод на орбиту космической лаборатории «Тяньгун-2», сооружен крупнейший в мире радиотелескоп диаметром 500 м, создан супер-компьютер «Шэньвэй», который занял первое место в очередном списке 500 супер-компьютеров мира. В настоящее время Китай участвует в международном проекте экспериментального термоядерного реактора (ITER), в стадии обсуждения находится вопрос о строительстве большого коллайдера⁴⁷.

Эти успехи стали возможными благодаря существенному увеличению бюджетных ассигнований на образование, науку и НИОКР, а также последовательной реализации государственных программ интеллектуальной и технологической инновации.

Госпланом НТ 2006 предусмотрено увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП Китая к 2020 г. до 2,5 %. В 2007—2012 гг. среднегодовые темпы роста бюджетных ассигнований на образование составляли 21,6 %, в 2012 г. их доля в ВВП составила 4 %⁴⁸; среднегодовые темпы роста государственных расходов на науку и технику за тот же период составили 18 %, их доля в ВВП увеличилась с 1,4 % в 2007 г. до 1,97 % в 2012 г., при этом доля расходов предприятий в общих расходах на эти цели превысила 74 %⁴⁹.

Рост инвестиций в науку привел к беспрецедентному росту числа заявок Китая на патенты в области технологий: в 2013 г. этот показатель составил 825 136 против 571 612 в США. Количество научных статей Китая, индексируемых в Thomson Reuters' Web of Science, неуклонно возрастало от 50 000 в 2003 г. до 200 000 в 2013 г. и продолжает возрастать со среднегодовым темпом около 20000 статей в год. Важно отметить, что до 69 % расходов на НИОКР Китая составляют правительственные бюджетные ассигнования. По эффективности и качеству фундаментальных и прикладных исследований Китай на нынешнем этапе уступает США. Однако, по объему привлечения иностранных инвестиций в НИОКР, связанных с принципиально новыми проектами, Китай существенно превосходит США: в 2014 г. данный показатель составил в Китае 1,2 млрд долл. против 300 млн долл. в США. С данным процессом коррелируется увеличение количества иностранных компаний, открывших свои штаб-квартиры в Китае: с 8 в 2005 г. до 114 в 2014 г.⁵⁰

Отметим, что в 2017 г. объем расходов на научно-исследовательские и опытные конструкторские работы (НИОКР) составил 1750 млрд юаней (около 300 млрд долл.), что означает прирост на 11,6 % по сравнению с предыдущим годом, однако доля расходов на НИОКР в ВВП — 2,12 % пока не достигла запланированного показателя — 2,2 %⁵¹.

Мировой опыт, показывает, что развитие за счет заимствования знаний, полученных в других странах, имеет предел. Так, Япония, которая долгое время шла путем заимствования, столкнувшись с замедлением роста, стала уделять большее внимание развитию науки, а в последнее десятилетие особенно — фундаментальной науки⁵².

С учетом этого, китайские руководители, с целью обеспечить конкурентоспособность страны на внешнем рынке, приступили к развертыванию программ исследований и разработок, обеспечивающих инновационный вариант развития, уделяя особое внимание фундаментальным научным исследованиям. Главную роль в организации научных исследований и разработок играет государство. Механизмы государственной поддержки правительством КНР долгосрочных фундаментальных и прикладных исследований охватывают следующие направления: национальную оборону, фундаментальные науки, космические технологии, энергетику, природные ресурсы и защиту окружающей среды, сельское хозяйство, транспорт, местное и региональное развитие и некоторые другие.

Управление научно-технической работой в масштабах страны осуществляет Министерство науки и технологий Госсовета КНР, в состав которого входит Управление фундаментальных исследований, которое занимается организационной деятельностью и координацией в области государственных программ фундаментальных научных исследований, мега-проектов научных исследований, планов развития Государственных ключевых лабораторий, продвигает системные реформы в научно-исследовательских институтах, занимающихся фундаментальными исследованиями.

Финансирование фундаментальных исследований в Китае растет быстрыми темпами, их сумма в 2014 г. превысила 62,4 млрд юаней.

ней (свыше 10 млрд долл.). В последние 10 лет среднегодовые темпы роста сохраняются на уровне свыше 20 %. По общему количеству научных статей Китай на протяжении ряда лет занимает второе место в мире после США. В период с 2005 г. по сентябрь 2015 г. китайские статьи цитировались около 13 млн раз, при этом количество высокоцитируемых статей составило 15011, что позволило Китаю занять по этому показателю четвертое место в мире⁵³.

В годы 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) в стране основаны 162 новые государственные ключевые лаборатории, где проводятся передовые фундаментальные исследования; всего по состоянию на конец 2015 г. в Китае имелось: государственных ключевых лабораторий — 481, государственных экспериментальных лабораторий — 7, государственных базовых научно-технических объектов — 32. Исследовано более 78 тыс. научно-технических тем государственного значения, опубликовано 52 582 тыс. научных статей, получено 7748 патентов на изобретения, учреждено 2839 норм, издано 1402 научных труда. Кроме того, создано 105 государственных научно-исследовательских станций для научных наблюдений в области экологии, геофизики, особых сред и атмосферного фона, что позволило сформировать систему (сеть) государственных научно-исследовательских станций для научных наблюдений за природными явлениями.

Китай пополняет свой научно-технический потенциал различными путями. Прежде всего — это подготовка и обучение кадров за рубежом. Уже в первые годы проведения политики реформ и открытости Китай стал направлять на учебу за границу свою молодежь. В начале XXI века ежегодно уезжали за рубеж примерно по 130 тыс. человек, в 2011 г. их количество возросло почти до 340 тыс. В настоящее время Китай — мировой лидер по количеству студентов и стажеров, обучающихся за рубежом: свыше 500 тыс. человек, в том числе — более 190 тыс. — в США. Поощряя выезд молодежи для обучения в зарубежные страны, китайское руководство не только не порицает, но даже поощряет тех, кто по завершении учебы принял решение остаться и работать за границей, полагая, что помимо образования они получают опыт практической работы, после чего вернутся на родину полноценными специалистами.

В первое время количество возвращавшихся было небольшим, в первые годы XXI в. оно составляло в среднем 20 тыс. человек в год, затем стало возрастать высокими темпами. В 2007 г. в Китай вернулись 44 тыс. окончивших учебу за границей, в 2008 г. — более 69 тыс., в 2009 г. — около 100 тыс. человек. Отметим, что в истории КНР уже был прецедент с возвращением китайских ученых и специалистов из-за границы. Вскоре после образования в 1949 г. КНР, более 2,5 тыс. научно-технических работников вернулись на родину. Среди них был ученый с мировым именем Цянь Сюэсэнь, более 20 лет проживший в США, заложивший основы китайского ракетостроения и космонавтики. Возвращению зарубежных китайцев на родину способствуют меры, осуществляемые как по государственной так и по общественной линиям, включая разнообразные фонды, предлагающие льготы и преференции для возвращающихся — от условий въезда и выезда, проживания, трудоустройства, предоставления стартового капитала для организации собственного бизнеса, упрощенных процедур регистрации предприятий до обеспечения жильем, занятости членов семьи, учебы детей и т. д. Большая часть получивших образование и вернувшихся из-за рубежа успешно работает в Китае и играет ключевую роль в развитии экономики, науки и техники. Многие из них занимают руководящие должности в этих областях: более 80 % членов Академии наук Китая, 50 % членов Инженерной академии Китая и около 80 % директоров учебных заведений составляют специалисты высокого уровня, вернувшиеся из-за рубежа.

Активное участие в деле возвращения китайских зарубежных ученых на родину принимает Академия наук Китая. Еще в 1998 г. президент Академии Лу Юнсян заявил о том, что АН намерена приглашать проживающих за рубежом китайских ученых и специалистов на работу в Академию и расширять с ними сотрудничество. Было подписано соглашение о сотрудничестве между Академией наук Китая и Ассоциацией китайских ученых и инженеров в Японии, насчитывающей более 3 тыс. человек. Ассоциация ведет совместные исследования более чем по 200 темам со многими китайскими предприятиями. Правительства ряда провинций и городов страны

самостоятельно предпринимают энергичные меры к привлечению ученых-соотечественников из-за рубежа.

Одним из внешних факторов, способствующих возвращению зарубежных соотечественников на родину, стал мировой финансовый кризис 2008 г., в результате которого многие кадры за рубежом столкнулись с сокращениями персонала и переехали в страны и регионы, в меньшей степени подвергшиеся кризисным явлениям. Так, только в 2008 г. 50 тыс. зарубежных специалистов зарегистрировались для поиска работы в Китае. Активную работу по возвращению и привлечению зарубежных ученых и специалистов проводит Всекитайская ассоциация реэмигрантов (ВАР), с этой целью в ее аппарате работают более 140 советников, приглашенных из-за границы. Начиная с 2002 г., Ассоциацией совместно с АН Китая по всей стране создано 36 «Показательных баз ВАР», которые помогают желающим сделать инвестиции, основать предприятие, устроиться на работу. На XVIII съезде КПК был подтвержден курс китайского руководства на активное привлечение выдающихся талантливых людей со всего мира, что называлось «коренной мерой, гарантирующей развитие дела партии и народа». В отчетном докладе Ху Цзиньтао съезду перед КПК была поставлена задача «активного привлечения и хорошего использования зарубежных талантов». Согласно имеющейся информации, Китай намерен в ближайшие годы пригласить на работу до 2 млн специалистов из-за рубежа. Успешному процессу возвращения на родину зарубежных соотечественников способствует ряд факторов: уважительное отношение к вернувшимся специалистам, ограждение их от критики и тем более от порицания; система привилегий и льгот для возвращающихся на родину — от условий въезда, проживания, открытия своего дела, предоставления в ряде случаев стартового капитала, упрощенной регистрации предприятий, выезда к родственникам за границу, до обеспечения работой членов семьи, устройства на учебу детей и т. п.⁵⁴

Большинство научно-исследовательских проектов в Китае возглавляются и направляются Академией наук Китая (АН Китая) — крупнейшим в мире научным центром, имеющим 25 филиалов, в ведении которого находятся 124 научных учреждения, в том числе

101 НИИ, 5 университетов и обеспечивающих организаций. В последние годы АН Китая ежегодно публикует около 3000 научных статей в 68 научных журналах, индексируемых в рейтинге публикационной активности Nature Index, и превосходит по этому показателю все научно-исследовательские учреждения мира вместе взятые⁵⁵.

Согласно «Плану национальных научно-технических инноваций на период 13 пятилетки (2016—2020 гг.)» Китай намерен к 2020 г. подняться с 18-го на 15-е место в мировом рейтинге инновационных возможностей; научно-технические достижения будут обеспечивать до 60 % роста национальной экономики (в 2015 г. этот показатель составил 55,3 %); при этом доля добавленной стоимости в сфере наукоемких услуг в национальном ВВП вырастет с нынешних 15,6 % до 20 %⁵⁶. Отмеченные на 1-й сессии ВСНП КНР 13 созыва (март 2018 г.) успехи в сфере инновационного развития дают основание полагать, что планируемые показатели будут выполнены. Согласно докладу на сессии премьер-министра КНР Ли Кэцзяна о работе правительства за последние пять лет, среднегодовые темпы роста инвестиций в НИОКР составили 11 %, переместив Китай по этому показателю на второе место в мире; вклад научно-технического прогресса в экономический рост страны в 2017 г. составил 57,5 %⁵⁷.

1.3. Китай — космическая держава

В целях мирного освоения космоса в Китае сформирована и эффективно действует разветвленная система научных исследований, разработки, испытаний и производства космической техники, позволяющая осуществлять запуски ИСЗ различных типов, а также пилотируемых космических аппаратов; для их обеспечения развернута система телеметрии и управления, включающая наземные станции на территории страны и морские суда, действующие в мировом океане. Созданы и эффективно действуют в интересах экономики, и общества и национальной обороны ряд спутниковых систем, а также система научных исследований космического пространства.

В Китае разделяют общепринятую точку зрения о том, что многие современные инновационные технологии в области микроэлектроники, цифровых и информационных систем, программного обеспечения, связи и телекоммуникаций, новых композиционных материалов и ряд других получили первоначальное развитие в сфере космической науки и промышленности, а в последующем оказали значительное влияние на научно-техническое и социально-экономическое развитие государства в целом, в том числе на военное строительство. Кроме того, космическая деятельность является крупным и быстроразвивающимся сегментом мирового рынка наукоемких технологий, для которого характерны высокая степень коммерциализации и относительная быстрота получения практических экономических результатов. В связи с этим китайское руководство рассматривает космическую деятельность в качестве приоритетного направления развития национальной экономики.

Космическая деятельность Китая осуществляется на плановой основе при активном участии и контроле со стороны государства и в интересах как гражданского, так и военного секторов. В стадии реализации находятся Программа создания комплексной спутниковой системы разведки и зондирования поверхности Земли, Программа пилотируемых космических полетов, Программа создания орбитальной космической станции, Программа исследования Луны. В рамках первой из них создаются спутниковые системы различного назначения.

В последние годы ракетно-космической промышленностью Китая разработаны и приняты в эксплуатацию оптоэлектронные, радиолокационные и другие средства космической разведки, которые обладают достаточно высоким разрешением и способны передавать изображение земной поверхности и другую информацию на наземные станции в реальном масштабе времени. Среди основных спутниковых систем — система дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) с высоким разрешением, система ИСЗ загоризонтного целеуказания, система радиотехнической разведки, система океанографических ИСЗ предупреждения о стихийных бедствиях, а также обеспечения деятельности военно-морских сил НОАК, системы ме-

теорологических и топографических ИСЗ, ИСЗ связи и др. В настоящее время в КНР действуют три системы спутниковой связи: «Шэньтун» (стратегическая связь), «Фэнхо» (тактическая связь) и «Тяньлянь» (ретрансляция). Часть этих средств используется в интересах обеспечения деятельности НОАК⁵⁸.

В процессе создания и поэтапного ввода в эксплуатацию находится спутниковая навигационная система «Бэйдоу» (BeiDou), которая после ее завершения будет включать 35 спутников. В 2012 г. введена в эксплуатацию и в настоящее время действует часть системы, охватывающая Азиатско-Тихоокеанский регион. К 2020 г. система будет охватывать земной шар и иметь два уровня предоставления услуг — открытый и закрытый (для военных)⁵⁹.

Отметим, что в годы 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) Китай осуществил 78 космических запусков различного назначения, из которых 97 % были успешными, что означает выход отрасли по показателю надежности на 1-е место в мире. За этот период на околоземную орбиту было выведено 128 космических объектов Китая и других стран — вдвое больше, чем за предшествующий период (2006—2010 гг.)⁶⁰. Ныне на околоземных орбитах находятся 140 ИСЗ Китая различного назначения, по этому показателю Китай занимает второе место в мире после США⁶¹.

Основные направления развития космической деятельности страны определены в «Стратегии научно-технического развития космической деятельности КНР до 2050 года», которая предусматривает:

1) Развитие космической науки. Исследование черных дыр, темной материи, темной энергии, гравитационных волн; изучение происхождения и эволюции Солнечной системы, влияния солнечной активности на экологию Земли; поиск внеземных цивилизаций; повышение научного уровня исследований космического пространства.

2) Развитие прикладных исследований космоса. Дистанционное зондирование земной поверхности; развитие систем спутниковой связи; использование космических аппаратов для прогнозирования погоды, мониторинга состояния воды в океане, противопожарного контроля, поиска новых залежей полезных ископаемых.

3) Развитие космической техники. Разработка и создание новых космических аппаратов для исследования ближнего космоса и высокоскоростных космических аппаратов для исследования дальнего космоса, увеличение полезной нагрузки ракет-носителей.

В соответствии с данной стратегией до 2030 г. планируется создание научно-исследовательской, технологической и производственной базы космической промышленности, которая позволит самостоятельно, без внешней помощи, исследовать космос, ежегодно осуществлять запуск двух-трех научно-исследовательских ИСЗ и закрепиться в ряду ведущих космических держав мира. До 2050 г. Китай намерен добиться конкретных результатов в исследовании проблем возникновения Вселенной, возникновения жизни на Земле, других фундаментальных научных проблем и обеспечить переход КНР из категории «крупной космической державы» в категорию «великой космической державы».

Основным принципом функционирования ракетно-космических корпораций ВПК КНР является принцип военно-гражданской интеграции, который предусматривает объединение производственной базы гражданской и военной промышленности с целью совместного использования общих технологий, производственных процессов, оборудования, персонала и средств технического обслуживания⁶².

Китай широко участвует в международном сотрудничестве в области освоения космоса. В период с 2011 по 2016 г. Китай подписал 43 соглашения и меморандума о взаимопонимании в области космического сотрудничества с 29 странами, космическими структурами и международными организациями. В октябре 2017 г. Россия и Китай приняли программу сотрудничества в космосе на 2018—2022 гг., согласно которой предусматривается взаимодействие в сфере ракетно-двигателестроения, зондирования Луны и Марса, а также в исследовании дальнего космоса и в других областях.

В рамках Китайско-Европейской совместной комиссии по космическому сотрудничеству Китай и Европейское космическое агентство реализуют «Программу китайско-европейского космического сотрудничества на период 2015—2020 гг.», взаимодействуя в

таких областях как зондирование дальнего космоса, космическая наука, зондирование Земли, услуги слежения и управления космическими полетами, образование и подготовка кадров. Проводятся совместные исследования в рамках космической миссии *SMILE (Solar wind Magnetosphere Ionosphere Link Explorer)*, нацеленной на изучение воздействия солнечного ветра на магнитное поле Земли⁶³.

Перспективной задачей ракетно-космической отрасли ВПК является превращение Китая в мощную космическую державу, обладающую потенциалом по долговременному обслуживанию потребностей социально-экономического развития, надежной и эффективной способностью по обеспечению национальной безопасности, осуществлению управления процессами жизни страны и общества на основе достижений науки, потенциалом инновационного развития.

1.4. Китай — морская держава

Согласно оценкам большинства аналитиков, глобализация, наряду с ускорением процесса экономической интеграции государств, привела к обострению конкуренции между ними, в первую очередь — борьбы за обладание стратегическими ресурсами, потребность в которых постоянно возрастает. В этой связи Китай намерен, следуя мировой практике, в интересах решения приоритетной задачи — развития экономики — **шире использовать производительные и биологические ресурсы моря**. О значении этого направления деятельности достаточно сказать, что более 20 % из уже разведанных на планете запасов нефти и природного газа находятся на континентальном шельфе. Ныне их разведку и добычу там с помощью высокотехнологичных сооружений ведут более 125 стран, и их число возрастает. По оценкам специалистов, разведанные в настоящее время запасы нефти под водой океанов составляют более 0,5 трлн т, газа — более 250 трлн кубометров⁶⁴.

Необходимо отметить, что Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. впервые в практику международных правовых отношений

были введены понятия исключительной экономической зоны, континентального шельфа и архипелаговых вод. Благодаря этому, в течение последующих 20 лет более 130 прибрежных и островных государств, опираясь на установленные в Конвенции определения таких зон и порядок делимитации их границ, объявили о распространении своих суверенных прав на прилежащие к их берегам морские районы, прежде всего на исключительную экономическую зону, которая может простираться до 200 морских миль от побережья. Это поставило под контроль более 110 млн кв. км водных акваторий — более 30 % поверхности Мирового океана.

В то же время из-за того, что ряд основополагающих понятий Конвенции в силу многообразия конкретных условий сформулирован в общем виде, сохраняется почва для продолжения споров по поводу принадлежности отдельных островов и морских акваторий. Только в западной части Тихого океана подобные споры ведутся вокруг, например, островов Сэнкаку (Китай и Япония), Парасельских островов (Китай и Вьетнам) и ряда других островных территорий. Самое большое число стран вовлечено в споры по поводу принадлежности островных территорий в их обширном скоплении в центральной части Южно-Китайского моря, называемых островами Спратли (Китай, Филиппины, Вьетнам, Малайзия и Бруней). При этом целиком на эти острова претендует Китай⁶⁵.

В основе столкновения интересов стран в этом районе лежат, прежде всего, экономические интересы. Во-первых, здесь, как предполагается, имеются большие залежи нефти (до 30 млрд т) и природного газа (до 1 трлн кубометров). Реалистичность этих оценок подтверждается тем, что в настоящее время все без исключения страны бассейна Южно-Китайского моря ведут добычу нефти и газа как там, так и вблизи своих берегов. Во-вторых, этот район весьма богат рыбой и различными морепродуктами. В-третьих, здесь проходят морские пути, на долю которых приходится до 50 % грузопотока мировых морских перевозок.

Нельзя также не видеть исключительно важного геостратегического положения островов Спратли. Будучи расположенными в центральной части Южно-Китайского моря, они удобны для контроля

судоходства в этом море и воздушных путей над ним. Поэтому в случае вооруженного конфликта страна, обладающая военной инфраструктурой и воинским контингентом на островах Спратли (например, военно-морскими базами и аэродромами), может эффективно контролировать коммуникации, проходящие по Южно-Китайскому морю⁶⁶.

В настоящее время наибольшие претензии по величине зоны распространения своей юрисдикции в данном море предъявляет Китай. Стремление контролировать практически всю акваторию Южно-Китайского моря в КНР закрепили в национальном законодательстве, в частности — в Законе КНР о территориальном море и прилежащей зоне, принятом в 1992 г., согласно которому территория КНР включает его материковую часть и примыкающие к ней острова, а также остров Тайвань и иные отторгнутые у нее острова, включая о. Сенкаку, Пескадорские и Парасельские острова, а также острова Пратас и Спратли. При этом в комментариях в СМИ КНР неоднократно заявлялось, что для того, «чтобы грядущие поколения китайского народа могли выжить, развиваться, преуспевать и процветать в мире будущего, нужно энергично разрабатывать и использовать океаны, а потому охрана и защита прав на острова и рифы в пределах прилежащих к Китаю вод является священным долгом государства»⁶⁷.

Естественно, что в этих условиях страны Восточной Азии, владеющие колоссальными морскими зонами, проявляют стремление защитить свои интересы в сфере использования ресурсов моря как путем наращивания собственного оборонного потенциала, так и опираясь на повышение действенности положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и иных межгосударственных соглашений. В отношении первого направления сегодня отмечается, что страны АТР начинают лидировать по темпам наращивания своей военной мощи и активности в переоснащении армий и флотов современными средствами ведения боевых действий.

Китай присоединился к «Декларации о принципах деятельности в Южно-Китайском море», подписанной странами АСЕАН в ноябре 2002 г. в Пномпене⁶⁸, направленной на урегулирование территори-

альных споров в Южно-Китайском море и явившейся шагом в укреплении доверия, расширении сотрудничества и уменьшении напряженности в регионе. В 2005 г. между нефтяными компаниями Китая, Вьетнама и Филиппин было заключено соглашение о проведении разведки месторождений углеводородов в районе архипелага Спратли и Парасельских островов в Южно-Китайском море⁶⁹.

Вместе с тем следует отметить, что страны — члены АСЕАН продолжают оценивать наращивание военной мощи КНР как усиление китайской угрозы в регионе. Эти опасения стали одним из важных побудительных мотивов заключения двусторонних оборонительных договоров отдельных стран — членов АСЕАН с «внешними» государствами: США, Великобританией и Австралией, а также — подчеркивания ими роли военного присутствия США в регионе как фактора, стабилизирующего международную обстановку в АТР⁷⁰.

Китай, являясь огромной континентальной державой, имеет также обширные морские акватории общей площадью около 3 млн кв. км и береговую линию протяженностью более 18 тыс. км. Однако, до недавнего времени внимание руководства страны в основном было направлено на решение внутренних проблем.

В силу многих причин политического, исторического и географического характера в Китае сложилась замкнутая сельскохозяйственная экономика и сильная иерархическая структура власти. Большая часть торговли Китая с внешним миром осуществлялась по наземным маршрутам и лишь относительно небольшая часть — по морским. На протяжении столетий эта политика сосредоточенности на суше была характерной для Китая и нового государства — КНР. В эпоху Мао Цзэдуна главное внимание руководства страны по-прежнему было сосредоточено на разрешении внутренних проблем. Серьезным сдерживающим фактором освоения морей служила отсталая экономика и слабость китайских ВМС, ориентированных на оборону приморских районов от вторжения.

Однако, бурный экономический рост Китая в условиях политики «открытых дверей», в котором важнейшую роль сыграла и продолжает играть внешняя торговля, возрастающая зависимость китайской экономики от импорта природных ресурсов, прежде всего

энергоносителей, а также от рынков сбыта, привели руководство страны к осознанию необходимости эффективно защищать свои экономические интересы на море.

На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) общая установка по вопросам оборонного строительства «создавать вооруженные силы, соответствующие возросшему международному статусу КНР», впервые была дополнена призывом *«превратить Китай в сильную морскую державу»*. Ныне данный тезис имеет под собой мощную экономическую основу: китайская судостроительная промышленность, занимает первое место в мире, оставив позади Японию и Южную Корею⁷¹.

В январе 2013 г. ЦВС КНР рекомендовал командованию военно-морских сил НОАК рассмотреть возможность обустройства за рубежом пунктов тылового и материально-технического обеспечения боевых кораблей и вспомогательных судов в Индийском океане и в западной части Тихого океана. При этом отмечалось, что Китай не собирается создавать военно-морские базы по примеру США, но вместе с тем не исключается возможность строительства за рубежом объектов всестороннего обеспечения кораблей и судов.

В «Военной стратегии Китая» 2015 г. особо подчеркивается, что в настоящее время страна стоит перед рядом серьезных вызовов в Мировом океане. Защита государственных интересов на море определяется в качестве важнейшей задачи, стоящей перед НОАК, а также отвечает требованиям по реагированию на возможные угрозы национальной безопасности. Корабли ВМС КНР непрерывно патрулируют воды, находящиеся под национальной юрисдикцией, поддерживают тесные контакты и координируют усилия с государственными морскими правоохранительными ведомствами, обеспечивают гарантии безопасности в ходе проведения мероприятий по сохранению биологических ресурсов и освоению нефтегазовых месторождений на море.

В начале XXI в. ВМС НОАК совершают переход от стратегии обороны побережья к новой стратегии, предусматривающей как оборону побережья так и оборону в открытом море, что связано с расширением интересов Китая в мировом океане, которые Пекин

считает необходимым обеспечить с помощью ВМС. В связи с быстрым развитием экономики важное значение для Китая приобретает защита морских коммуникаций, необходимых для импорта сырья и экспорта произведенной продукции, а также — для разработки нефтяных и газовых ресурсов на море. Выход морских интересов Китая, связанных с обеспечением развития экономики, в районы, находящиеся за пределами прибрежной зоны, приводит к необходимости соответственно расширить операционную зону китайских ВМС.

Новая стратегия ставит перед ВМС НОАК следующие задачи⁷²:

1) Способность участвовать в масштабных стратегических операциях. В случае войны и угроз огневого поражения со стороны противника и установления морской и воздушной блокады Китая, ВМС должны быть готовы к решительным действиям по защите страны, захвату инициативы на театре военных действий, установлению контроля над ситуацией и достижению победы.

2) Сдерживание и прекращение военного вторжения на море. История показывает, что почти все вторжения в Китай были осуществлены с морских направлений. Предотвращение таких вторжений внешнего врага является главной стратегической задачей ВМС НОАК. Если исходить из предположения о том, что любое иностранное вторжение в Китай в будущем будет включать атаку высокоточным оружием среднего и дальнего радиусов действия, от ВМС потребуется развернуть свои силы на передовых рубежах и рассредоточить их в глубину для сохранения способности стратегического сдерживания и атаки противника.

3) Обеспечение безопасности мореплавания и транспортировки морем. Экономика Китая на 60 % зависит от внешней торговли, зависимость от импорта сырой нефти и железной руды превышает 50 %, а зависимость торговли от транспортировки морем в целом превышает 90 %. Поскольку морские пути сообщения жизненно необходимы для экономического и социального развития страны, их защита и обеспечение безопасности навигации и транспортировки морем рассматриваются как важнейшая задача ВМС.

4) Защита заморских интересов и интересов граждан КНР за рубежом. В связи с глобализацией экономики Китая происходит быст-

рый рост китайских организаций, персонала, активов и имущества за морем (за рубежом). Как результат, проблемы обеспечения безопасности за морем выходят на первый план, поскольку число случаев угроз китайским активам и непосредственно угроз жизни граждан КНР приобретает тенденцию к росту. Поэтому защита интересов нации за рубежом становится одной из задач ВМС.

5) Осуществление стратегического ядерного сдерживания и ответного ядерного удара. Ядерный потенциал морского базирования является важным компонентом ядерного потенциала Китая, и его возможности возрастают. Вероятность ядерной угрозы Китаю в будущем со стороны другой ядерной державы не исключена. Поэтому ВМС НОАК должны, в полной мере используя боевые возможности атомных ракетных подводных лодок, их большой радиус действия, высокий уровень скрытности и огромные ударные возможности, демонстрацией готовности к применению ядерного оружия и осуществлению ответного ядерного удара пресекать любые попытки или намерения противника применить ядерное оружие против Китая.

6) Поддержка действий сухопутных войск в вооруженных конфликтах на суше. Хотя сухопутные границы Китая в настоящее время в безопасности, элементы нестабильности, которые могут привести к кризису, локальному конфликту и даже к войне, сохраняются. Поэтому, поддержка действий сухопутных войск на суше путем создания угроз противнику с морских направлений также является одной из задач ВМС.

7) Обеспечение безопасности международных морских вод (районов). Роль, которую Китай играет в обеспечении безопасности международных морских вод (районов), отвечает не только интересам Китая, но также является вкладом в выполнение его международных обязательств. Поэтому обеспечение безопасности в международных водах (районах) является одной из задач ВМС НОАК.

В контексте реализации установки на превращение Китая в мощную морскую державу *руководство страны намерено в течение ближайших десяти лет создать в Индийском океане три линии всестороннего обеспечения деятельности военно-морских сил НОАК*. «Северная» будет включать порты Бангладеш, Мьянмы, Пакистана и

Шри-Ланки; «западная» — порты Йемена, Омана, Джибути, Кении, Танзании и Мозамбика; в «южную» войдут порты Сейшельских о-вов и Мадагаскара. В Южно-Китайском море зона всестороннего обеспечения включает пункты Парасельских о-вов и архипелага Спратли.

С правительствами стран, имеющих порты в акваториях Индийского океана, Китай заключил ряд двусторонних соглашений, касающихся обеспечения кораблей и судов ВМС КНР в этих портах всем необходимым; например, с Мьянмой о строительстве порта Чаупхью на о. Рамри в Бенгальском заливе (1999); с Шри-Ланкой о совместном строительстве порта Хамбантота (2007); с Пакистаном о совместном финансировании строительства портов Гвадар и Пасни с правом на последующую их эксплуатацию (2013), с Джибути об использовании ВМС НОАК порта этой республики (2014). В подписанных договорах имеются положения, предусматривающие реализацию концепции «Нить жемчуга» (String of Pearls), целью которой является создание условий беспрепятственной транспортировки нефти по морю в Китай из стран Африки и Ближнего Востока.

Достигнуты договоренности по заходу кораблей КНР в порты иностранных государств в Индийском океане:

- «северная» линия всестороннего обеспечения — Читтагонг (Бангладеш); Янгон, Ситгуэ, Чаупхью (о. Рамри) (Мьянма); Гвадар, Пасни (Пакистан) и Хамбантота (Шри-Ланка);
- «западная» линия всестороннего обеспечения — Аден (Йемен), Салала (Оман), Джибути (Джибути), Момбаса (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания), Накале (Мозамбик);
- «южная» линия всестороннего обеспечения — Виктория (Сейшельские о-ва) и Анцеранане (бывшая база французских ВМС Диего-Суарес, Мадагаскар)⁷³.

Наряду с этим Пекин предпринимает усилия с целью успокоить мировую общественность относительно роста активности Китая в мировом океане; постоянно выступает за разрешение международных споров и других проблем мирным путем, а также против любых действий, которые могут обострить существующие противоречия.

1.5. Роль армии в обеспечении внутривнутриполитической стабильности

Наряду с выполнением внешних функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны, армия используется военно-политическим руководством КНР в качестве инструмента обеспечения внутривнутриполитической стабильности. Начало этому процессу было положено созданием системы органов власти, получивших распространение еще в годы гражданской войны (1946—1949 гг.), в которой важную роль играли органы военного контроля — военно-административные комитеты (ВАК) крупных административных районов Китая и военно-контрольные комитеты (ВКК) городов с населением от 50 тыс. человек и выше.

Круг задач, поставленных перед вооруженными силами на завершающем этапе гражданской войны, можно видеть из телеграммы Мао Цзэдуна командованию 2-й и 3-й полевых армий: «Армия не только боевой отряд, но и, главным образом, рабочий отряд. Все армейские кадры должны научиться принимать в свое ведение города и управлять ими. В городах они должны знать, как действовать в отношении империалистов и гоминьдановских реакционеров, как действовать в отношении буржуазии; они должны уметь руководить рабочими и организовывать профсоюзы, уметь мобилизовать и организовать молодежь, сплачивать и обучать кадровых работников в новых районах, управлять промышленностью и торговлей, руководить учебными заведениями, газетами, телеграфными агентствами и радиовещательными станциями, вести дипломатические дела, решать вопросы, связанные с демократическими партиями и народными организациями, регулировать отношения между городом и деревней, разрешать проблемы, связанные с продовольствием, углем и другими предметами первой необходимости; решать вопросы, связанные с банковским делом и финансами. Словом, отныне на плечи армейских кадров и бойцов ложится разрешение всех незнакомых им в прошлом вопросов, касающихся работы в городе»⁷⁴.

Органы военного контроля, несмотря на издержки военной диктатуры, сыграли положительную роль в нормализации положения в

стране и в подготовке условий для постепенной передачи власти народным правительствам. Вместе с тем, выполняя свои функции в качестве «боевого, рабочего и производственного отряда», НОАК в политическом отношении стала звеном тоталитарной административно-командной системы, подменив многие партийные, государственные и общественные органы. В наибольшей степени армия в этом качестве использовалась в период проведения китайским руководством особого курса во внутренней и внешней политике, получившим название курса «трех красных знамен», а также — в годы «культурной революции».

Согласно Конституции КНР 1982 г. вооруженные силы принадлежат народу, а руководство ими осуществляет государственный орган — Центральный военный совет (ЦВС) КНР (ст. 29, 93), что означает отделение КПК от вооруженных сил. Однако фактически *партия сохраняет свой контроль над армией*. Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О государственной обороне» 1997 г. (ст. 19), вооруженные силы КНР находятся под руководством КПК⁷⁵. К тому же ЦВС КНР и Военный совет ЦК КПК, возглавляемые одним лицом — председателем КНР, являющимся одновременно генеральным секретарем ЦК КПК, фактически образуют единую структуру руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям.

Следует отметить, что Законом КНР о государственной обороне 1997 г. (ст. 22) для поддержания внутренней безопасности и общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения. В последние годы эти функции НОАК стали весьма актуальными ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и др., хотя КПК реагирует на эти процессы политикой «усиления и обновления социального регулирования». Согласно японским оценкам, в начале текущего столетия количество социальных инцидентов имело тенденцию к росту;

в 2003 г. их было 60 000, в 2004 — 74 000, в 2006 — 87 000, в 2008 — 127 000, в 2010 г. — 180 000. Причем протесты охватывали не только сельское население, как было вначале, но и города⁷⁶.

Наряду с этим, НОАК и Народная вооруженная полиция (НВП) широко привлекаются руководством страны для *участия в экономическом строительстве*, а также при ликвидации последствий стихийных бедствий, что, помимо прямого экономического эффекта, способствует укреплению морально-политического единства армии и народа. В 2009—2011 гг. основные усилия направлялись на участие армии в масштабных проектах, связанных с программой развития Запада; в 2009—2010 гг. при участии НОАК и НВП в этом регионе было сооружено более 600 объектов инфраструктуры, оказано содействие в реализации свыше 8000 местных народных инициатив по благоустройству территории. Силами армии построено 8 образовательных школ и реабилитационный центр в районах, пострадавших от землетрясений в провинциях Сычуань, Шаньси, Ганьсу⁷⁷.

В целях повышения способности армии к участию в спасательных операциях и реагированию на чрезвычайные происшествия в составе НОАК сформированы восемь специализированных спасательных отрядов государственного уровня общей численностью 50 тыс. военнослужащих: отряд по борьбе с наводнениями, отряд по ликвидации последствий землетрясений, отряд по реагированию на ядерные, биологические и химические кризисы, отряд по выполнению экстренных авиаперевозок, отряд по экстренному реагированию на чрезвычайные происшествия на транспорте, поисково-спасательный отряд на море, отряд по обеспечению мобильной связи в чрезвычайных ситуациях и санитарно-противоэпидемический отряд⁷⁸.

Существенный вклад в решение задач экономического строительства вносит китайский военно-промышленный комплекс (ВПК), выпускающий в широком ассортименте продукцию гражданского назначения — от бытовой техники (телевизоры, стиральные машины, персональные компьютеры, средства мобильной телефонной связи и т. п.) до ядерных реакторов для АЭС, авиационной и космической техники, мощных суперкомпьютеров научного и производственного назначения.

1.6. Военные расходы

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, в рассматриваемый период (2010—2017 гг.) Китай из года в год увеличивает военные расходы (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что в период с 2011 до 2014 г. темпы увеличения военных расходов Китая существенно превышали темпы экономического роста, что было вызвано мерами по повышению боевых возможностей НОАК в условиях высокотехнологичной войны, предпринимаемыми по результатам анализа опыта военных операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Ираке и Афганистане и других вооруженных конфликтов; удорожанием систем вооружений, ростом мировых цен на нефть и соответствующим увеличением расходов на нефтепродукты для вооруженных сил, а также — с существенным повышением денежного довольствия офицерского и рядового состава в условиях конкуренции с гражданским сектором за привлечение и удержание в армии талантливых кадров. К другим причинам относятся увеличение расходов на информатизацию войск, развитие и модернизацию военной инфраструктуры, а также — на все более широкое участие НОАК в международном военном сотрудничестве.

В 2017 г. официальные военные расходы Китая составили 162 млрд долл. (годовое увеличение — 10,9 %), между тем, как реальные — 200 млрд долл. Для сравнения, по оценке Лондонского института стратегических исследований, в 2017 г. военные расходы Японии составили 46,0 млрд долл.; Саудовской Аравии — 76,7 млрд долл.; Индии — 52,5 млрд долл.; Южной Кореи 35,7 млрд долл.; Великобритании — 50,7 млрд долл.; России — 61,2 млрд долл.; США — 602,8 млрд долл.⁷⁹

Следует отметить, что, по мнению большинства аналитиков, в последние годы реальные военные расходы Китая существенно превышают официальные. Согласно оценке СИПРИ (Стокгольм), в среднем они составляют 2 % ВВП против официально заявленного показателя 1,3 % ВВП⁸⁰. Помимо официального оборонного бюджета

Таблица 1. Военные расходы КНР в 2010—2017 гг.

№ п/п	Наименование	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1	Официальные военные расходы — в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.	78	91,5	106,4	114,7	132	142	145	162
2	Темпы роста официальных военных расходов, %	7,5	12,7	11,2	10,7	12,2	7,5	2,1	10,9
3	Темпы экономического роста, %	10,6	9,5	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,9
4	Реальные военные расходы — в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.	109—117 *	128—137*	149—160*	160—173 *	185—198*	203—216*	220—228*	200*
5	ВВП КНР, млрд долл.	5800	6400	8200	9000	10 200	11 000	11 400	12 300
6	Доля официальных военных расходов в ВВП, %	1,34	1,4	1,3	1,27	1,29	1,32	1,3	1,3
7	Доля реальных военных расходов в ВВП, %	1,8	2,0	1,8	1,8	1,8	1,8	1,9	1,61

Источники: «КНР: политика, экономика, культура» — 2010—2011. М., 2011. С. 73—74; «КНР: политика, экономика, культура» — 2012—2013. М., 2013. С. 109, 111; «КНР: политика, экономика, культура» — 2014. М., 2014. С. 119, 123; Материалы 3-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2015 г.). URL: russian.china.org.cn, 17.03.2015; URL: <http://www.aviaport.ru/digest/2012/03/06/230806.html>; Жэньминь жибао онлайн. 06.03.2015; СИПРИ о военных расходах в мире (2016). URL: <http://politinform.su/armiya-i-konflikty/58729-sipri-o-voennyh-rashodah-v-mire-2016.html>; The Military Balance 2017. By the International Institute for Strategic Studies, London. 2017. P. 278. URL: <https://russian.rt.com/world/article/364932-kitay-armiya-oborona>

та в эту оценку включены следующие семь статей: 1) расходы центрального правительства и местных органов власти на Народную вооруженную полицию (НВП); 2) выплаты министерства обороны по гражданским делам в связи с демобилизацией и выходом военнослужащих в отставку; 3) субсидии убыточным отраслям военной промышленности; 4) дополнительное финансирование военных НИОКР гражданскими министерствами Госсовета КНР; 5) дополнительные расходы на военное строительство (до 2006 г. они оценивались в объеме 4 % от бюджета капитального строительства); 6) китайский импорт вооружений и военной техники; 7) доходы от предприятий, находящихся в собственности вооруженных сил. Кроме того, СИПРИ исходит из предположения о том, что доля НИОКР в совокупных военных расходах Китая близка к доле США, а также из факта стремительного увеличения в последние годы общего бюджета НИОКР Китая, который рос опережающими темпами по сравнению с темпами роста экономики и официального оборонного бюджета⁸¹.

Среди других причин увеличения военных расходов Китая — расширение участия НОАК в невоенных операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов, по защите космических объектов.

Кроме того, вооруженные силы Китая играют активную роль в международном сотрудничестве по борьбе с последствиями стихийных бедствий, поддерживая тесные связи и координируя усилия с соответствующими странами и международными организациями; проводят семинары и совместные спасательные операции с вооруженными силами США, Австралии, Новой Зеландии; совместно с рабочей группой регионального форума АСЕАН разработали свод правил участия вооруженных сил в международных операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий, приняли участие в деятельности соответствующей рабочей группы «АСЕАН плюс 3»⁸².

Снижение темпов роста военных расходов Китая в 2015—2016 гг. вызвано переходом страны к «новой нормальности» в сфере эконо-

мики, а именно — от роста высокими темпами (7,5 % и более в год) в предшествующий период к средне-высоким темпам роста (6,5—7 % в год)⁸³. По заявлению Председателя КНР Си Цзиньпина для армейской печати «...в условиях нарастающего давления проблем, вытекающих из замедления экономического роста, в том числе сокращения поступлений в госбюджет при растущих расходах, становится невозможным обеспечить нормальное увеличение военных расходов». Одновременно он отметил такие негативные явления в последнее время как широко распространенное нецелевое расходование средств, выделяемых на оборону, неудовлетворительность ряда дорогостоящих проектов с точки зрения их соответствия установленным требованиям. В этих условиях правительство предпринимает **меры для расширения источников финансирования военных расходов**. Одной из них является открытие внутреннего рынка капитала для военно-промышленных корпораций путем акционирования значительной части входящих в их состав дочерних предприятий.

В период с 2010 по июнь 2016 г. китайский ВПК получил из гражданского сектора в общей сложности 31,6 млрд долл. В основном, эти средства были предназначены для финансирования проектов разработки вооружений и распределены следующим образом (млрд долл.): судостроение — 6,3; авиастроение — 9,9; космическая отрасль — 4,8; промышленность вооружений — 4,1; электронная промышленность — 2,6 и атомная промышленность — 517 млн долл. По оценке аналитиков Лондонского института стратегических исследований, данная тенденция сохранится в обозримой перспективе.

Отметим, что в последние годы доля военных расходов Китая в ВВП страны не превышает 2 % в год, в то время как аналогичный показатель США составляет более 3 %.

1.7. Военная политика Китая на современном этапе

Содержание и направленность военной политики Китая на современном этапе нашли отражение в материалах XVIII и XIX съездов КПК, а также в «Военной стратегии Китая» 2015 г., опубликованной Госсоветом КНР.

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) подтвердил установку на реализацию вышеупомянутой трехшаговой программы модернизации национальной обороны 2006 г.⁸⁴ Основным содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях.

Модернизация обороны в соответствии с упомянутой программой рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. К 2020 г. намечается завершить механизацию войск и добиться прогресса в их информатизации. Перед вооруженными силами поставлена задача не только защиты суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве. В области военного строительства осуществляется стратегия «активной обороны в новых условиях», предполагающая создание мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба⁸⁵.

На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) в докладе генерального секретаря КПК Си Цзиньпина (раздел, посвященный военному строительству), эти установки были дополнены задачами, вытекающими из новой военной реформы, начавшейся в 2015 г. и направленной на повышение потенциала НОАК по проведению совместных операций видов ВС и родов войск (сил) в условиях информатизированных войн (см. гл. 3). Си Цзиньпин указал на необходимость создать мощные модернизированные сухопутные войска, военно-морской флот, военно-воздушные силы, ракетные войска и войска стратегической поддержки, сформировать стойкий и высокоэффективный орган по управлению объединенными военными опера-

циями в зонах боевого командования, выстроить современную боевую систему с китайской спецификой с тем, чтобы достойно справиться с миссией и задачами новой эпохи, возлагаемыми партией и народом на армию.

Учитывая тенденции развития новой мировой революции в военном деле и отвечая потребностям защиты национальной безопасности, следует повышать качество и эффективность оборонного и армейского строительства, обеспечить осуществление в основном механизации войск, достижение реального прогресса в сфере информатизации армии и значительное повышение ее стратегического потенциала к 2020 г. Одновременно с продвижением модернизации страны необходимо всесторонне модернизировать военную теорию, армейские организационные формы, подготовку военных кадров, а также вооружение и военную технику. К 2035 г. намечено в основном осуществить модернизацию национальной обороны и армии, а к середине нынешнего века полностью превратить народную армию Китая в вооруженные силы передового мирового уровня. Наряду с этим в докладе подчеркнута необходимость «...твердо стоять на позиции единства наращивания экономического и военного потенциала страны, усиливать единое руководство и планирование на высшем уровне, реализацию важнейших проектов; углублять реформу оборонной науки, технологий и ВПК, сформировать архитектонику углубленной военно-гражданской интеграции и создать интегрированную военно-гражданскую государственную стратегическую систему с соответствующим потенциалом. Одновременно необходимо повышать уровень законности в сфере оборонного и армейского строительства»⁸⁶.

Таким образом, **срок завершения модернизации обороны и армии Китая перенесен с 2050 г. (как было ранее определено в программе, принятой в 2006 г.) на 2035 г., что, по нашей оценке, связано с обостряющимся противостоянием Китая с США.**

На съезде была подчеркнута необходимость в новую эпоху продолжать **обеспечивать абсолютное руководство армией со стороны партии.** В области военного строительства следует всесторонне реализовывать комплекс основополагающих принципов и институтов,

касающихся партийного руководства вооруженными силами, утвердить руководящее положение идей партии об укреплении армии, активно проводить армейское политическое строительство, укреплять армию за счет реформ, поднимать военное дело на основе науки и технологий, управлять армией на основе закона. Одновременно сделан упор на подготовку вооруженных сил к реальной войне, а также на развитие военно-гражданской интеграции в качестве важнейшего принципа военного строительства.

Согласно впервые опубликованной Госсоветом КНР «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.)⁸⁷, подтверждена установка на дальнейшее укрепление обороны и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

Согласно документу в области военного строительства, Китай следует концепции «активной обороны в новых условиях», при этом деятельность китайских вооруженных сил базируется на следующих принципах:

- подчиненность задаче обеспечения мира для реализации национальной стратегии развития, усиление подготовки к ведению вооруженной борьбы, предотвращение кризисных ситуаций, способность одерживать победу в войнах;
- осуществление военной политики, имеющей оборонительный характер и тесно скоординированной с мерами в области государственной политики, экономики и дипломатии; эффективное отражение потенциальных, в том числе внезапных угроз национальной безопасности;
- осуществление на плановой основе сбалансированной политики по защите прав, с одной стороны, и обеспечение стабильности с другой; обеспечение защиты суверенитета и интересов страны на

суше и на море, поддержание безопасности и стабильности на периферии;

- использование всех возможностей для ускорения военного строительства; в ходе войны стремление к захвату стратегической инициативы, развивая активные действия во всех сферах и по всем направлениям;
- применение гибкой стратегии и тактики, полномерное использование эффективности совместных операций разнородных сил;
- готовность к выполнению задач в любое время и при самых сложных и тяжелых сценариях развития обстановки;
- полномерное использование уникальных политических преимуществ народных вооруженных сил; обеспечение абсолютного руководства армией со стороны КПК;
- развитие боевого духа, укрепление воинской дисциплины, повышение профессионализма войск;
- для победы над врагом использование применительно к новым условиям принципов, заложенных в концепции «народной войны»; в военной мобилизации уделение главного внимания не человеческим ресурсам, а науке и технологиям;
- активное расширение сотрудничества в военной области и в сфере безопасности, углубление отношений по военной линии с мировыми державами, соседними и развивающимися странами; содействие созданию региональной структуры безопасности и сотрудничества.

В обозримой перспективе Китай намерен продолжать сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках отношений стратегического партнерства между двумя странами и способствовать всестороннему расширению и диверсификации сфер сотрудничества по военной линии⁸⁸.

Согласно официальным заявлениям, военная политика КНР имеет оборонительный характер. Вместе с тем, на неофициальном уровне в Китае ведется пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественные потребности в расширении территории, в том числе с использованием

вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»)⁸⁹, выражающем неофициальную точку зрения, существующую среди некоторых военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившегося в конце XX — начале XXI в. в отношениях Китая с некоторыми сопредельными странами, в том числе с Россией.

Примечания

¹ *Эрбин Л.* Выбор Китаем внешнеполитической стратегии на пороге XXI века // Экспресс-информация. № 11. Китай: проблемы внешней и военной политики. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 4—9.

² *Лузянин С.Г.* Круглый стол в ИДВ РАН «XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения» // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 19, 20.

³ Цзефанцзюнь бао. 03.04.1987.

⁴ *Юй Сяотун* (КНР). Китайская стратегия национальной безопасности в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 42.

⁵ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm

⁶ East Asian Strategic Review 2005. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. P. 3, 4.

⁷ People's Daily Online. 14.03.2005.

⁸ Представители США, Японии и Тайваня собрались в Вашингтоне и анализируют ситуацию на случай ухудшения отношений с КНР (Сообщение китайской службы «Голоса Америки», 213.09.03) // Экспресс-информация. № 1. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая. М.: ИДВ РАН 2004. С. 91.

⁹ Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA. URL: <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>. P. 6.

¹⁰ URL: [ru.investing.com>news/Общие-Новости/article-52716](http://ru.investing.com/news/Общие-Новости/article-52716)

¹¹ *Ларин А.Г.* Новый облик отношений между берегами Тайваньского пролива // КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М., 2014. С. 310—322.

¹² Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA. URL: <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>. P. 6.

¹³ *Чжоу Вэньчжун* (зам. министра иностранных дел КНР), Внешняя политика Китая и отношения Китая с США и Европой в новом столетии // Экспресс-информация. № 5. Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 20.

¹⁴ Синьхуа. 09.05.2008.

¹⁵ Синьхуа. 19.06.2008.

¹⁶ ИТАР—ТАСС ИНОТАСС. 24.02.2008.

¹⁷ URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1342434000>

¹⁸ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/788424>

¹⁹ URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3536314>

²⁰ *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2—8.

²¹ URL: https://lenta.ru/news/2016/07/12/south_china_sea/

²² *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2—8.

²³ Синьхуа. 03.08.2015.

²⁴ URL: <http://dplike.ru/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitajskom-more.html>. 11.01.2013.

²⁵ URL: <https://regnum.ru/news/2344780.html>

²⁶ URL: <https://imp-navigator.livejournal.com/686377.html>

²⁷ URL: www.rian.ru (25.02.2011).

²⁸ *Ларин А.Г.* Новый облик отношений между берегами Тайваньского пролива // КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М., 2014. С. 321.

²⁹ Синьхуа. 26.01.2011

³⁰ URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html

- ³¹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a61ccc09a7947061eb2ed36>
- ³² The Military Balance 2012. By the International Institute for Strategic Studies, London. 2012. P. 233—242.
- ³³ International Strategic Studies. 1st Issue. 2011. P. 92, 93.
- ³⁴ URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/21/265-ssha-yaponiy-a-yuzhnaya-koreya-trexstoronnij-alyans-mozhet-stat-realnostyu>
- ³⁵ URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>
- ³⁶ URL: <http://carnegieendowment.org/2013/05/30/ru-pub-51827>
- ³⁷ URL: <https://ria.ru/economy/20170113/1485621715>
- ³⁸ URL: <https://nangs.org/news/world/import-nefti-kitaya-v-2017-go>
- ³⁹ URL: <http://www.imperiya.by/comments3-7991.html> (21 июня 2010).
- ⁴⁰ U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the PRC 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF
- ⁴¹ URL: <http://katehon.com/ru/article/kitay-tendencii-i-prognoz-na-2016-g>
- ⁴² Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. URL: www.defense.gov/.../2015_China_Military_Power_Report.pdf
- ⁴³ *Каменнов П.Б.* Глава 4. Мощная инновационная держава // Экспресс-информация. № 2. Перспектива развития КНР к 2030 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 43—44.
- ⁴⁴ Report by President Lu Yongxiang at the first High-level Workshop on China's S&T Roadmap for Priority Areas to 2050, Organized by the Chinese Academy of Sciences, in October, 2007.
- ⁴⁵ Жэньминь жибао. 08.06.2010.
- ⁴⁶ China Daily. 07.11.2012.
- ⁴⁷ Китай. 2016. № 10 (132).
- ⁴⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8172435.html>
- ⁴⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8172435.html>
- ⁵⁰ 2016 Global R&D Funding Forecast. URL: <http://www.iriweb.org/sites/default/files/2016GlobalRDFundingForecast.pdf>. P. 22, 23.

- ⁵¹ 2017-нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2017 г.). ГСУ КНР. 28.02.2018
- ⁵² *Kealey T.* The Economic Laws of Scientific Research. New York, MacMillan Press, 1996.
- ⁵³ Китай. 2016. № 10 (132).
- ⁵⁴ URL: http://china-inc.ru/news/nauka_i_obrazovanie_vozroddat_kitaj/2014-12-12-139.
- ⁵⁵ 2017 Global R&D Funding. URL: http://digital.rdmag.com/researchanddevelopment/2017_global_r_d_funding_forecast?pg=22#pg22. P. 22.
- ⁵⁶ *Ван Фан.* Сильная держава — передовая наука и техника // Китай. 2016. № 10. С. 16.
- ⁵⁷ URL: <https://aftershock.news/?q=node/623240&full>
- ⁵⁸ *Дворянский А.* Основные космические программы Китая (2016) // Зарубежное военное обозрение. 2016, № 12 С. 53—66. URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/osnovnye_kosmicheskie_programmy_kitaja_2016/59-1-0-1105
- ⁵⁹ URL: <http://www.gps.ru/terminology/sputnikovaya-sistema-beydou/>
- ⁶⁰ China Daily. 28.10.2015.
- ⁶¹ Chinese Strategy to Boost Scientific and Military Innovation through Civilian Military Integration, National R&D Plans and Chinese DARPA. URL: <http://idstch.com/home5/international-defence-security-and-technology/industry/china-lays-its-strategy-to-boost-scientific-and-military-innovation/?print=print>.
- ⁶² *Дворянский А.* Основные космические программы Китая (2016) // Зарубежное военное обозрение. 2016, № 12 С. 53—66. URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/osnovnye_kosmicheskie_programmy_kitaja_2016/59-1-0-1105
- ⁶³ Космическая индустрия Китая в 2016 году. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Декабрь 2016 г. Пекин. С. 38.
- ⁶⁴ *Агафонов Г.Д.* Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М., 2004. С. 5.
- ⁶⁵ Там же. С. 8, 9.
- ⁶⁶ Там же. С. 49, 51.
- ⁶⁷ Там же. С. 53.

- ⁶⁸ Там же. С. 56.
- ⁶⁹ ИТАР—ТАСС. 13.07.2005.
- ⁷⁰ Агафонов Г.Д. Указ. соч. С. 56.
- ⁷¹ Жэньминь жибао он-лайн, 12.05.2016.
- ⁷² NIDS China Security Report 2016. The Expanding Scope of PLA Activities and the PLA Strategy // The National Institute for Defense Studies. Tokyo, Japan. P. 8—9.
- ⁷³ Полковник Гамов В., кандидат военных наук; майор Малинина А. Обеспечение деятельности ВМС НОАК в рамках концепции «Нить жемчуга» 2017 // Зарубежное обозрение. 2017. № 1. С. 71—79. URL: http://Factmil.com/publ/strana/kitaj/obespechenie_dejatelnosti_vms_noak_v_ramkakh_koncepcii_nit_2017/59-1-0-1122.
- ⁷⁴ Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам. Пекин, 1971. С. 690.
- ⁷⁵ Жэньминь жибао. 19.03.1997.
- ⁷⁶ East Asian Strategic Review 2012. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. P. 93, 94.
- ⁷⁷ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
- ⁷⁸ Синьхуа. 01-04-2011. URL: russian.china.org.cn
- ⁷⁹ URL: <http://bmd.livejournal.com/3138181.html>
- ⁸⁰ URL: <https://russian.rt.com/world/article/364932-kitay-armiya-oborona>
- ⁸¹ Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ. // Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 201, 202.
- ⁸² Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
- ⁸³ Островский А.В. Экономика Китая в 2014—2015 гг.: итоги 12-й пятилетки и задачи 13-й пятилетки // КНР: политика, экономика, культура 2014—2015. М., 2016. С. 77.
- ⁸⁴ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>
- ⁸⁵ URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6

- ⁸⁶ Синьхуа. 03.11.2017.
- ⁸⁷ China Daily. 27.05.2015.
- ⁸⁸ China Daily. 27.05.2015.
- ⁸⁹ Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен» М.: ИДВ РАН, 2009. С. 94, 95, 98, 99.

Глава 2

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА КИТАЯ: СТРАТЕГИЯ «АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ»

2.1. Оценка внешних угроз военной безопасности Китая

До последнего времени особенностью информационной среды современного Китая по военно-политическим проблемам было отсутствие в открытых источниках полного текста военной доктрины КНР как официального документа. Информация по данному вопросу носила отрывочный характер и складывалась из отдельных положений, содержащихся в «Белой книге по вопросам обороны Китая», издаваемой Госсоветом КНР с 1998 г., в материалах съездов КПК, сессий ВСНП, а также в некоторых научных периодических изданиях.

При оценке степени внешней военной угрозы в Китае исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовым к любому изменению международной обстановки, в том числе — в неблагоприятном для Китая направлении.

На протяжении трех десятилетий с момента образования КНР в военно-доктринальных взглядах китайского военно-политического руководства преобладала стратегическая концепция «народной вой-

ны», основанная на военных идеях Мао Цзэдуна. Созданная путем обобщения опыта антияпонской и гражданских войн, концепция «народной войны», содержала тезис о неизбежности третьей мировой войны и предполагала строительство многочисленной армии и массовых резервов по принципу «весь народ — солдаты»; по своей сути она являлась оборонительной континентальной стратегией борьбы против технически превосходящего противника. Решающее значение при этом придавалось человеческому фактору, народным массам; значение вооружения и военной техники недооценивалось. Одна из причин такого положения, противоречащего военной науке того времени, заключалась, по мнению автора, в том, что именно широкие народные массы были сферой безраздельного влияния КПК. Предполагалось, что вторгнувшийся противник потерпит поражение в ходе затяжной народной войны партизанского типа, в которой на стороне Китая будет превосходство в живой силе и обширная территория.

Начиная с 1949 г., эта доктрина была направлена на защиту государственных границ, отражение нападения и обеспечение, как внешней военной безопасности, так и внутривнутриполитической стабильности. Главное внимание уделялось боевым действиям на суше в пределах территории материковой части КНР¹. Самостоятельной военно-воздушной и военно-морской стратегии не существовало; предполагалось, что действия ВВС и ВМС должны осуществляться в рамках континентальной стратегии и заключаться в поддержке операций сухопутных войск. В такой войне регулярная армия, народная вооруженная полиция и народное ополчение, оснащенные обычным вооружением, а также ограниченные по составу стратегические ядерные силы, действуя под политическим руководством КПК и применяя гибкую стратегию, оперативное искусство и тактику, стремятся посредством расширения зоны боевых действий и затягивания войны во временном измерении, добиться физического и психологического истощения противника, а затем — его полного уничтожения. Важнейшая роль в такой войне отводилась превосходству над противником в живой силе, призванному уравновесить отсталость в военно-технической сфере. Предполагалось, что регулярная армия и

вооруженная полиция, опираясь на моральную, материальную и психологическую поддержку масс, ведут как оборонительные, так и наступательные боевые действия на обширной территории, в то время как народное ополчение действует на флангах и в тылу противника с конечной целью сломить его волю к борьбе и изгнать за пределы Китая.

Военно-стратегическая ситуация, сложившаяся в мире в связи с окончанием «холодной войны», снижением уровня военного противостояния и переносом геополитического соперничества в значительной мере в сторону невоенных методов противоборства, привела к кардинальным изменениям китайских взглядов по проблемам войны и мира, которые впервые нашли свое отражение в материалах 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Ранее существовавшая оценка военно-стратегической ситуации в мире и регионе как представляющей постоянную угрозу национальной безопасности Китая и чреватой опасностью развязывания «большой» войны против него в любой момент, была признана неадекватной реальной действительности.

«На основе научного анализа глубоких изменений, происшедших в послевоенных международных отношениях, и тщательного изучения реальной обстановки в мире, — отмечал журнал «Хунци», — китайские марксисты выступили с новым пониманием проблемы войны и мира в нашу эпоху»². Дэн Сяопин, выступая на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК в июне 1985 г., заявил: «Опасность мировой войны существует. Из-за гонки вооружений двух сверхдержав фактор войны будет все еще нарастать. Однако народы хотят мира и выступают против войны. Рост сил мира во всем мире обгонит рост сил войны... Существует возможность, что широкомасштабная война не возникнет в течение продолжительного времени в результате дальнейшего роста сил, защищающих мир... Мир во всем мире, как можно надеяться, удастся отстоять»³.

В 1986 г., развивая этот тезис, Дэн Сяопин впервые заявил об отходе от концепции фатальной неизбежности новой мировой войны: «Раньше мы считали, что мировая война неизбежна, сейчас наша

точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу»⁴. Новые взгляды по проблемам войны и мира вызвали необходимость коренного пересмотра военной политики. Прежний стратегический принцип постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения был изменен на принцип военного строительства в мирное время⁵.

Военная политика КНР в этот период направлена на реализацию военной реформы, являющейся составной частью программы «четырёх модернизаций» и нацеленной на приведение военной системы страны в соответствие с новыми условиями в сфере военной безопасности, а также с требованиями к оборонному строительству, вытекающими из набирающей силу мировой революции в военной сфере, которая привела к резкому возрастанию в современной войне значения военно-технического фактора, в особенности — высокоточного оружия, средств информационной войны, систем управления войсками и оружием, в том числе с элементами космического базирования.

Создание идеологии преобразований в военной области в Китае связывают с именем Дэн Сяопина, который в десяти специальных работах о реформе армии и оборонной промышленности, охватывающих период с 1975 по 1982 г., изложил свои идеи относительно проведения военной реформы, послужившие основой соответствующих постановлений директивных органов.

Согласно оценке Дэн Сяопина, на рубеже XX и XXI веков в связи с отсутствием неизбежности возникновения новой мировой войны *Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, укреплять национальную оборону*. В отличие от периода «холодной войны», когда оборонный сектор находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, постепенно утвердилась новая концепция, согласно которой главной гарантией национальной безопасности страны является ее комплексная государственная мощь, основанная на согласованном развитии оборонной и гражданской сфер. В широком смысле пред-

полагается не только зависимость военного строительства от экономического, но и обратная связь — использование возможностей военно-промышленного комплекса в интересах развития экономики⁶.

Эти идеи оказали непосредственное влияние на формирование новых взглядов по проблемам соотношения и взаимосвязи экономического и оборонного строительства в условиях ускорения научно-технического прогресса, углубления мировых интеграционных процессов в научно-технической сфере и возрастающего вклада науки в достижения экономики. Необходимость глубоких преобразований в военной области была обусловлена также консервацией отсталости китайской армии в 60—70-х годах прошлого века в силу многих причин, среди которых можно выделить общую отсталость экономической и научно-технической базы Китая, консерватизм военно-доктринальных взглядов, вовлеченность высшего военного руководства в политическую борьбу.

Выработка новой военной доктрины в этот период проходила в обстановке дискуссий о целесообразности и возможности дальнейшего использования военных идей Мао Цзэдуна и концепции «народной войны», основанных на обобщении опыта антияпонской и гражданских войн. Отмечалось, что эти идеи — ценное военно-теоретическое достояние, отражающее специфический путь Китая. Вместе с тем, необходимо развивать их с учетом современных условий, «пристально следить за стратегической обстановкой в мире, перенимать у зарубежных государств все лучшее, внимательно изучать новые направления во всех странах, исследовать тенденции в строительстве иностранных армий, сочетать заимствование за рубежом с обобщением собственного опыта»⁷. В итоге была принята доктрина «народной войны в современных условиях», которая, сохранив преемственность в названии, исходит как из китайского, так и из мирового опыта военного строительства и признает возрастающее значение в современной войне военно-технического фактора.

Позднее, с учетом изменений в сфере международной безопасности, а также мировых тенденций в военной области доктрина «народной войны в современных условиях» была трансформирована в *стратегию активной обороны в новых условиях*, которая стала

военной доктриной КНР в XXI в. и предполагает строительство мощных вооруженных сил, имеющих все компоненты современной армии, включая ракетно-ядерный; способных осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, вести оборонительные и наступательные боевые действия в высокотехнологичной войне локального масштаба, эффективно действовать в борьбе против международного терроризма.

В Пекине полагают, что *международная обстановка в сфере военной безопасности*, характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций. Китай стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности как традиционного, так и нетрадиционного характера.

Основным источником военной напряженности в АТР в Пекине считают *растущую военную активность США и Японии*, что требует серьезной корректировки политики Китая в сфере безопасности.

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с *США* по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР. Согласно Национальной военной стратегии США (версия 2012 г.) Штаты намерены переориентировать имеющиеся ресурсы на АТР, поскольку усиление Китая содержит потенциальную угрозу их безопасности и экономике⁸. Последнее встречает решительное неприятие со стороны Китая, который утверждает, что военная модернизация в КНР служит объективным потребностям национальной безопасности и развития страны, является позитивным фактором поддержания мира и стабильности в регионе и в конечном итоге отвечает интересам мирового сообщества, в чем должны быть заинтересованы и США⁹. Остро негативную

реакцию Пекина вызвало включение в одобренный конгрессом США Закон о национальной обороне США на 2013 финансовый год положений, касающихся Тайваня и островов Дяоюйдао, что было воспринято китайской стороной как вмешательство США во внутренние дела КНР¹⁰.

Основные направления политики США в АТР на современном этапе включают: 1) усиление связей с Японией и другими союзниками США в регионе; 2) поддержание отношений со странами — партнерами США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; 3) формирование многослойной системы отношений с союзниками США, способствующей более активному использованию в интересах США Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов. США преследуют цель обновления своих военных союзов в регионе и сохранения их дееспособности в условиях происходящих в мире изменений. Наряду с системой двусторонних военных союзов в регионе США намерены выстраивать трехсторонние военные союзы, такие как США—Япония—Южная Корея, США—Япония—Австралия, США—Япония—Индия, используя при этом в своих целях растущую озабоченность соседних с Китаем стран ускоренной модернизацией китайских вооруженных сил¹¹. Одной из мер в данном направлении является заключение соглашения с Австралией о размещении ВС США на военной базе Дарвин, расположенной на Северных Территориях (административная единица в составе Австралии). По оценке китайских аналитиков, не существует причин, которые позволяли бы полагать, что перечисленные меры, осуществляемые США — державой, превосходящей Китай в военном отношении, не направлены против Китая. Поэтому Китай вынужден в качестве ответной меры повышать возможности своих вооруженных сил¹².

В апреле 2013 г. США заключили договор о военном сотрудничестве сроком на 10 лет с Филиппинами. Договор предусматривает дополнительное размещение на филиппинских базах воинских контингентов, боевых кораблей и самолетов ВС США, состав и численность которых будут определяться в зависимости от масштаба совместных операций¹³.

Под пристальным контролем США остается военная деятельность Китая. Среди международных организаций роль ведущих партнеров США отведена НАТО и Европейскому союзу. Как отмечено выше, к категории партнеров США в области обороны отнесена Индия¹⁴. В связи с изложенным, заключение в 2014 г. двух соглашений между КНР и США в области военного сотрудничества¹⁵, а также соглашения о диалоге в военной сфере 2015 г.¹⁶, по нашей оценке, не может рассматриваться как шаг в направлении урегулирования коренных противоречий между двумя странами в военно-стратегическом плане. Упомянутые соглашения устанавливают процедуру взаимного уведомления в случае проведения военных учений и других крупных перемещений войск и техники, а также правила поведения сторон в случае нахождения их военных судов или самолетов в непосредственной близости друг от друга.

Новая администрация США во главе с президентом Д. Трампом намерена следовать прежним курсом — «мир с позиции силы», предполагающим существенное увеличение военных расходов, модернизацию вооруженных сил США, в первую очередь их стратегического ядерного компонента, увеличение численности армии и флота, дальнейшее развитие глобальной системы ПРО¹⁷. Первостепенное внимание уделяется усилению ВМС, что, по нашей оценке, связано с намерением противодействовать морской стратегии Китая. Количество боевых кораблей в составе ВМС США должно вырасти до показателя 1998 г.: с 272 до 350—355 единиц. Нарращивание боевого потенциала повлечёт за собой увеличение количества судов обеспечения и морской авиации. Кроме того, значительно возрастёт численность персонала, командного состава и морской пехоты.

Издание Defense News утверждает, что план Трампа предполагает постройку одного авианосца, 16 крупных надводных кораблей, 18 многоцелевых подводных лодок, четырёх десантных кораблей, пяти вспомогательных судов и 52 малых кораблей для усиления охраны прибрежной зоны. Общая численность личного состава ВМС достигнет 360—380 тыс. человек. Эксперты предполагают, что американские верфи будут загружены эскадренными

миноносцами четвертого поколения Arleigh Burke. Эсминцы вооружат боевыми вертолётами, крылатыми ракетами и противоракетными комплексами Aegis. Сегодня в американском флоте около 70 Arleigh Burke¹⁸.

Следует отметить различие в подходе американской администрации к поддержке военных союзников на Западе и Востоке: если партнерам по НАТО президент Трамп предлагает взять большую часть военных расходов на себя, то в отношении военных союзников на Востоке участие США в обеспечении их безопасности по-видимому сохраняется в прежних объемах, что безусловно вынуждает Китай принимать адекватные ответные меры.

Остается неизменным курс США на гонку вооружений и военное противостояние Китаю и России как двум ведущим державам Евразии, развивающимся по моделям, альтернативным западным. По существу в рамках этого курса США намерены осуществлять модернизированную «стратегию анаконды», применявшуюся в борьбе против Советского Союза. По периметру границ Евразии Вашингтон будет размораживать замороженные конфликты, поддерживать старые и создавать новые очаги локальных конфликтов, окружая Китай и Россию недружественными режимами¹⁹.

Ситуация в области сотрудничества КНР и США по военной линии остается напряженной и противоречивой: с одной стороны это тенденция к заключению двухсторонних договорных документов, с другой стороны — действия США, имеющие, с точки зрения Китая, деструктивный характер. Камнем преткновения в развитии отношений остаются намерения США продолжать участие в модернизации вооруженных сил Тайваня, что рассматривается Пекином как посягательство на суверенитет Китая. Так, в декабре 2016 г. Китай заявил протест по поводу намерения США продолжать военное сотрудничество с Тайванем. Это произошло после подписания президентом Баракком Обамой военного бюджета США на 2017 г., в котором были предусмотрены статьи расходов на развитие военного сотрудничества двух стран²⁰. Новая администрация США во главе с президентом Д. Трампом намерена продолжать военное сотрудничество с Тайванем. В июне 2017 г. зарубежные СМИ сообщили о подписании семи

контрактов на поставку Тайваню американской военной техники и вооружений на общую сумму 1,4 млрд долл.²¹ 15 августа 2017 г. председатель Комитета начальников штабов ВС США Д. Данфорд и начальник Генерального штаба НОАК Фан Фэнхуэй подписали соглашение, предусматривающее создание механизма стратегического диалога, который даст возможности расширить связи между вооруженными силами обеих стран, а также снизить риск чрезвычайных ситуаций, в том числе в Южно-Китайском море. В Пентагоне считают важными контакты и договоренности такого рода в ситуации, когда «регион и мир сталкиваются с угрозой со стороны Северной Кореи, обладающей ядерным оружием».

Д. Данфорд, комментируя подписанное соглашение, заявил, что между США и Китаем «всегда будут некоторые разногласия»; тем не менее, Вашингтон и Пекин прилагают усилия для преодоления трудностей²². Наряду с этим, в июле 2017 г. Китай выразил протест против контактов и военных связей между США и Тайванем в связи с одобренным Палатой представителей США проектом Закона о национальной обороне на 2018-й финансовый год, согласно которому предполагалось рассмотреть возможность осуществления обмена визитами военных кораблей США и Тайваня. Действия США в этой связи были восприняты Пекином как вмешательство во внутренние дела Китая²³.

К позитивным моментам в китайско-американских отношениях по военной линии можно отнести действующий механизм китайско-американских консультаций по проблеме военной безопасности на море, в рамках которого стороны регулярно проводят контакты по обмену информацией с целью избежать неожиданных инцидентов на море, а также — совместные учения по отработке вопросов борьбы с пиратами, проведению спасательных операций, оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий²⁴.

Беспокойство Китая вызывает ситуация на Корейском полуострове, прежде всего действия Пхеньяна, направленные на *реализацию ядерной и ракетной программ КНДР* в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН.

В связи с осуществлением КНДР двух пусков межконтинентальных баллистических ракет в июле 2017 г. и принятием 5 августа резолюции СБ ООН об усилении в этой связи санкций против КНДР Китай на полях саммита АСЕАН в Маниле заявил о готовности в полной мере выполнять решение ООН в целях достижения денуклеаризации и стабилизации ситуации на Корейском полуострове. Резолюция СБ ООН, предусматривает усиление санкционной политики в отношении КНДР в качестве ответной меры на осуществленные в июле пуски ракет, введение запрета на экспорт из этой страны (традиционно ориентированный на Китай. — *Прим. авт.*) ряда видов минерального сырья и продукции, в частности, угля, железа, свинца и морепродуктов. Устанавливается запрет на создание новых совместных предприятий с КНДР и дополнительные инвестиции в уже существующие коммерческие организации²⁵.

В связи с шестым по счету ядерным испытанием КНДР 3 сентября 2017 г., позиция КНР стала более жесткой. В ходе заседания СБ ООН, на котором была единогласно принята резолюция № 2375, постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи заявил, что правительство КНР категорически против подобных действий Пхеньяна²⁶.

Руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН А.З. Жебин отмечает, что в этих условиях Пхеньян возложил роль посредника по налаживанию контактов КНДР с США на Сеул, лишив этой важной и деликатной миссии Пекин, возможно, в отместку за его голосование в СБ ООН и меры по ограничению торговли с КНДР. Делегация КНДР во главе с заместителем Председателя ЦК ТПК Ким Ен Чхолом, участвовавшая в церемонии закрытия зимней Олимпиады 2018 г. была принята Президентом РК Мун Чжэ Ином и сообщила ему, что северокорейцы «вполне» настроены на переговоры с США. В начале марта состоялся ответный визит высокопоставленной делегации РК в Пхеньян, где ее принял северокорейский лидер Ким Чен Ын, который подтвердил «искреннее желание» возобновить диалог с Вашингтоном. Со слов членов делегации стало также известно, что Ким Чен Ын пообещал воздержаться от испытаний ядерного оружия и ракетных пусков во время переговоров с США.

Что касается солидарного предложения Китая и России о «двойной заморозке» (США и РК воздерживаются от крупномасштабных совместных маневров, которые в Пхеньяне рассматривают как «репетицию нападения на Север», а КНДР — от ядерных и ракетных испытаний), то оно остается без ответа как со стороны США, так и со стороны КНДР. При этом резолюции СБ ООН по КНДР, прямо указывающие на необходимость возобновления диалога (США—КНДР. — *Прим. авт.*) не замечаются Вашингтоном.

Главным препятствием для продуктивного проведения саммита США — КНДР остается отсутствие согласия по поводу его повестки. Если в Пхеньяне настаивают на равноправных переговорах, то из Вашингтона до настоящего времени поступали пока противоречивые сигналы относительно обязательности или необязательности предварительных условий²⁷.

КНР, резко осуждая ядерные испытания КНДР и поддерживая санкционные резолюции СБ ООН, на практике не идет на «удушающие» санкции в отношении КНДР, трактуя резолюции СБ ООН как меры, направленные на блокирование северокорейских ракетно-ядерных программ, но ни в коем случае не гражданского сектора экономики. При этом Китай является торгово-экономическим партнером № 1 как для Северной так и для Южной Кореи.

Принципиальная позиция Китая по урегулированию корейского ракетно-ядерного кризиса совпадает с позицией России, которая заключается в необходимости комплексного решения всего спектра проблем, возникших между вовлеченных в кризис странами. Такой подход отражен в Совместном заявлении МИД РФ и КНР от 4 июля 2017 г., в котором изложена «дорожная карта» корейского урегулирования, основанная на соответствующих российских и китайских инициативах²⁸.

Другим фактором, негативно влияющим на сложившийся баланс сил в регионе, в Пекине считают соглашение между Вашингтоном и Сеулом о размещении на территории Южной Кореи элементов противоракетных комплексов ТНААД (Theater High Altitude Area Defense) американской системы ПРО ТВД под пред-

логом противодействия «ракетно-ядерной угрозе со стороны КНДР»²⁹.

Сложными продолжают оставаться отношения Китая с *Японией*. Предпринимаемые обеими сторонами меры к улучшению отношений в политической сфере в связи с активизацией китайско-японских торгово-экономических связей не получают развития, поскольку военная политика Японии, по оценке Пекина, противоречит интересам КНР. В Китае отмечают, что, согласно «Белой книге по вопросам национальной обороны Японии» (2007), одной из фундаментальных задач японских сил самообороны является оказание содействия США в осуществлении ими военных акций, что означает расширение операционной зоны сил самообороны и их подготовку к действиям за пределами национальных границ. В начале 2007 г. Япония повысила статус своего оборонного ведомства (управления сил самообороны) до министерского уровня³⁰.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить состоявшуюся в апреле 2015 г. новую договоренность между оборонными ведомствами США и Японии по военно-стратегическим вопросам. Вашингтон подтвердил Японии оборонные гарантии с использованием полного спектра военных возможностей США, в том числе ядерных и обычных вооружений. США намерены поставить Японии новейшие вооружения и продолжить перегруппировку своих сил, находящихся на территории островного государства. В частности, в рамках ротации на американские военные базы на территории Японии будут перебазированы морские патрульные самолеты P-8, десантный транспортный корабль Green Bay, беспилотники Global Hawk. Кроме того, в 2017 г. США разместят в Японии истребители-бомбардировщики пятого поколения F-35B. Стороны продолжают развивать сотрудничество в области противовоздушной обороны, в космосе, а также в области кибербезопасности³¹.

В отношениях Китая с *Индией* — несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по так называемой линии МакМагона на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш — преобладает тенденция к развитию стратеги-

ческого партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке» (2008), стороны приняли обязательство «...путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «...курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не подпадало под влияние этих разногласий».

В феврале 2018 г. в г. Чэнду (пров. Сычуань) Китай и Индия провели 21-й раунд переговоров, в котором приняли участие с китайской стороны министр иностранных дел КНР Ван И, а с индийской — советник по вопросам национальной безопасности Индии Аджит Довал. Стороны договорились о намерении продолжать переговоры по пограничным проблемам для достижения в ближайшем времени взаимно приемлемых решений, предпринимать меры по созданию в приграничных районах атмосферы сотрудничества и взаимного доверия. Китай и Индия отметили позитивный прогресс в развитии двусторонних отношений и вступление этих отношений в новую фазу развития³².

Наряду с этим в оценках военной политики Индии со стороны КНР просматриваются элементы беспокойства, особенно в связи с углублением ее военного сотрудничества с США. Согласно китайским оценкам, на современном этапе Индия обеспечивает свой статус крупной региональной державы путем осуществления стратегии «сдерживания и возмездия» в отношении многочисленных угроз, в числе которых — усиление военной мощи соседних государств, международный терроризм, региональные вооруженные конфликты, внутренние конфликты, а также политика вмешательства внешних сил в регионы Южной Азии и Индийского океана. Индия усиливает свой потенциал сдерживания обычными (неядерными) средствами, придерживаясь принципа внезапных упреждающих действий и стремясь к реализации таких стратегических целей, как установление эффективного контроля за ситуацией в регионе Южной Азии и в Индийском океане³³.

Отношения Китая с южным соседом — *Вьетнамом* ныне строятся на основе формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее», принятой в 2000 г. После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива³⁴.

Китай предпринимает усилия к развитию отношений сотрудничества с Вьетнамом в направлении их вывода на уровень стратегического партнерства. Эти усилия активировались в связи с приходом к власти в январе 2016 г. нового руководства СРВ во главе с президентом Чан Дай Куангом.

Особое значение Китай придает сотрудничеству между коммунистическими партиями двух стран, контактам на правительственном уровне, обмену по линии военных ведомств, торгово-экономическому взаимодействию, надлежащему разрешению существующих различий, включая территориальные проблемы. В ходе встреч на уровне глав правительств двух стран в сентябре 2016 г. стороны обсудили перспективы всестороннего стратегического партнерства и достигли соглашения как по вопросам торговли и строительства инфраструктуры, так и по продолжению и укреплению сотрудничества в таких областях как дипломатия, национальная оборона и безопасность.

Отношения Китая с *Филиппинами* развиваются в направлении достижения полной нормализации после их осложнения, вызванного территориальными претензиями Филиппин на острова Спратли в Южно-Китайском море и решением Арбитражного трибунала в Гааге по данной проблеме, принятом в июле 2016 г., в пользу Филиппин. Китай еще в 2014 г., заявил о непризнании компетенции трибунала по данной проблеме и высказал решительный протест по поводу односторонних действий Филиппин, выразившихся в обращении в Гаагу, а одновременно — готовность к обсуждению проблемы с Филиппинами в двухстороннем формате. В октябре 2016 г. президент Филиппин Дутерте посетил Пекин, где провел переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Госсовета КНР

Ли Кэцяном, в результате которых стороны договорились о намерении искать соответствующее решение проблем путем двусторонних консультаций. В совместном коммюнике по итогам переговоров были определены сферы возможного взаимодействия и подписан меморандум о сотрудничестве по тринадцати направлениям, охватывающим экономику, торговлю, инвестиции, финансы и строительство объектов инфраструктуры³⁵.

Ситуация в отношениях с соседними государствами в сфере военной безопасности оценивается в КНР как благоприятная. В 2008 г. завершено юридическое оформление *российско-китайской* государственной границы на всем ее протяжении. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно — Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), дополнительного Соглашения о границе на ее Восточной части (2004 г.) и дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее восточной части (2008 г.), — государственная граница между двумя странами определена договорными документами на всем ее протяжении. Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Уссури вблизи Хабаровска³⁶.

2.2. Нетрадиционные угрозы — сепаратизм, международный терроризм, экстремизм

В Пекине полагают, что Китай стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности как традиционно так и нетрадиционного характера. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы,

выступающие за независимость Тайваня, Восточного Туркестана и Тибета³⁷.

Наибольшую угрозу национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР представляет деятельность *сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня*. Очевидно, что намерение Пекина решить тайваньскую проблему по принципу «одна страна — две системы» входит в противоречие с интересами США и Японии, стремящимися, опираясь на Тайвань, усилить свое присутствие в АТР, где складывается новый центр мировой политики и экономики. Уже в настоящее время в регионе производится более половины мирового ВВП. Между тем, по японским оценкам, в случае поглощения КНР экономически высокоразвитого Тайваня Китай получит возможность контролировать западную часть Тихого океана, включая международные морские коммуникации в Южно-Китайском море, что распространит его влияние на всю Юго-Восточную Азию и позволит бросить вызов господствующему положению США в этой части мира. Таким образом, стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб³⁸. Напротив, окончательное отделение Тайваня от материка оказало бы сдерживающее воздействие на возможности Китая проецировать силу в пределах АТР, в то время как США сохранили бы за собой стратегический плацдарм, прилегающий к прибрежным экономическим центрам КНР.

В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения возможно-го американского вмешательства. В этой связи военное руководство страны на первый план выводит борьбу с авианосными ударными группировками США, что в свою очередь находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС.

Во внутривластном плане особую озабоченность руководства страны вызывает активизация и расширение масштабов деятельности на территории Китая и за его пределами сепаратистской организации «*Исламское движение Восточного Туркестана*», целью которой является создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, а также других государств Цен-

тральной Азии (ЦА), прежде всего Казахстана, Киргизии и Узбекистана, имеющих значительные уйгурские диаспоры, независимого государства «Уйгурстан». В намерения сепаратистов входит установление контроля над местными природными ресурсами, а также — над транспортными коридорами из Китая в Европу и строящимися газо- и нефтепроводами в центральные районы Китая. Этому движению удалось не только добиться одобрения и финансовой поддержки уйгурских диаспор в ЦА и странах Запада, но и создания в них собственных организаций. В последние годы организация принимает на вооружение террористические методы достижения поставленных целей, в ее составе имеется до 600 боевиков, прошедших подготовку в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали июльские события 2009 г. в г. Урумчи (СУАР), в ходе которых погибли 186 человек, 1000 человек были ранены, а 1400 участников выступлений арестованы.

Новым свидетельством тревожной ситуации в сфере внутренней безопасности стали инцидент с автомобилем на площади Тяньаньмэнь в Пекине и два взрыва в г. Урумчи в октябре 2013 г., которые предположительно были связаны с деятельностью террористических групп СУАР. Проблема стала предметом рассмотрения на первой сессии вновь созданного Комитета национальной безопасности КПК в апреле 2014 г. Президент Си Цзиньпин выступил с предложением создать комплексную концепцию национальной безопасности и указал на необходимость внимания как внутренним, так и внешним ее аспектам. Данная концепция включает одиннадцать направлений деятельности, охватывающих политику, территориальные проблемы, военную область, экономику, культуру, общество, науку и технологии, информационную сферу, экологию, ресурсы, ядерную сферу. Наряду с этим, как отмечает армейская печать, в сфере безопасности проявляется тенденция трансформации внутренних проблем в международные и наоборот — международные проблемы приобретают внутреннее измерение. Другими словами, если острые внутренние проблемы не получают разрешения, они могут стать международными. В свою очередь, не-

разрешенные международные проблемы могут вызвать внутреннюю нестабильность.

ЦК КПК наращивает усилия в антитеррористической борьбе, однако, положение остается тревожным и напряженным. Так, в апреле 2014 г. вскоре после посещения Си Цзиньпином Синьцзяна и Нанкинского военного округа и его выступлений о важности борьбы не только со всеми видами терроризма, но и с любыми признаками его проявления, был осуществлен взрыв на железнодорожной станции г. Урумчи. Позднее, 22 мая 2014 г. сразу после завершения международной конференции о сотрудничестве и мерах доверия в Азии, состоявшейся 20—21 мая 2014 г. в Шанхае, здесь прозвучал новый взрыв. КПК предпринимает ответные меры, среди которых на первом месте — усиление превентивных мер и ужесточение репрессий. В результате в мае 2014 г. были арестованы 400 человек, а в августе — около 800³⁹.

На фоне «цветных революций» и гражданских войн на Ближнем Востоке и Украине проблема сепаратизма СУАР рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей центральной Азии. Именно этой проблеме Пекин постоянно уделяет большое внимание в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — региональной международной организации, основанной в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. По инициативе Пекина в рамках деятельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (*сепаратизм, терроризм и экстремизм*) и обеспечения региональной безопасности подписана Конвенция о борьбе с этими явлениями. Налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков⁴⁰.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с *тибетским сепаратизмом*, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и деятелями других стран. В основе движения

лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая⁴¹.

В последние годы силы *международного терроризма* в лице «Исламского государства» (ИГ) и «Аль-Каиды» развернули новую волну атак, расширили свое влияние и масштабы деятельности и представляют ныне серьезную угрозу региональной и мировой стабильности. Многие страны Ближнего Востока подверглись террористическим атакам и понесли тяжелые потери. Террористы широко используют образовавшийся в этих странах вакуум государственной власти и безопасности для укрепления своего влияния и вербовки новобранцев в свои ряды, в том числе через социальные сети Интернета. Согласно оценкам аналитиков США, они вовлекли в свои ряды более 20 тыс. человек в 90 странах. С августа 2014 г. террористические силы «Исламского государства», укрепляя свои позиции в оккупированных районах Ирака и Северной Сирии, одновременно распространяют свое влияние в Ливии, Египте и других странах региона. Представители ИГ действуют во всех странах — членах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — России, Китае, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и Казахстане, а также во всех странах, имеющих статус наблюдателей в ШОС, а это — Монголия, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран.

Этому способствует вовлеченность властей в этих странах во внутриполитическую борьбу. Так, в Египте они направляют усилия в первую очередь на борьбу с «Мусульманским братством» и потому не могут контролировать ситуацию в отдаленных районах, таких как Синайский полуостров. Различные группировки вооруженных сил Ирака заняты в основном самозащитой и неспособны изгнать террористов ИГ. В Йемене эскалация войны, в которую вовлечены вооруженные силы, не дает возможности уделять должное внимание ситуации в обширных восточных районах страны.

Военные удары антитеррористической коалиции, прежде всего эффективные действия Военно-космических сил (ВКС) России,

привели к ослаблению «Исламского государства», однако полному объединению ее усилий препятствует то, что каждое из государств — участников коалиции стремится действовать, исходя из собственных планов, отвечающих национальным интересам. По заявлениям сирийской оппозиции, с момента объявления США о войне против ИГ, последнее продолжило расширение контролируемых им территорий и усилило взаимодействие с «Фронтом национального спасения» и другими экстремистскими группами. По мнению сирийских аналитиков, США и некоторые другие страны не предпринимают адекватных усилий по борьбе с ИГ на территории Сирии, что может привести к перетеканию в эту страну тергрупп из Ирака и их дальнейшему проникновению в другие страны, угрожая стабильности региона. Отмечается, что неэффективность действий коалиции по сдерживанию террористических сил привела к тому, что ИГ сохранило способность вербовать в свои ряды до 1000 экстремистов ежемесячно.

Исходя из текущей ситуации, основным районом деятельности террористических сил является Ближний Восток. Однако, можно предположить, что в перспективе возможно пробуждение и активизация терроризма в Европе, в Центральной и Южной Азии. По мнению аналитиков США, существующие методы антитеррористической борьбы, сложившиеся после 11 сентября 2001 г., в которых преобладает фактор применения военной силы, непригодны для борьбы с ИГ. Они предлагают правительству США разработку и принятие Наступательной стратегии сдерживания терроризма, сочетание военных усилий с мерами экономического и дипломатического характера⁴².

Согласно китайским оценкам, существуют две главных проблемы международной борьбы с терроризмом.

Во-первых, переоценка значения военного фактора. Возглавляемая США антитеррористическая борьба ограничена военными ударами и потому не привела и не может привести к коренному решению проблемы. Практика показывает, что, чем больше усилий предпринимается в этом направлении, тем больше возрастает терроризм. Причины подъема и распространения терроризма имеют

сложную структуру и обусловлены рядом факторов, таких как исторический, политический, экономический, этнический, религиозный и другие, которые должны учитываться в антитеррористической борьбе.

Во-вторых, международное сообщество испытывает трудности в формировании универсальных антитеррористических сил. Вплоть до настоящего времени в мировом сообществе существуют серьезные различия в определении терроризма, его источников, этнических и религиозных мотивов. ООН оказалась неспособной взять на себя руководящую роль в решении проблем антитеррористической борьбы. Международное сотрудничество в данной области остается ограниченным. Этому способствует политика двойных стандартов в антитеррористической борьбе, принятая странами Запада во главе с США: с одной стороны, они противодействуют терроризму, представляющему угрозу им самим, а с другой — поддерживают террористические организации, действующие в других странах. Кроме того, применение США в Ираке и Афганистане бомбардировщиков и других мощных средств поражения ради сокращения собственных потерь в живой силе ведет к росту жертв из числа мирного населения. Все это приводит к заключению, что ситуация в антитеррористической борьбе в ближайшей перспективе будет оставаться напряженной⁴³.

2.3. Мировая революция в военном деле

В Китае полагают, что происходящая в настоящее время мировая революция в военном деле является продуктом перехода от эры индустриализации к эре информатизации и отражает всеобщее соперничество совокупной национальной мощи государств в военной области. Этот процесс обусловлен следующими явлениями⁴⁴.

Во-первых, всеобщим прорывом в сфере новых и «высоких» технологий, в первую очередь, информационных, составляющих основу нынешних изменений в военном деле. Быстрое развитие современной науки и технологий оказывает глубокое влияние на военные

концепции, возможности технических средств, формы вооруженной борьбы. Так, широкое применение новых информационных технологий позволило повысить объем информации, передаваемой по линиям связи, более чем в 10 тыс. раз; довести точность попадания ракетного оружия до нескольких метров, а разрешающую способность разведывательных спутников — до нескольких дециметров.

Во-вторых, в качестве движущей силы революции в военном деле выступают масштабные изменения в глобальной стратегической ситуации, вызванные распадом биполярной структуры после окончания «холодной войны» и нарастанием конфликта между тенденциями к однополярному миру во главе с США и многополярному миру. США, обладающие наибольшей совокупной национальной мощью, стремятся обеспечить себе абсолютное превосходство в военной области. За ними следует ряд развитых стран, увеличивающих ассигнования на исследования и разработку новых видов высокотехнологичных вооружений и осуществляющих изменения своей военной структуры на новом витке соперничества. В этой гонке участвуют и многие развивающиеся страны.

В-третьих, катализатором изменений в военном деле служат непрекращающиеся локальные войны и вооруженные конфликты, количество которых после окончания «холодной войны» существенно возрастает. Китайские военные теоретики отмечают, что происходящая в наши дни революция в военном деле ведет к созданию качественно новой военной системы. Эта система характеризуется высокой степенью интеграции всех образующих ее компонентов и влечет за собой глубокие изменения в области вооружений и военной техники, организационных структур, военных доктрин, боевой подготовки, тылового обеспечения⁴⁵. При этом особо выделяются следующие моменты.

1. Вооружения и военная техника становятся все более высокоточными. Войска, оснащенные электронными средствами, обладают большими возможностями по сбору информации о противнике в зоне боевых действий, принятию своевременных и адекватных решений и нанесения ударов высокоточным оружием. Их боевая эффективность повышается в среднем на 50—60 %, а операционная

зона расширяется более чем в три раза. Опыт войн в Ираке, Афганистане, Сирии и в операциях вооруженных сил западных стран в Северной Африке и на Ближнем Востоке показал, что различные типы высокоточного оружия, оснащенного информационными системами и искусственным интеллектом, становятся основной огневой и ударной силой на поле битвы. В последние годы многие страны активно ведут разработку вооружения и снаряжения с искусственным интеллектом, такого как беспилотные средства и др., что способствует углублению интеграции информационных систем в вооруженные силы.

2. Командование и оперативное управление все более приближаются к реальному масштабу времени. Многие страны ведут разработку компьютерных систем управления вооруженными силами, объединяющими разведку, командование, оперативное управление и наблюдение в зоне боевых действий, а в последнее время — функцию уничтожения противника. Целью таких систем является обеспечение непрерывного автоматизированного взаимодействия всех ее звеньев на всех этапах функционирования — от обнаружения до уничтожения противника.

3. Структура вооруженных сил становится более адекватной новым условиям их боевого применения. Основной тенденцией строительства вооруженных сил становится сокращение численности личного состава сил общего назначения при одновременном увеличении высокоточных вооружений и соответствующих подразделений обслуживания. Конечной целью является создание сравнительно компактных многофункциональных вооруженных сил, построенных по модульному принципу и готовых к гибкой реорганизации и быстрому реагированию при выполнении, как военных, так и невоенных операций.

4. Современная война представляет собой совокупность согласованных действий разнородных сил. Войсковая операция сопровождается действиями сил специального назначения, психологическими операциями, «информационной войной», в частности, противодействием функционированию сетей связи и управления оружием,

подрывными действиями средств массовой информации — с идеей достижения целей войны в кратчайшие сроки.

5. Война будущего будет вестись в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Вооружённая борьба на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях ведётся одновременно на всю глубину зоны боевых действий. Границы между фронтом и тылом становятся размытыми, темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы с элементами космического базирования⁴⁶.

В Пекине полагают, что глубокие и резкие изменения в военной сфере привели к новому серьезному дисбалансу в военной мощи государств. Интенсивное внедрение в военную сферу новых и высоких технологий, среди которых особое место занимают информационные технологии, привело к превращению зоны предполагаемых боевых действий в многомерное пространство, включающее сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Большинство развитых стран внесли соответствующие коррективы в свою военную стратегию и ускоренными темпами осуществляют модернизацию вооруженных сил, что ведет к резкому увеличению разрыва в военно-технической области между развитыми и развивающимися странами.

По взглядам китайских военных аналитиков быстрое развитие информационных технологий в последние годы и их применение в военной области ведет к *изменению формы вооруженной борьбы — от прежней преимущественно механизированной войны к информатизированной войне.*

В то время как материалы и энергия продолжают оставаться важными ресурсами ведения войны, они больше не являются главными факторами, определяющими боевую эффективность; их место заняли информация и информационные системы. Это явление, в свою очередь, влечет за собой изменение механизма достижения победы. Политическая цель войны состоит в навязывании противнику своей воли, в то время как военная цель заключается в уничтожении

сил противника и сохранении своих сил. Прежде победа достигалась путем причинения противнику тяжелых людских и материальных потерь в ходе крупномасштабных наступательных операций и лишения последнего возможности к сопротивлению. Однако этот путь связан с неизбежным ущербом для своей страны и необязательно ведет к достижению цели. Достижения в области информационных технологий делают возможным полное уничтожение способности противника к сопротивлению посредством взятия под контроль его информационных систем без причинения тяжелого материального ущерба. Главными объектами атак в информационной войне являются жизненно важные системы, такие как административные институты, командные пункты и центры управления, центры информационных сетей, которые должны поражаться высокоточным оружием. Масштаб войны нового типа по сравнению с прошлыми войнами становится меньше.

Для достижения победы в информатизированных войнах локального масштаба Китай намерен осуществить меры, направленные на повышение возможностей НОАК по проведению операций против информационных систем вероятного противника, а также трансформировать модель боевой эффективности путем использования информационных систем для интеграции широкого спектра сил и средств и постепенно сформировать объединенную оперативную систему, в которой все элементы на суше, на море, в космосе и в киберпространстве связаны между собой и могут действовать как самостоятельно, так и по скоординированным планам. Предполагается, что в перспективе эта система должна охватывать не только вооруженные силы, но также другие системы, связанные с ведением войны, включая политику, экономику, дипломатию, законодательство, общественное мнение.

В операциях «система против системы» противник рассматривается как единый организм. Нанесением ударов высокоточным оружием по ключевым объектам его систем можно быстро разрушить их целостность, координацию, подорвать нормальное функционирование⁴⁷.

2.4. Концепция «активной обороны в новых условиях» и создание на основе науки мощных вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР

В начале XXI века в области военного строительства и модернизации вооруженных сил Китай опирается на достижения национальной и мировой *военной науки*. В стране создана отвечающая современным требованиям система организаций, занимающихся подготовкой военных кадров широкого профиля для НОАК и НВП, а также военных научных кадров, и являющихся одновременно военно-научными исследовательскими центрами. Основу системы составляют Академия военных наук Китая, Академия национальной обороны, Научно-технический университет национальной обороны, Инженерная академия электроники НОАК, командные академии видов вооруженных сил НОАК.

Развитие китайской военной науки на современном этапе характеризуется проведением военно-теоретических исследований проблем мировой революции в военном деле и ведения военных действий в условиях высокотехнологичной войны, а также разработкой концептуальных положений по *применению национальных вооруженных сил при выполнении основных внешних и внутренних функций, а также — невоенных операций*. Особое внимание уделяется анализу высокотехнологичных локальных войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий. В последнее время, наряду с этим, исследуются проблемы борьбы с международным терроризмом и пиратством, поддержания внутривосточной и социальной стабильности, защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, а также участия НОАК в проведении невоенных операций, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН, международные спасательные операции, операции по ликвидации последствий стихийных бедствий.

В официальных изданиях Министерства обороны Китая военная наука в широком смысле определяется термином «военная теория»,

под которым понимаются систематизированные знания в области военного дела и войны в целом, отражающие развитие военного строительства на современном этапе, характер и закономерности вооруженной борьбы. Китайская военная теория призвана исследовать проблемы войны и мира, войны и политики, взаимосвязь оборонного и экономического строительства, диалектики военного дела и на этой основе определить степень соответствия военно-доктринальных взглядов китайских руководителей задачам строительства национальных вооруженных сил на текущем историческом этапе. Компонентами военной теории являются: руководящие идеи, военная наука, теория организации вооруженных сил, история военного дела, военная история и военная география. Главным из них является военная наука, которая определяется как система знаний о характере возможной войны, подготовке к ней страны и вооруженных сил и способах ее ведения. При этом решаются следующие задачи: исследование стратегии современных войн; выработка взглядов на оборонное строительство, военно-техническую и военно-экономическую политику страны; познание закономерностей и способов подготовки и ведения вооруженной борьбы; разработка актуальных проблем технического оснащения и экономического обеспечения вооруженных сил. Составными частями военной науки являются теория военного искусства, а также военно-техническая и военно-экономическая наука⁴⁸.

Китайские военные аналитики отмечают необходимость одновременного проведения как фундаментальных, так и прикладных исследований в военной области в интересах комплексного обеспечения развития и подготовки ВС в соответствии с характером будущих войн. Если фундаментальные исследования направлены на решение масштабных проблем, раскрытия принципиально новых направлений в развитии оружия, военной техники, способов их применения, то прикладные непосредственно связаны с практикой военного строительства и выполнением текущих задач. Военно-теоретическая мысль предполагает изучение и обобщение как своего, так и зарубежного опыта оперативной и боевой подготовки штабов и войск для его последующего использования в строительстве китайских

вооруженных сил. Военные эксперты Китая постоянно наблюдают за состоянием военного дела за рубежом, глубоко анализируют изменения, происходящие в вооруженных силах ведущих мировых держав — в их организации, техническом оснащении, морально-психологическом состоянии личного состава, стратегии, тактике и других вопросах, связанных с подготовкой к войне и боевой готовностью. В этих целях широко используется опыт проведения совместных с вооруженными силами других стран военных и военно-морских учений. Руководители страны, признавая важность военной науки для обороноспособности страны, призывают «...поднять на должный уровень научные исследования и изыскания в штабах, войсках и на флотах, активизировать деятельность всех научных организаций, подчиненных НОАК, улучшать содержание теоретических журналов, совершенствовать организацию военно-научной и технической информации». При этом подчеркивается, что военно-теоретическая мысль должна оставаться свободной от утративших свою актуальность положений.

Конечная цель заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций. ***За армией при этом сохраняется роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.***

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны, включающей три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение, в основном, стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁴⁹. Основным содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных

операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также — при проведении антитеррористических операций.

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на съезде была поставлена задача укрепления обороны и создания вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях.

Модернизация обороны в соответствии с упомянутой программой рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. К 2020 г. намечается завершить механизацию войск и добиться прогресса в их информатизации.

В связи с усложнением и многообразием задач в области национальной безопасности с целью повышения способности правительства страны адекватно реагировать на вызовы и угрозы, на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва, состоявшемся в ноябре 2013 г., принято решение о формировании нового органа — Совета государственной безопасности КНР⁵⁰. Наряду с этим, в соответствии с решением Политбюро ЦК КПК, принятом 23 января 2015 г., ведется разработка «Программы стратегии государственной безопасности Китая». Согласно оценке Политбюро «...в настоящее время ситуация на международной арене быстро меняется, происходят глубокие перемены в экономике и обществе Китая, реформа вступает в решающий период, множатся социальные противоречия, отмечаются небывалые ранее прогнозируемые и непрогнозируемые угрозы и вызовы безопасности, поэтому необходимо постоянно укреплять осознание возможной опасности и заранее предпринимать меры предосторожности»⁵¹.

26 мая 2015 г. Госсоветом КНР опубликована Белая книга «Военная стратегия Китая» (China's Military Strategy)⁵², в которой отражены военно-доктринальные взгляды руководства страны на современном этапе. В предисловии к Белой книге говорится о приверженности Китая мирному развитию, о его «активной оборонной стратегии», а также о том, что «...Китай никогда не будет стремиться

к гегемонии или захвату чужих территорий». Согласно документу Пекин намерен твердо придерживаться независимой, самостоятельной и мирной внешней политики, выступать против гегемонии и силовой политики в любых формах их проявлениях; никогда не будет действовать агрессивно или экспансионистски в отношении других стран. Наряду с этим, отмечается, что страна намерена совмещать стратегическую оборону с готовностью к тактическому нападению.

В документе подтверждена установка на дальнейшее укрепление обороны и *создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР* и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны на новом историческом этапе. В области военного строительства Китай следует концепции «*активной обороны в новых условиях*», предполагающей строительство мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба⁵³. При этом деятельность китайских вооруженных сил базируется на следующих принципах:

- подчиненность задаче обеспечения мира для реализации национальной стратегии развития, усиление подготовки к ведению вооруженной борьбы, предотвращение кризисных ситуаций, способность одерживать победу в войнах;
- осуществление военной политики, имеющей оборонительный характер и тесно скоординированной с мерами в области государственной политики, экономики и дипломатии; эффективное отражение потенциальных, в том числе внезапных угроз национальной безопасности;
- осуществление на плановой основе сбалансированной политики по защите прав, с одной стороны, и обеспечению стабильности с другой; обеспечение защиты суверенитета и интересов страны на суше и на море, поддержание безопасности и стабильности на периферии;
- использование всех возможностей для ускорения военного строительства; стремление к захвату в войне стратегической инициативы, развивая активные действия во всех сферах и по всем направлениям;

- применение гибкой стратегии и тактики, использование в полной мере эффективности совместных операций разнородных сил;
- подготовка к выполнению задач в любое время и при самых сложных и тяжелых сценариях развития обстановки;
- использование в полной мере уникальных политических преимуществ народных вооруженных сил; обеспечение абсолютного руководства армией со стороны КПК;
- развитие боевого духа, укрепление воинской дисциплины, повышение профессионализма войск;
- использование для победы над врагом применительно к новым условиям принципов, заложенных в концепции «народной войны»; в военной мобилизации уделение главного внимания не человеческим ресурсам, а науке и технологиям;
- активное расширение сотрудничества в военной области и в сфере безопасности, углубление отношений по военной линии с мировыми державами, соседними и развивающимися странами; содействие созданию региональной структуры безопасности и сотрудничества⁵⁴.

Круг задач, поставленных перед вооруженными силами в про-странственном измерении существенно расширен и включает не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

В «Военной стратегии Китая» 2015 г. можно выделить следующие моменты:

- констатируется повышение международного положения и влияния Китая, расширение стратегических интересов КНР, необходимость перехвата китайскими вооруженными силами стратегической инициативы в военном соперничестве;
- усиление вооруженных сил Китая называется составной частью «китайской мечты» о возрождении китайской нации;
- КПК продолжает играть ключевую роль в руководстве оборонным строительством и вооруженными силами КНР; подтверждается

положение о незыблемости принципа абсолютного руководства армией со стороны КПК;

- выделяются четыре ключевые сферы, в которых Китаю необходимо повышать потенциал вооруженных сил: море, космос, киберпространство, ядерная сфера;

- на стратегическом уровне военная политика Китая имеет оборонительный характер, однако, в случае развязывания войны китайская армия должна стремиться к захвату инициативы.

Согласно «стратегии активной обороны в новых условиях», Пекин определил 5 основных возможных сценариев будущей войны локального масштаба: 1) военный конфликт с соседними странами в ограниченном районе; 2) военный конфликт над территориальными водами; 3) внезапное воздушное нападение противника на Китай без предварительного уведомления; 4) оборона приграничного участка территории Китая; 5) карательные контратаки со стороны Китая на территорию противника с целью «противодействия вторжению, защиты суверенитета и устранения угрозы». В качестве асимметричного ответа на военно-техническое отставание от вероятного противника командование НОАК рассматривает проведение следующих видов военно-информационных операций: 1) разведывательные операции по сбору сведений о противнике; 2) операции по защите собственных электронных систем управления войсками и оружием и подрыву аналогичных систем противника; 3) физическое разрушение информационной структуры противника путем использования огневых средств⁵⁵.

Согласно «Военной стратегии Китая» 2015 г., Сухопутные войска НОАК должны продолжать переход от обороны на театре военных действий (ТВД) к маневренным действиям в пределах ТВД. Должна быть повышена мобильность ракетных и артиллерийских войск и их готовность к нанесению точных ударов по целям средней и большой дальности. Военно-воздушные силы должны перейти от «территориальной обороны воздушного пространства» к действиям, сочетающим территориальную оборону и наступление. Подтверждены принципы содержания стратегических ядерных сил Китая на минимальном уровне в целях самообороны, неприменения Китаем

ядерного оружия первым, в особенности против неядерных стран; заявлено намерение Китая не участвовать в гонке ядерных вооружений с любым другим государством⁵⁶.

В качестве одной из главных задач китайской армии документ определяет *способность одерживать «победу в локальных информационных войнах»*. В связи с постоянными изменениями форм ведения войны и возможными внезапными и резкими изменениями обстановки, в том числе в сфере информации, Китай ускорит наращивание «инфовоиск», которые будут устранять «серьезные угрозы безопасности» в виртуальном пространстве. Согласно «Военной стратегии Китая» 2015 г., сухопутные войска НОАК должны продолжать переход от обороны на театре военных действий (ТВД) к маневренным действиям в пределах ТВД. Должна быть повышена мобильность ракетных и артиллерийских войск и их готовность к нанесению точных ударов по целям средней и большой дальности. Военно-воздушные силы должны перейти от «территориальной обороны воздушного пространства» к действиям, сочетающим территориальную оборону и наступление. Подтверждены принципы содержания стратегических ядерных сил Китая на минимальном уровне в целях самообороны, неприменения Китаем ядерного оружия первым, в особенности, против неядерных стран. Заявлено намерение Китая не участвовать в гонке ядерных вооружений с любым другим государством⁵⁷.

Важное место в китайских военно-доктринальных взглядах занимают проблемы *информационного противоборства*. На протяжении последних 15 с лишним лет в КНР разрабатывается стратегия проведения информационных операций (ИО). Изучение опыта военных действий США в Персидском заливе, Косово, Афганистане и Ираке, а также опыта России в Чеченской Республике привело к пересмотру роли этой деятельности в военной стратегии КНР. По взглядам китайских военных аналитиков, информационное противоборство в перспективе должно стать основой любой военной операции, а его эффективность будет главным показателем боеспособности НОАК в целом. В последнее время в Китае появился ряд публикаций, посвященных информационному противоборству, истории органов ИО, сравнительному анализу этих органов в КНР с рядом аналогичных

ведомств в странах Запада. В данных публикациях предлагается применять традиционные китайские методы проведения таких операций в сочетании с использованием инновационных западных технологий. При этом в целях устранения технологического отставания от американских и европейских органов ведения информационной войны (ИВ) указывается на необходимость принятия на вооружение силами ИО НОАК новейшей техники, в особенности, электронной и авиационной. В частности, для ведения пропаганды и контрпропаганды предполагается использование беспилотных летательных аппаратов, теле-, радио- и звукового вещания.

Существующие концепции ИО КНР базируются на древнекитайских стратагемах Сунь Цзы, а также на теории «народной войны» Мао Цзэдуна. Традиционные методы проведения информационных операций КНР — давление и устрашение. Американские аналитики считают эти методы основными при проведении информационных операций КНР против Тайваня. В настоящее время они успешно применяются во время подавления массовых акций протеста внутри страны.

Основной категорией в исследованиях китайских специалистов в области ИО является система ценностей. По их взглядам, западная система ценностей (свобода, демократия, права человека, индивидуализм и т. д.) представляет собой инструмент долгосрочного информационно-психологического воздействия на систему ценностей социалистических и исламских стран. Этой системе противопоставляется китайская система ценностей (коллективизм, традиции и культура), которая в настоящее время подвергается серьезному воздействию со стороны США и европейских стран.

Существующая в Китае традиционная концепция может успешно применяться против Тайваня и ряда азиатских стран, население которых в плане национально-психологических особенностей во многом похоже на китайское. Однако для успешного проведения информационных операций против США и других западных стран требуется не только тщательное изучение данных особенностей их населения, но и радикальный пересмотр всей стратегии ведения ИВ, поскольку традиционные китайские методы в данном случае не могут принести существенных результатов.

Стратегия «народной войны» Мао Цзэдуна предполагает участие в военных действиях огромной части населения страны. Переосмысление и применение этой стратегии в контексте ИО предусматривает мобилизацию для их проведения значительного числа граждан, не состоящих на действительной военной службе. По мнению китайских теоретиков, выполнять задачи в рамках информационного противоборства может любой человек, владеющий компьютерными навыками. Такие участники ИО своей целенаправленной технической и информационно-пропагандистской деятельностью в глобальной информационной сети (ГИС) Интернет и локальных компьютерных сетях могут нанести значительный ущерб информационным сетям и моральному духу противника. Подобные операции успешно проводятся в отношении серверов ряда американских государственных организаций и Тайваня.

Тем не менее, главная роль в организации и ведении ИО отводится квалифицированным военным специалистам. Этот принцип реализуется в практике военного строительства: в настоящее время в Китае созданы специальные формирования по ведению ИВ — спецбатальоны НОАК и резервные полки народного ополчения.

В связи с бурным развитием компьютерных технологий китайские специалисты по информационному противоборству главную роль в структуре ИО отводят специальным операциям в компьютерных сетях. При этом они рассматривают свои компьютерные сети как средство ведения информационно-психологического воздействия, а сети противника как объект такого воздействия, полагая, что посредством ИО можно добиться принятия органами государственной власти и военного управления противника выгодных Китаю решений. Большое внимание уделяется информационно-пропагандистской деятельности в глобальной информационной системе Интернет, а также в крупных европейских и американских локальных сетях.

Анализ публикаций китайских специалистов по вопросам информационного противоборства показывает возрастающую заинтересованность руководства страны в выработке единой стратегии проведения ИО, совершенствовании организационно-штатной структуры командования, сил и средств ИО. На выработку концепции информационных операций в значительной степени влияет

изучение опыта их проведения США и другими государствами. При этом базовые принципы ведения ИВ иностранными государствами дополняются традиционной китайской концепцией, основанной на стратагемах Сунь Цзы и теории «народной войны» Мао Цзэдуна⁵⁸. Намерение китайского военно-политического руководства развивать «информационные войска» нашло отражение в официальном документе Госсовета КНР «Военная стратегия Китая» (2015 г.)⁵⁹.

Основными направлениями исследований Китая в области военных информационных систем являются:

1. Системы разведки и раннего предупреждения, включающие взаимосвязанные элементы наземного, морского, воздушного и космического базирования и способные на основе интегрированного анализа добываемых данных вырабатывать информацию о положении на театре военных действий в реальном масштабе времени.

2. Системы командования и управления, опирающиеся на информационные сети и осуществляющие ситуационный анализ, выработку оперативных решений и оперативное командование.

3. Ударные системы, включающие компьютеры, цифровые коммуникационные линии и радиотехнические средства и способные обеспечить эффективное поражение целей высокоточным оружием.

4. Сетевые и электромагнитные боевые системы, предназначенные для ведения борьбы в информационных сетях и электромагнитном пространстве.

5. Обеспечивающие системы различного назначения, являющиеся жизненно важной частью операций «система против системы» и выполняющие такие задачи, как наблюдение, сбор метеоданных, снабжение и др.⁶⁰

2.5. Участие Китая в международном сотрудничестве в сфере военной безопасности

Военно-политическое руководство страны придает большое значение участию Китая в международном военном сотрудничестве, прежде всего — со странами АТР, в котором стремится занять лиди-

рующее положение. Китай намерен продолжать участие в многосторонних форумах безопасности и сотрудничества АТР, таких как Совещание министров обороны «АСЕАН плюс» (ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus), Региональный форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum), Диалог Шангри-Ла (Shangri-La Dialogue), Международный диалог по проблемам обороны Джакарта (Jakarta International Defence Dialogue), Военно-морской симпозиум стран Западной части Тихого океана (Western Pacific Naval Symposium). Наряду с этим уделяется внимание развитию сотрудничества по военной линии со странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также со странами Африки, Латинской Америки и Южной части Тихого океана⁶¹.

В 2013 г. между АСЕАН и Китаем было достигнуто соглашение о порядке и методах проведения консультаций на регулярной основе по вопросу о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море как документа, являющегося обязательным для исполнения в отличие от Декларации о принципах деятельности в Южно-Китайском море, подписанной странами АСЕАН и Китаем в ноябре 2002 г. и имеющей рекомендательный характер. В сентябре 2013 г. АСЕАН и Китай договорились обсудить установление между странами «горячих» линий связи, которые позволили бы быстро реагировать на возможные инциденты в Южно-Китайском море. Следует отметить, что АСЕАН и Китай имеют общую точку зрения на необходимость совместных действий в критической обстановке, при реагировании на непредвиденные события, проведении поисковых и спасательных операций в открытом море⁶².

В обозримой перспективе *Китай намерен развивать сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках отношений стратегического партнерства* и способствовать всестороннему расширению и диверсификации сфер сотрудничества по военной линии. Одновременно будут продолжены усилия в направлении реализации новой модели отношений по военной линии с США, соответствующей новому этапу китайско-американских межгосударственных отношений, включая совершенствование механизмов взаимного уведомления о военных учениях и других важных ме-

роприятиях в деятельности вооруженных сил с целью укрепления взаимного доверия и предупреждения критических ситуаций⁶³.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках) и отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Вместе с тем, по мнению многих китайских экспертов, наращивание военного присутствия США в АТР, активизация деятельности Вашингтона по укреплению существующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций приводит к необходимости пересмотра изложенных принципов. Об этом свидетельствует содержание передовой статьи в газете «Жэньминь жибао» от 10 февраля 2014 г., в которой поставлен вопрос о целесообразности вывода Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001 г. на качественно новый уровень — уровень военно-политического союза. Такой же точки зрения придерживается один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэту, который предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза⁶⁴.

Вопрос, касающийся усиления российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности обсуждался лидерами наших государств во время официального визита президента В.В. Путина в мае 2014 г. в КНР. Проблема заключается в выборе путей его решения: следует ли идти по пути создания военно-политического союза, или по линии дальнейшего развития стратегического партнёрства между двумя странами в рамках уже подписанных договоров и существующих международных организаций, членами которых являются и Россия и Китай.

Анализ упомянутого Договора 2001 г. показывает, что документ содержит вполне конкретные обязательства сторон. Так, статья 9, гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасно-

сти», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Кроме того, ряд положений Договора направлен на укрепление доверия между двумя странами и содержит взаимные обязательства по неприменению каких-либо силовых действий по отношению друг к другу.

Так, в статьях 1 и 2 говорится о взаимном уважении «суверенитета и территориальной целостности», ненападении, невмешательстве во внутренние дела, соблюдении принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования». Поэтому «...стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют экономические и иные способы давления и разрешают разногласия исключительно мирными средствами», обязуются «взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты» и «исключают применение друг против друга ядерного оружия». Статья 4 направлена на взаимную поддержку политики в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности наших государств. И, наконец, согласно статье 6 обе страны неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Важно отметить, что обе стороны последовательно реализуют положения Договора. За последние годы урегулированы все пограничные вопросы. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, равно как и реализация соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в «границу мира и дружбы».

Нарращивается сотрудничество наших стран в политико-дипломатической сфере, в решении проблем ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ), сохранения режима нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе и в других областях. Россия и Китай, как постоянные члены Совбеза ООН, выступают по этим вопросам с

консолидированных позиций. Россия и Китай выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит их потенциал сдерживания и будет иметь серьёзные негативные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности. Таким образом, наши государства реализуют положения статьи 11 Договора, устанавливающей, что стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, и прилагают активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и их политическом урегулировании.

Противодействию набирающим актуальность новым угрозам международной безопасности посвящена статья 20, в которой говорится о сотрудничестве наших стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

Практическая деятельность охватывает и военную сферу. Здесь наше сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. От двустороннего сотрудничества мы переходим к многостороннему сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что находится в соответствии со статьей 14 Договора: «Стороны способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества».

Вторым важным документом, регламентирующим совместные действия наших государств в сфере безопасности является Хартия Шанхайской организации сотрудничества 2002 г. ШОС не является

военно-политическим союзом, однако, согласно данному документу, она представляет собой универсальную организацию. Ее целями и задачами определены: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также, «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»⁶⁵.

В силу этого, по мнению А.Ф. Клименко, имеется правовая база, а вследствие обостряющейся военно-политической ситуации в регионе становится очевидной и необходимость создания в рамках ШОС механизмов многостороннего сотрудничества по всему спектру центрально-азиатских проблем безопасности и обороны⁶⁶. Радикальный исламизм оформился в мировую сеть «террористического интернационала», которая с каждым днем становится все более разветвленной. Для борьбы с терроризмом странам необходимо объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня всё более вырисовывается перспектива превращения этой задачи в долгосрочную стратегию. Поэтому ШОС должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных невоенных мер по предотвращению угроз со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и других, в соответствии с Уставом ООН). Иначе говоря, существует потребность и имеются правовые основания для углубления сотрудничества государств-участников ШОС в военной сфере. Не являясь военно-политической структурой, ШОС должна стать на деле многофункциональной Организацией, способной решать, в том числе, весь комплекс задач в сфере безопасности, что и предусмотрено её Хартией.

Представляется, что в качестве первого шага здесь можно было бы инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС) в качестве постоянно действующего органа ШОС. Такой орган способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил

стран региона, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать своевременное реагирование на угрожающие странам-участницам ситуации. ККВС, кроме того, будет способствовать налаживанию эффективного взаимодействия между военными разведками стран-членов Организации.

Можно рассмотреть и другую систему управления, базирующуюся, на принципе «выделения, но не отделения». Этот принцип предусматривает выделение из состава органов управления национальных вооруженных сил части подготовленного персонала, который используется для формирования основы (оперативного ядра) ККВС, ответственного за организацию и проведение конкретной, например, миротворческой операции. При необходимости такое ядро может наращиваться соответствующими управленческими блоками — «компоновочными модулями» от обеспечивающих органов управления армий стран-участниц ШОС (боевого, тылового, технического). Это позволит максимально использовать ресурсы уже имеющихся органов управления и, соответственно, даст значительную экономию сил, средств и времени. Последнее в условиях «кризисного реагирования» приобретает немаловажное значение.

Создание оперативной основы для решения обозначенной выше задачи, во многом благодаря инициативе и сотрудничеству России и Китая, уже обеспечивается проведением регулярных военных маневров под кодовым названием «Мирная миссия» и военно-морских учений «Морское взаимодействие». Эти учения позволили участвующим в них штабам, войскам и силам флотов двух стран отработать необходимую для совместных действий оперативную совместимость.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Развитие военной составляющей ШОС даёт определённые основания политологам, особенно западным, говорить о «дрейфе» Организации в эту сторону. В качестве контраргумента необходимо еще раз подчерк-

нуть, что вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран-участниц Организации. В области безопасности ШОС намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. К тому же сегодня ШОС является региональной структурой, установившей связь с ООН и решающей миротворческие задачи по мандату этой Организации.

Таким образом, анализ российско-китайского Договора 2001 г. и Хартии ШОС 2002 г. даёт основание сделать вывод о том, что сегодня и в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем⁶⁷.

Примечания

¹ Issues & Studies / by Institute of International Relations, Taipei; vol. 31. № 11. November 1995. P. 61—62.

² Хунци. 1986. № 13. С. 25.

³ Жэньминь жибао. 20.06.1985.

⁴ Жэньминь жибао. 20.04.1986.

⁵ Китай: контроль над вооружениями и разоружение. Документ Госсовета КНР // «Белая книга». 1995. Ноябрь. С. 3—4.

⁶ Ян Чуньчжан. Исследование взглядов Дэн Сяопина по проблемам военного строительства на новом этапе. Пекин: Цзефан цзюнь чубаньшэ, 1989. С. 60.

⁷ Ян Шанкунь. За строительство современных вооруженных сил с китайской спецификой. Хунци. 1984. № 15. С. 5—7.

⁸ URL: <http://by.china-embassy.org/rus/fyrth/t894915.htm>

⁹ Executive Intelligence Review (EIR). January 20, 2012. P. 9.

¹⁰ URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/2734>

¹¹ East Asian Strategic Review 2012. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. P. 6, 7.

¹² Executive Intelligence Review (EIR). January 20, 2012. P. 9.

¹³ URL: <http://pronedra.ru/politics/2014/04/28/manila-i-vashington-dogovorilis>

- ¹⁴ URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html
- ¹⁵ URL: http://lenta.ru/news/2014/11/12/usa_china
- ¹⁶ URL: <http://informing.ru/2015/06/15/kitay-i>
- ¹⁷ URL: <https://russian.rt.com/world/article/353160-tramp-voennye-rashody-na-rashchivanie-flot>
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ URL: <https://pravdoryb.info/novaya-voennaya-strategiya-ssha--protivostoyanie-kitayu-i-rossii.html>
- ²⁰ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58608eb39a7947247d1fe57b>
- ²¹ URL: <https://yandex.ru/search/?clid=2186621&text=https%3A%2F&lr=213&redircnt=1522314419.1>
- ²² URL: <https://regnum.ru/news/2310538.html>
- ²³ URL: http://russian.news.cn/2017-07/17/c_136450598.htm
- ²⁴ URL: russian.china.org.cn (17.04.2013).
- ²⁵ URL: <https://topwar.ru/122109-kitay-gotov-na-poteri-iz-za-sankciy-protiv-kndr.html>
- ²⁶ URL: ru.journal-neo.org
- ²⁷ *Жебин А.З.* Корейский конандрум // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 47, 48, 51, 52.
- ²⁸ *Морозов Ю.В.* Россия, Китай и северокорейская ядерная проблема // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 34, 38.
- ²⁹ URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3561755>
- ³⁰ International Strategic Studies, 1st Issue, 2008; P. 20—21.
- ³¹ URL: <http://topwar.ru/74048-ssha-postavit-yaponii-noveyshee-vooruzhenie.html>
- ³² China Daily. 26.11.2018.
- ³³ International Strategic Studies, 1st Issue, 2008; P. 20—21.
- ³⁴ *Кобелев Е.В.* Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53—54.
- ³⁵ URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2017/east-asian_e2017_03.pdf

- ³⁶ Интерфакс. 21.07.2008.
- ³⁷ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2008. URL: www.chinaview.cn (20.01.2009).
- ³⁸ Представители США, Японии и Тайваня собрались в Вашингтоне и анализируют ситуацию на случай ухудшения отношений с КНР (Сообщение китайской службы «Голоса Америки», 213.09.03) // Экспресс-информация № 1. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 91.
- ³⁹ East Asian Strategic Review 2015. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2015/east-asian_e2015_03.pdf. P. 106—108.
- ⁴⁰ *Морозов Ю.В.* Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 7 (244). С. 49—51.
- ⁴¹ Там же. С. 53.
- ⁴² *Liu Zongzhen.* Features and Impact of Terrorism in Middle East // International Strategic Studies, 2nd Issue, 2015. P. 69—71.
- ⁴³ International Strategic Studies, 1st Issue, 2008. P. 32—33.
- ⁴⁴ *Xiong Guangkai.* On World Revolution in Military Affairs and Chinese Army Building // International Strategic Studies, 4th Issue, 2003. P. 1—5.
- ⁴⁵ *Xiong Guangkai.* On World Revolution in Military Affairs and Chinese Army Building. — International Strategic Studies, 4th Issue, 2003. P. 1—8.
- ⁴⁶ Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 126—148.
- ⁴⁷ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport>. P. 57—58.
- ⁴⁸ *Ерыкалин В., Кировец А.* URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/voenna_ja_nauka_kitaja_2016/59-1-0-908
- ⁴⁹ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>
- ⁵⁰ Жэньминь жибао онлайн. 13.11.2014.
- ⁵¹ ТАСС. 23.01.2015.
- ⁵² China Daily. 27.05.2015.

- ⁵³ URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6
- ⁵⁴ China Daily. 27.05.2015.
- ⁵⁵ *Гурмит Канвал*. Модернизация вооруженных сил Китая и ее последствия / Индийская трактовка современных проблем КНР. М., 2013.
- ⁵⁶ China Daily. 27.05.2015.
- ⁵⁷ China Daily. 27.05.2015.
- ⁵⁸ URL: <http://politinform.su/armiya-i-konflikty/24619-knr-koncepcii-informacionnyh-operaciy-2008.html>
- ⁵⁹ Белая книга «Военная стратегия Китая» 2015 // China Daily. 27.05.2015.
- ⁶⁰ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport>. P. 58—59.
- ⁶¹ China Daily. 27.05.2015.
- ⁶² East Asian Strategic Review 2014. P. 16. URL: http://www.nids.go.jp/publication/east-asian/pdf/eastasian2014/eastasian_e2014.pdf
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ *Янь Сюэту*. Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет (Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе). Пекин, 2013. С. 206—209.
- ⁶⁵ Хартия ШОС. Ст. 1.
- ⁶⁶ URL: <http://www.regnum.ru/news/1743223> (10.12.2013).
- ⁶⁷ *Каменнов П., Клименко А.* О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 145—147.

Глава 3

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КИТАЯ

3.1. Модернизация национальной обороны

Основные усилия военно-политического руководства Китая в области военного строительства в начале XXI в. направляются на реализацию принятой в 2006 г. *Программы модернизации национальной обороны и вооруженных сил*, рассчитанной до середины XXI в. и включающей три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий¹. Содержание и направленность модернизации НОАК отражают многообразие стоящих перед КНР задач в обеспечении национальной безопасности и одновременно — стремление военно-политического руководства страны в оборонном строительстве идти в ногу с происходящими кардинальными изменениями в военной области, вызванными процессами информатизации всех сфер жизни и деятельности современного общества. Необходимость и важность реализации данной программы была подтверждена на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.).

В создании и реализации Программы модернизации национальной обороны Китай опирается на всесторонний анализ вооруженных конфликтов, происходивших на рубеже XX и XXI веков, исследования мировых изменений в военно-технической сфере, достиже-

ний китайской и зарубежной военной науки и опыт военного строительства развитых стран. Конечная цель программы заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба и при проведении антитеррористических операций.

Как отмечено выше (см. гл. 1), в 2010 г. Китай завершил реализацию первого этапа программы и в 2011 г. приступил *к реализации второго этапа*, основным содержанием которого является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК путем повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях с использованием информационных технологий.

В последние годы модернизация вооруженных сил осуществляется по следующим основным направлениям.

1. Плановая подготовка перехода НОАК от механизации и полумеханизации войск к их информатизации, необходимой как средство для достижения эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск на всех уровнях — от стратегического до оперативно-тактического. Осуществление мер в направлении согласованного развития огневой мощи, мобильности и информационных возможностей; приоритетное развитие стратегических ядерных сил, военно-морских, военно-воздушных сил, с конечной целью повышения потенциала сдерживания.

2. Совершенствование качественных параметров НОАК на основе использования научно-технических и технологических достижений, особенно в области высоких технологий. Особое внимание уделяется подготовке высококвалифицированного военного персонала нового поколения, а также повышению эффективности использования военных ассигнований.

3. Совершенствование структуры и организации НОАК в направлении их оптимизации, повышения гибкости и соответствия требованиям оперативности управления.

4. Повышение готовности к вооруженной борьбе. Перед НОАК поставлена задача успешно действовать в локальных войнах в усло-

виях применения информационных технологий, повышать способность по проведению совместных операций видов вооруженных сил и родов войск. Наряду с этим уделять внимание развитию стратегии и тактики «народной войны». Проводить больше специальных учений и тренировок с целью повысить потенциал по ведению боевых действий в различных вариантах критической обстановки.

5. Осуществление международного военного сотрудничества, не направленного против третьей стороны. НОАК принимает участие в миротворческих операциях под эгидой ООН, в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом, а также в двусторонних и многосторонних учениях, нацеленных на обеспечение безопасности в нетрадиционных областях².

В XXI век Китай вступил с развитой структурой вооруженных сил (ВС) и системой органов высшего военного управления. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной полиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом китайских ВС, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, состоящая из действующих сил (стратегические ракетные войска, сухопутные войска, ВВС и ВМС) численностью 2,3 млн человек и организованного резерва — 500—600 тыс. человек. На полицейские формирования (1,5 млн человек) возложены функции по обеспечению внутренней безопасности и общественного порядка. Народное ополчение в мирное время выполняет задачи по поддержанию общественного порядка, а в военное время — задачи оборонительного характера и различные обеспечивающие функции.

В период до 2015 г. ЦВС КНР осуществлял руководство видами вооруженных сил (стратегические ядерные силы, сухопутные войска, ВВС и ВМС) и военными округами через Генеральный штаб и Главные управления НОАК: политическое, тыла и вооружений.

В компетенции ЦВС КНР находились следующие функции и полномочия: разработка военной стратегии и основных положений ведения операций вооруженными силами; руководство строительством НОАК, представление ВСНП и Постоянному комитету ВСНП предложений, касающихся национальной обороны; разработка воинских уставов и наставлений; подготовка и выпуск директив и при-

казов, касающихся структуры и организации НОАК, назначений на должность и снятия с должности, обучения, оценки деятельности, наградений и наказаний военнослужащих; принятие систем вооружений, а также программ и планов разработки вооружения и военной техники. Свои функции ЦВС КНР осуществлял через Генеральный штаб НОАК и Главные управления НОАК: политическое, тыла и вооружений. Эти органы являлись структурами, подчиненными ЦВС КНР и ответственными за военную, политическую, тыловую работу и вооружение. Что касается Министерства обороны, то в системе Государственного совета КНР оно реализует установки военно-политического руководства страны по техническому обеспечению строительства вооруженных сил, их комплектованию, планированию, распределению и расходованию военного бюджета, осуществляет межгосударственные военные связи и представительские функции. Непосредственно вопросами оборонной науки, техники и промышленности занимается сформированное в марте 2008 г. Министерство промышленности и информатизации, в котором создано соответствующее управление (при этом Комитет оборонной науки, техники и промышленности был упразднен).

На Генеральный штаб НОАК были возложены задачи организации и участия в управлении процессом развития вооруженных сил, организация и командование военными операциями. В его состав входили управления, ответственные за подготовку операций, разведку, связь, боевую подготовку и вооружение, строевое управление, а также управления, ведающие вопросами структуры вооруженных сил, мобилизации, электронного противодействия, армейской авиации, иностранных дел и др. Главные функции и полномочия этого органа заключались: в подготовке предложений по общим проблемам военного строительства и операций вооруженных сил; в организации и осуществлении стратегического командования; разработке программ, правил, уставов и наставлений по военной деятельности; организации и руководстве подготовкой к войне, включая мобилизацию.

В подчинении Генерального штаба находятся штабы видов вооруженных сил, осуществляющие управление деятельностью войск

(сил флота), а также штабы военных округов. Генеральный штаб одновременно выполнял функции штаба Сухопутных войск НОАК.

Главное политическое управление НОАК осуществляло общее руководство и организацию политической работы КПК в войсках. В его составе находились управления, ответственные за политико-воспитательную работу с военнослужащими, гласность, безопасность, инспекции по проверке дисциплины, работу с гражданским населением и т. д. Главное политическое управление обеспечивало деятельность вооруженных сил в соответствии с линией, принципами и политикой КПК, Конституцией и законами государства.

Главное управление тыла НОАК выполняло задачи организации и руководства работой тыла вооруженных сил. В его структуре находились управления, ответственные за финансирование, материально-техническое обеспечение, расквартирование войск, горюче-смазочные материалы, медицинское обслуживание, воинские перевозки, капитальное строительство, казармы, аудит и др. Главное управление тыла осуществляло разработку программ, уставов и наставлений, регулирующих работу органов тыла; руководство дислокацией сил и средств тылового обеспечения, мобилизационными мероприятиями, работой по обеспечению финансирования и отчетности по военным расходам, осуществлением закупки материальных средств³.

Главное управление вооружений НОАК осуществляло также функции обеспечения армии вооружением и военной техникой. В его составе находились управления, ответственные за обеспечение вооружением и военной техникой видов вооруженных сил и родов войск, формирование заказа на разработку вооружения, обеспечение войск снаряжением общего назначения и т. д. Главной задачей этого органа являлось формирование стратегии, программ и планов разработки вооружения и военной техники, организация соответствующих НИОКР, испытаний, эксплуатации и обслуживания техники в войсках, управление денежными фондами НОАК, предназначенными для создания военной техники. Однако, согласно оценке российских аналитиков, Главное управление вооружений НОАК, вследствие бюрократической борьбы между видами вооруженных сил, в действительности имело ограниченные полномочия и выпол-

няло указанные функции только по отношению к Сухопутным войскам НОАК и Народной вооруженной полиции (НВП), в то время как Стратегические ракетные войска, ВВС, ВМС и НОАК имели собственные структуры, выполняющие аналогичные функции⁴.

Командования военными округами НОАК имели в своем подчинении некоторое количество общевойсковых армий, соединения и части различных видов ВС, частей тылового обеспечения, а также командования провинциального уровня (или командования отдельных гарнизонов). Их основные функции включали организацию и координацию совместных операций (учений) сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в пределах военного округа (всего в КНР семь военных округов: Шэньянский, Пекинский, Ланьчжоуский, Цзинаньский, Нанкинский, Гуанчжоуский и Чэндуский).

«Военной стратегией Китая» 2015 г. в качестве стратегических задач китайских вооруженных сил в начале XXI века определены⁵:

1) нейтрализация широкого спектра чрезвычайных ситуаций и военных угроз, эффективное обеспечение суверенитета и безопасности Китая на суше, в воздухе и на море;

2) готовность к решительным действиям по обеспечению объединения Родины (имеется в виду решение тайваньской проблемы. — *Прим. авт.*);

3) обеспечение безопасности и интересов Китая в новых сферах;

4) обеспечение интересов Китая за рубежом;

5) поддержание готовности к стратегическому сдерживанию и к ответному ядерному удару;

6) участие в региональном и международном сотрудничестве в сфере безопасности и обеспечение мира в регионе и во всем мире;

7) наращивание усилий в операциях по пресечению сепаратизма и терроризма с целью обеспечения политической безопасности, социальной стабильности и территориальной целостности Китая;

8) выполнение спасательных операций и ликвидация последствий стихийных бедствий, защита прав и законных интересов страны, выполнение охранных функций, поддержка национальной экономики и общественного развития.

3.2. Численность, боевой состав и вооружение НОАК в 2010—2017 гг.

Изменения численности, боевого состава и вооружения НОАК в 2010—2017 гг. в ходе реализации второго этапа Программы модернизации национальной обороны Китая 2006 г. приводятся в табл. 2.

Таблица 2. Численность, боевой состав и вооружение НОАК в 2010—2017 гг.

Наименование показателей	2010 г.	2017 г.
1. Численность личного состава (тыс. человек)	2285	2035
в том числе:		
— Ракетные войска	100	100
— Сухопутные войска	1600	975
— Военно-воздушные силы	300—330	395
— Военно-морские силы	255	240
— Силы стратегической поддержки	—	175
2. Боевой состав и вооружение		
<u>Стратегические ядерные силы</u>		
Носители ядерного оружия, в том числе:	220	280
пусковые установки ракет наземного базирования (из состава Ракетных войск)	184	232
из них:		
— пусковые установки МБР	66	70
— пусковые установки ракет промежуточной и средней дальности	118	162
— пусковые установки ракет морского базирования (из состава ВМС)	36	48
<u>Сухопутные войска</u>		
Общевойсковые армии	18	13
Общевойсковые дивизии полевых войск, в том числе:	33	5
пехотные	6	—
— мотопехотные (на БМП)	11	—
— механизированные (на БТР)	2	2

Продолжение табл. 2

Наименование показателей	2010 г.	2017 г.
— танковые	8	1
— воздушно-десантные	3	—
— амфибийные механизированные	2	2
— моторизованные «джунгли»	1	—
— моторизованные горно-пехотные	—	1
Общевойсковые бригады полевых войск*), в том числе:	37	90
— мотопехотные (на БМП)	17	—
— механизированные (на БТР)	7	23
— пехотные мобильные (на автомобилях)	—	27
— танковые	8	23
— горно-пехотные	4	3
— амфибийные	1	6
— воздушно-десантные (из состава ВВС)	—	6
Бригады армейской авиации (на вертолетах)	1	12
Бригады войск специального назначения	7	16
<u>Военно-воздушные силы</u>		
Боевые самолеты, в том числе:	1617	1861
— бомбардировщики	82	162
— тактические истребители	283	806
— истребители ПВО	1100	819
— самолеты разведчики	120	51
— самолеты электронной войны	10	13
— самолеты раннего предупреждения	8	10
Вертолеты	82	53
<u>Военно-морские силы</u>		
Боевые корабли основных классов, в том числе:	145	198
— авианосцы	—	1

Окончание табл. 2

Наименование показателей	2010 г.	2017 г.
— эскадренные миноносцы УРО	28	23
— подводные лодки	65	62
из них:		
— стратегические атомные ракетные	3	4
— фрегаты УРО	52	59
— десантные корабли	83	53
Десантные катера	160	87
Боевые самолеты авиации ВМС	290	374
Морская пехота		
— бригады морской пехоты	2	3

Источник: The Military Balance 2010. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2010. P. 398—404. The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2018. P. 249—251.

Примечание: * Входящие в состав общевойсковых армий и отдельные.

Численность личного состава **резерва НОАК** составляет около 500 тыс. человек⁶.

В рассматриваемый период (2010—2017 гг.) в модернизации **Стратегических ядерных сил НОАК** новыми моментами являются:

- увеличение общего количества пусковых установок (ПУ) ракет с 220 до 280 (см. табл. 2);
- поступление на вооружение мобильных твердотопливных МБР «Дунфэн-31» (CSS-9)* (здесь и далее в скобках приводится обозначение по классификации НАТО. — *Прим. авт.*) с моноблочной боевой частью и дальностью стрельбы 8000 км;
- увеличение количества ПУ МБР морского базирования с 36 до 48, в том числе за счет поступления на вооружение трех атомных ракетных подводных лодок проекта 094, оснащенных ракетами «Цзюйлан-2» (JL-2) с дальностью стрельбы 8000 км;
- принятие на вооружение грунто-мобильной твердотопливной МБР «Дунфэн—31А» (CSS-10Mod 2), имеющей дальность стрельбы 11 200 км;

- принятие на вооружение противокорабельной баллистической ракеты «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод. 5), созданной на основе баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-21» (CSS-5). Ракета «Дунфэн-21D» предназначена для уничтожения крупных боевых кораблей, в первую очередь авианосцев, имеет дальность стрельбы 1500 км и маневрирующую головную часть⁷;

- принятие на вооружение в 2016 г. баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-26», имеющей радиус действия 4000 км. Ведется разработка комплекса ПРО HQ-19, предназначенного для перехвата баллистических ракет, имеющих радиус действия до 3000 км⁸;

- в апреле 2016 г. осуществлен испытательный пуск межконтинентальной баллистической ракеты «Дунфэн-41» (DF-41)⁹.

Согласно имеющимся оценкам аналитиков СИПРИ, по состоянию на 2015 г. Китай имел ограниченный арсенал ядерных боезарядов — 260 по сравнению с Россией (7500) и США (7260 боезарядов). Однако в последние годы он имеет тенденцию к росту (табл. 3).

Таблица 3. Количество ядерных боезарядов стратегических ядерных сил НОАК

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Количество ядерных боеприпасов	240	240	240	250	250	260

Источник: NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 39.

Согласно японским оценкам, в мирное время ядерные боезаряды (головные части ракет) хранятся на ракетных базах отдельно от ракет и находятся под централизованным контролем, осуществляемый с пункта управления хранением ядерных боезарядов. Неясным остается вопрос о системе хранения и управления ядерными боезарядами для ракет морского базирования на стратегических атомных ракетных подводных лодках. Предполагается, что лодки, находящиеся на боевом патрулировании в море, несут ракеты с пристыкованными ядерными боезарядами¹⁰.

Стратегические ядерные силы НОАК находятся в прямом подчинении ЦВС КНР и выполняют задачу стратегического ядерного сдер-

живания стран, обладающих ядерным оружием, от его применения или создания угрозы его применения против Китая. С момента проведения первого ядерного испытания в 1964 г. Китай принял на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. В Белой книге «Национальная оборона Китая 2006 г.», Китай подтвердил данное обязательство и, кроме того, заявил о намерении никогда и ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие и не создавать угрозу его применения против неядерных стран и регионов.

Информация о путях реализации Китаем стратегии ядерного сдерживания остается весьма ограниченной. В документе Госсовета КНР «Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая» 2013 г. отмечается, что стратегические ядерные силы, ВВС и ВМС НОАК повышают способность к *стратегическому устрашению*¹¹, однако в «Военной стратегии Китая» 2015 г., также изданной Госсоветом КНР, данный термин отсутствует и в качестве главной задачи армии делается акцент на *противодействие* различным внезапным инцидентам и военным угрозам¹², что говорит о различии во взглядах по данной проблеме в военных кругах. Можно предположить, что главное место в стратегии ядерного сдерживания занимают элементы политического и психологического свойства, прежде всего — потенциальная угроза причинения противнику неприемлемого ущерба в ответном ударе¹³.

Как в количественном, так и в качественном отношении стратегические ядерные силы Китая существенно уступают стратегическим ядерным силам США и России; их модернизация осложнена необходимостью дополнительных мер по обеспечению боевого потенциала в связи с развертыванием американской НПРО и ПРО ТВД.

Следует отметить, что Китай, являясь одной из пяти официальных ядерных держав, *продолжает занимать выжидательную позицию по проблеме ядерного разоружения*. Выступая за полное запрещение и уничтожение ядерного оружия¹⁴, Китай по существу уклоняется от участия в данном процессе, полагая, что особую ответственность за решение проблемы несут страны, обладающие наибольшими ядерными потенциалами — США и Россия, которые должны первыми существенно сократить свои ядерные арсеналы. Тем временем, как

отмечено выше, Китай продолжает осуществлять меры по модернизации триады стратегических ядерных сил, включающей наземный, морской и авиационный компоненты и насчитывающей около 240 носителей¹⁵ и 800 ядерных боезарядов¹⁶.

Китай позитивно воспринял российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), ограничивающий общее число развернутых ядерных боеприпасов и стратегических носителей для каждой из сторон 1550 и 700 единицами соответственно. Однако, отметил, что подписание Договора, вступившего в силу 5 февраля 2011 г., является достижением в рамках прежде всего российско-американских отношений. Среди недостатков документа Китаем названо то, что он «...ограничивает только развернутые боеголовки, не касаясь тех из них, которые хранятся на складах», а также то, что «...Договор не касается проблемы тактического ядерного оружия и обычных вооружений, а также не налагает ограничений на развертывание систем ПРО»¹⁷. По нашей оценке, при всей важности решения этих взаимосвязанных проблем для международной безопасности сопряжение их с переговорами по сокращению стратегических наступательных вооружений привело бы к бесконечному усложнению и затягиванию процесса. Представляется, что лучшим путем достижения конкретных результатов в сокращении вооружений является последовательное поэтапное решение каждой из этих проблем в отдельности.

Можно предположить, что в ближайшей перспективе Китай, принявший на себя обязательство о неприменении ядерного оружия первым, не будет иметь намерений участвовать в ядерном разоружении. Определяющим фактором здесь должно быть стремление Китая сохранить эффективность своих стратегических ядерных сил в ответном ударе в условиях развертывания американской ПРО, в том числе в АТР.

В *Сухопутных войсках НОАК* количество общевойсковых армий сокращено с 18 до 13, а численность личного состава — с 1,6 млн до 975 тыс. человек. Основной тенденцией в их развитии является модернизация вооружения, повышение уровня механизации и информатизации и одновременно — перевод общевойсковых соединений

на более гибкую структуру общевойсковых бригад с конечной целью повышения огневой и ударной мощи и мобильности войск. В результате количество общевойсковых дивизий уменьшилось с 33 до 5, количество общевойсковых бригад при этом, напротив, увеличилось с 37 до 90. Получили развитие формирования армейской авиации (на вертолетах), войсковой противовоздушной обороны, силы специального назначения, силы и средства электронной борьбы. Вместе с тем, проблемой Сухопутных войск является их недостаточное бюджетное финансирование по сравнению со стратегическими ядерными силами, ВВС и ВМС.

Сухопутные войска развиваются в направлении повышения огневых, ударных возможностей и мобильности соединений и частей. Одновременно совершается переход от прежней преимущественно позиционной оборонительной тактики к трансрегиональной мобильности, реализуется курс на повышение потенциала по проведению мобильных оборонительных и наступательных действий во взаимодействии с ВВС и ВМС НОАК.

В *Военно-воздушных силах НОАК* существенно увеличился и обновлен в качественном отношении парк боевой авиации, который в настоящее время насчитывает 1861 боевой самолет, а том числе бомбардировщиков — 120, тактических истребителей — 806, истребителей ПВО — 819, самолетов электронной войны — 13, самолетов раннего предупреждения — 10. ВВС оснащены истребителями-перехватчиками и ударными самолетами большого радиуса действия, средствами дальнего обнаружения воздушного и космического базирования, более современными средствами ведения электронной войны и противовоздушной обороны. Они обладают способностью оказывать длительную авиационную поддержку сухопутным войскам. В их составе имеется транспортная авиация большого радиуса действия, что обеспечивается средствами дозаправки самолетов топливом в воздухе.

Обновление самолетного парка осуществляется путем модернизации самолетов старых типов, таких как бомбардировщики «Хун-6»(Н-6) (новая версия самолета — «Хун-6К»(Н-6К), истребители «Цзянь-7»(J-7) и «Цзянь-8»(J-8), самолеты-заправщики

«Хун-6» (H-6), и принятия на вооружение новой техники, как китайского производства (истребители «Цзянь-10» (J-10), «Цзянь-11» (J-11), так и закупленной в России (истребители Су-27, Су-30МКК, транспортные самолеты Ил-76).

Ныне самолеты-истребители 4-го поколения («Цзянь-10» (J-10), «Цзянь-11» (J-11), Су-27) и поколения 4+ («Цзянь-11Б» (J-11В), «Цзянь-16» (J-16), Су-30МКК) составляют свыше 40% парка истребительной авиации ВВС. В стадии разработки находятся истребители поколения 4+ «Цзянь-11Д» (J-11D) и многоцелевой истребители 5-го «Цзянь-31» (J-31). На вооружение ВВС поступают крылатые ракеты класса «воздух—земля», средства дальнего обнаружения воздушного и космического базирования¹⁸. В годы 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) в ВВС поступили новые образцы военной техники, позволяющие существенно повысить возможности по сбору и анализу информации и управлению активными средствами, а также — по ведению электронной войны. В их числе самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления KJ-500, самолет электронной разведки Y-8GX¹⁹.

В 2016—2017 гг. приняты на вооружение и поступают в войска истребитель четвертого поколения «Цзянь-20» (J-20) и военно-транспортный самолет «Юнь-20» (Y-20), оба самолета — китайской разработки²⁰.

Сохраняют свое значение для модернизации НОАК закупки авиационной и ракетной техники в России: в ноябре 2015 г. подписан контракт на закупку Китаем 24 российских истребителей Су-35 на сумму около 2 млрд долл.²¹

Силы противовоздушной обороны ВВС пополняются зенитными ракетными системами, закупленными в России: С-300 ПМУ-2 «Фаворит» (28 дивизионов)²² и С-400 «Триумф» (4 дивизиона)²³.

Новая стратегическая концепция ВВС НОАК находит отражение в расширении операционной зоны их применения. По состоянию на август 2015 г. проведены три учения в западной части Тихого океана с участием бомбардировщиков «Хун-6К» (H-6К) и других самолетов. Возрастает активность ВВС в районе Южно-Китайского моря, где в сентябре 2014 г. были проведены совместные учения

ВВС и ВМС НОАК «Совместные действия А», а на островах Спратли ведутся работы по развитию наземной инфраструктуры, в частности, ведется сооружение взлетно-посадочной полосы длиной 3000 м, пригодной для использования самолетами «Хун-6К» (H-6К).

Наряду с этим на ВВС НОАК возложены задачи защиты граждан КНР, находящихся за рубежом, а также участия в международных поисковых и спасательных операциях. Так, во время гражданской войны в Ливии в 2011 г. самолеты Ил-76 военно-транспортной авиации направлялись для эвакуации находящихся там китайских рабочих. В 2014 г. два самолета Ил-76 и один самолет «Юнь-8» вели поиск в воздушном пространстве над Индийским океаном пропавшего малайзийского авиалайнера, выполнявшего рейс МН370.

В последнее время определилась тенденция к усилению возможностей ВВС НОАК по обеспечению интересов Китая в открытом море во взаимодействии с ВМС. В апреле 2014 г. командующий ВВС НОАК Ма Сяотянь впервые сделал заявление о том, что в связи с переходом от противовоздушной обороны территории страны к выполнению как оборонительных, так и наступательных операций, ВВС должны быть способны защитить права и интересы Китая на море²⁴.

В модернизации самолетного парка ВВС НОАК можно отметить тенденции к увеличению количества истребителей 4-го поколения, многоцелевых истребителей, способных к действиям по наземным и морским целям и некоторое относительное снижение количества истребителей-перехватчиков — с 1100 до 819.

Военно-воздушные силы, функции которых на протяжении длительного периода времени были ограничены выполнением задач противовоздушной обороны территории страны, в настоящее время совершают переход к обретению способности вести как оборонительные, так и наступательные действия в расширенном пространстве с использованием информационных систем, имеющих компоненты космического базирования. Данная концепция, получившая наименование концепции интегрированных аэрокосмических операций, имеет в своей основе результаты научных исследований, проводившихся в 90-х годах XX в. и в начале первого десятилетия XXI в. в Ин-

женерном университете ВВС (Air Force Engineering University) и в Командном колледже ВВС НОАК (PLA Airforce Command College).

В апреле 2014 г. Председатель КНР и председатель ЦВС КНР Си Цзиньпин призвал ВВС НОАК энергично и быстрыми темпами создавать мощные военно-воздушные силы, соответствующие концепции интегрированных аэрокосмических операций и способные к ведению как оборонительных, так и наступательных действий. Эта установка нашла отражение в «Военной стратегии Китая» (2015). Командование НОАК стремится создать гибкие и современные военно-воздушные силы, способные не только защищать воздушные границы страны, но и осуществлять противоракетную оборону, обладающие наступательным потенциалом и способные вести наступательные действия в воздушном пространстве, участвовать в совместных операциях на суше и на море, включая воздушно-десантные и морские десантные операции²⁵. По существу ВВС намечается преобразовать в воздушно-космические силы (ВКС).

Военно-морские силы (198 боевых кораблей основных классов, в том числе авианосцев — 1, подводных лодок — 62, эскадренных миноносцев УРО — 23, фрегатов УРО — 59; более 370 боевых самолетов морской авиации) в середине 1980-х годов перешли от прежней стратегии «береговой обороны» к стратегии «обороны в прибрежных водах» (в китайской трактовке «прибрежные воды» включают морское пространство на удалении 150—600 морских миль от берега, в том числе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря). Боевые возможности военно-морских сил существенно возрастают за счет ввода в строй боевых кораблей с улучшенными характеристиками как отечественных проектов, так и закупаемых в России, обновления самолетного парка авиации ВМС, повышения возможностей по десантированию войск.

В контексте реализации установки XVIII съезда КПК на превращение Китая в морскую державу в феврале 2013 г. правительство КНР утвердило программу создания надводных кораблей с атомной энергетической установкой, в первую очередь авианосцев. В этой связи в рамках программы развития высоких (наукоемких) технологий «863» планируется разработать компактный ядерный реактор но-

вого поколения, который в перспективе планируется использовать на авианосцах, стратегических подводных лодках, эскадренных миноносцах, а также на грузовых судах. В настоящее время в Китае действует программа строительства авианосцев, которая будет реализована в два этапа. На первом этапе планируется построить до четырех авианесущих кораблей с обычной силовой установкой; к 2020 г. планируется на основе этих кораблей сформировать авианосные группы. Второй этап (после 2020 г.) предполагает строительство двух авианосцев водоизмещением 65 тыс. т с атомной силовой установкой²⁶.

ВМС выполняют стратегически важную задачу по расширению присутствия НОАК в Индийском океане, обеспечению безопасности транспортировки нефти морским путем через Малаккский и Сингапурский проливы, а также — по контролю КНР за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли. В этой связи предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота²⁷.

В соответствии с новой морской стратегией, сочетающей оборону прибрежной зоны с обороной в открытом море, ВМС НОАК, начиная с 2010 г., расширяют зону морских учений. В июле 2010 г. объединенная группа боевых кораблей и судов Южного флота, Северного и Восточного флотов провела крупномасштабные учения с применением огневых средств в Южно-Китайском море, с отработкой противовоздушной обороны и действий против надводных кораблей и подводных лодок условного противника.

В июле 2015 г. в Южно-Китайском море были проведены двусторонние военно-морские учения, в которых приняли участие около 100 боевых кораблей и судов, авиация ВМС НОАК, а также ракетные части и формирования средств радиоэлектронного противодействия Гуанчжоуского военного округа. В ходе учений наряду с отработкой вопросов борьбы против боевых кораблей и самолетов условного противника с применением ракетного и торпедного оружия, систематически отрабатываются десантные операции по захва-

ту островных территорий в Южно-Китайском море с участием морской пехоты, амфибийных частей сухопутных войск, вертолетов. Согласно заявлениям командования ВМС, подобные учения будут проводиться в обозримой перспективе.

Одновременно осуществляются меры по активизации деятельности китайских ВМС в западной части Тихого океана и в Индийском океане. В апреле 2010 г. отряд боевых кораблей и судов китайских ВМС совершил переход из Восточно-Китайского моря в Тихий океан через пролив Мияко (Miyako Strait), в ходе которого проводились различные учения и тренировки, включая дозаправку кораблей топливом в море. В октябре 2013 г. состоялись крупномасштабные учения под названием «Маневры-5», в ходе которых корабли Северного и Восточного флотов через пролив Мияко и суда Южного флота через Басов пролив совершали «прорыв» первой цепи островов для выхода в Западную часть Тихого океана во взаимодействии с самолетами раннего предупреждения и береговыми радиотехническими постами. В декабре 2014 г. в этом районе снова были проведены крупномасштабные учения объединенной группировки кораблей трех флотов при участии самолетов электронной разведки, самолетов раннего предупреждения и бомбардировщиков. Военно-морские силы НОАК совершают переход от стратегии обороны побережья к новой стратегии, предусматривающей как оборону побережья так и оборону в открытом море, что связано с расширением интересов Китая в мировом океане, которые Пекин считает необходимым обеспечить с помощью ВМС. В связи с быстрым развитием экономики важное значение для Китая приобретает защита морских коммуникаций, необходимых для импорта сырья и экспорта произведенной продукции, а также — для разработки нефтяных и газовых ресурсов на море.

В развитие заявленного Пекином в 2012 г. курса на становление Китая в качестве сильной морской державы²⁸, в военно-теоретических кругах набирает силу концепция пересмотра традиционных представлений о том, что сухопутные пространства являются более важными, чем морские. Акцентируется необходимость придания большей значимости обеспечению и защите прав и интересов Китая

на море. По существу данная концепция последовательно реализуется с опорой на военно-политическую мощь страны и растущий потенциал военно-морских сил.

Одной из причин повышенного внимания к развитию военно-морских сил является зависимость экономики Китая от импорта нефти и стремление обеспечить безопасность морских путей ее транспортировки из стран Африки и Ближнего Востока. Как отмечено выше, в 2017 г. Китай импортировал 419 млн т нефти²⁹, что превысило 65 % общего объема потребности в этом виде углеводородного сырья. Исходя из сохраняющихся высоких темпов развития экономики Китая и, соответственно, потребности в энергоресурсах, можно предположить, что тенденция роста импорта нефти в ближайшей перспективе будет сохраняться. В связи с этим операционная зона китайских ВМС расширяется через Малаккский пролив в Индийский океан и далее в направлении Среднего Востока и Африки. С января 2009 г. ВМС НОАК принимают участие в международных антипиратских операциях у берегов Сомали и в Аденском заливе. По состоянию на сентябрь 2015 г. для выполнения этой задачи Китай направил в этот район 21 отряд кораблей ВМС. Наряду с этим ВМС Китая осуществляют антипиратскую деятельность в Индийском океане на морских коммуникациях, связывающих данный район с Китаем³⁰.

Ныне, наряду с требованием к НОАК быть готовой успешно действовать в современных высокотехнологичных локальных войнах, утверждается тезис о необходимости развития стратегии народной войны, а также — о тесной координации вооруженной борьбы с мероприятиями в области политики, экономики, дипломатии, культуры, права. Осуществляются меры по совершенствованию оборонной мобилизации в направлении создания в КНР единой мобилизационной системы, позволяющей быстро и эффективно реагировать на возможные внезапные изменения обстановки.

В модернизации сил общего назначения НОАК делается акцент на их подготовку к возможному использованию в качестве силового аргумента при решении Тайваньской проблемы, включая сценарии с военным участием США, что диктует необходимость оснащения

войск и сил флота боевыми средствами, способными повредить или сделать его невозможным. Создаются силы и концепции их боевого применения, направленные на предотвращение развертывания сил вероятного противника в районы оперативного предназначения в западной части Тихого океана. Основные усилия здесь направляются на оснащение военно-морских сил НОАК средствами борьбы с авианосными ударными группировками в открытом море, на значительном удалении от материка. Об этом свидетельствует принятие на вооружение противокорабельной баллистической ракеты «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод. 5)*; ввод в строй авианосца «Ляонин» и закупленных в России четырех эскадренных миноносцев типа «Современный-II», а также работы по созданию на платформе российского самолета Ил-76 автоматизированной системы радиолокационного контроля и наведения истребителей на наземные, морские и воздушные цели (типа американского АВАКС'a), строительство эскадренных миноносцев типа «Ланьчжоу», при создании которых использовались технологии, заимствованные в ходе наблюдения за постройкой закупленных в России эскадренных миноносцев типа «Современный»³¹. К этому следует добавить, что в последние годы ЦВС КНР осуществил ряд мероприятий в направлении увеличения потенциала НОАК по десантированию войск³².

В последние годы вооруженные силы Китая неоднократно использовались для осуществления демонстративных акций в защиту суверенитета КНР над островами Дяоюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море, являющимися предметом территориального спора между КНР и Японией. Стороны при этом воздерживались от вступления в вооруженный конфликт, исходя из обоюдной заинтересованности в развитии торговых связей (в последние годы товарооборот между КНР и Японией сохраняется на уровне около 300 млрд долл. в год), имеющих особую ценность в условиях неустойчивой ситуации в мировой экономике. Обострение ситуации вокруг островов Дяоюйдао в 2012 г. было вызвано главным образом внутривнутриполитическими мотивами: в Китае это стремление руководства КПК проявить твердость в отстаивании суверенитета страны над острова-

ми накануне XVIII съезда КПК, в Японии — это попытка отвлечения внимания от раскола внутри правящей Демократической партии, проблемы государственного долга, энергетического кризиса, проблемы ликвидации последствий землетрясения 2011 г.³³

3.3. Развитие законодательной базы военного строительства

Период конца XX и начала XXI вв. отмечен энергичными усилиями по созданию законодательной базы военного строительства КНР, что было продиктовано проблемами реализации стратегии развития оборонного потенциала, а также — существенным расширением круга задач НОАК на новом историческом этапе в таких областях, как международное военное и военно-техническое сотрудничество, участие в миротворческих миссиях за рубежом под эгидой ООН, борьба с пиратством, ликвидация последствий стихийных бедствий и др. Кроме того, создание законодательной базы явилось отражением тенденции повышения руководящей роли государства в оборонном строительстве и усилении эффективности государственной структуры в целом по сравнению с предшествующим периодом, когда вопросы обороны определялись исключительно решениями партийного органа — Военного совета ЦК КПК.

Основным законодательным актом является «Закон КНР о государственной обороне» 1997 г.³⁴, которым, в частности, определены полномочия государственных органов власти в данной сфере и предусмотрено создание совместных координационных совещаний военных и гражданских органов в центре и на местах, решения которых в пределах их компетенции являются обязательными для исполнения. Согласно Закону (ст. 31, 32, 34), развитие оборонной науки, техники и промышленности, а также поддержание материальной базы оборонных научно-исследовательских работ и производства в необходимых масштабах и при рациональном размещении является прерогативой государства. В отношении предприятий и организаций, занятых оборонными НИОКР и производством, государство

проводит политику предоставления льгот и преференций. Местным народным правительствам предписано оказывать содействие оборонным предприятиям. ВПК в своей деятельности осуществляет курс на сочетание условий мира и войны (т. е. выпускает как военную, так и гражданскую продукцию). Однако выпуск военной продукции в интересах обеспечения потребностей вооруженных сил, осуществляемый в соответствии с государственным оборонным заказом, является приоритетным (ст. 30). Таким образом, Закон предполагает осуществление единой государственной политики в военной области.

С целью активизации военных НИОКР сформирована единая технологическая и патентная база данных, доступная для всех военных пользователей на территории Китая. Созданы условия для налаживания информационного обмена между смежными научно-исследовательскими учреждениями и организациями³⁵.

В 2010—2011 гг. Постоянным комитетом (ПК) ВСНП КНР был принят ряд новых законодательных актов, в числе которых Закон КНР о народной вооруженной полиции (НВП), Закон КНР об оборонной мобилизации; издан в новой редакции Закон КНР об офицерах резерва. ЦК КПК и Центральным военным советом (ЦВС) КНР совместно принят в новой редакции Устав по ведению политической работы в НОАК. ЦВС КНР по согласованию с Генеральным штабом НОАК и Главными управлениями НОАК (политическим, тыла и вооружений) опубликовал в новой редакции директивный документ общего характера — «Основные направления строительства низшего звена вооруженных сил», а Главным политическим управлением НОАК издано руководство по идеологическому и политическому образованию в НОАК. Среди других руководящих документов, опубликованных ЦВС КНР в новой редакции — ряд воинских уставов НОАК (повседневной службы, дисциплинарный, строевой), а также серия наставлений по службе штабов. ЦВС КНР и Госсоветом КНР совместно подготовлены «Наставление по контролю качества вооружения и снаряжения», устав НОАК о прохождении службы личным составом, находящимся на действительной службе. Большое количество руководя-

щих документов (свыше 3000) опубликовано отделами Генерального штаба НОАК, штабами видов вооруженных сил, а также штабами военных округов и НВП³⁶.

В системе законодательных актов, охватывающих мобилизационные мероприятия, особое место занимает Закон КНР об оборонной мобилизации 2010 г., которым определены основные направления подготовки экономики и вооруженных сил страны к переводу с мирного на военное положение и порядок осуществления этого перевода в случае объявления войны. Законом устанавливается круг мобилизационных мероприятий, проводимых в мирное время в соответствии с осуществляемой государством системой планирования оборонной мобилизации (ст. 15—17) с учетом требований вооруженных сил; структура и компетенция государственных органов власти, ответственных за объявление состояния войны и принятие решения на проведение полной (в масштабе страны) или частичной (на части территории страны) мобилизации. Подготовка и проведение мобилизационных мероприятий осуществляются в соответствии с установленной Законом КНР о национальной обороне 1997 г. (ст. 4) стратегической концепцией «активной обороны»³⁷.

Акцент в этой работе делается на планомерную подготовку людских резервов вооруженных сил, создание стратегических запасов материальных средств, подготовку инфраструктуры, системы научных исследований, СМИ для функционирования в условиях военного времени в интересах армии. Законом предусматривается юридическая ответственность предприятий и частных лиц за уклонение или некачественное и несвоевременное выполнение определенных Законом требований по оборонной мобилизации. В соответствии с Законом предусматривается возможность реквизиции гражданских материальных ресурсов по требованию вооруженных сил.

В целом Закон КНР об оборонной мобилизации 2010 г. направлен на совершенствование механизма оборонной мобилизации и повышение готовности страны и вооруженных сил к реагированию на внезапные изменения обстановки и ведению локальной войны. Вместе с тем, Закон не исключает возможности ведения затяжной войны, на что указывает включение в число объектов, подлежащих

мобилизации, системы научных исследований, производства и ремонта техники (ст. 37, 38).

К законодательным актам, определяющим отдельные направления мобилизационных мероприятий, относятся: «Закон о мобилизационных изъятиях в народном хозяйстве», «Руководство по подготовке мобилизации в народном хозяйстве», «Руководство по созданию государственных резервов зерна», «Руководство по созданию государственных резервов нефти», «Положение об охране важных объектов в военное время», «Положение о переоборудовании гражданских кораблей в военное время», «Система совместного определения важных объектов капитального строительства двойного военного и гражданского назначения», «Положение о контроле над прессой в военное время» и другие³⁸.

В декабре 2015 г. принят Закон КНР по борьбе с терроризмом, согласно которому НОАК получила возможность проводить анти-террористические операции за рубежом³⁹. По нашей оценке, это связано прежде всего со стремлением обеспечить интересы Китая применением военной силы против возможных проявлений международного терроризма в Афганистане, странах Южной Азии (Пакистан, Мьянма, Шри-Ланка), где Китай на протяжении последних лет создает сеть опорных пунктов для военно-морских и военно-воздушных сил НОАК, а также в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки с неустойчивыми политическими режимами, многие из которых являются для Китая источниками энергоносителей и стратегического сырья. Можно предположить, что расширение сферы применения НОАК повлечет за собой формирование антитеррористических экспедиционных сил, специально предназначенных для действий за пределами национальных границ.

В сентябре 2016 г. во время своего выступления на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Си Цзиньпин заявил, что Китай присоединится к новой системе готовности ООН к реагированию на чрезвычайные ситуации и подготовит для этого восьмидесятысячный контингент. Это свидетельствует о намерениях Китая активно участвовать в миротворческих операциях по всему миру на легальной основе под мандатом ООН. В настоящее время китайские миротвор-

цы, действующие под эгидой ООН, находятся с миссией в Мали, Либерии, Судане и Демократической Республике Конго⁴⁰.

В процессе модернизации НОАК наряду с мерами по повышению профессионального уровня всех категорий личного состава большое внимание уделяется воспитанию военнослужащих в духе уважения к законам страны. С 2001 г. в армии реализуется образовательная программа популяризации юридических знаний, включающая изучение конституции и законов КНР, законов, касающихся оборонного строительства, участия НОАК в миротворческих операциях и вооруженных конфликтах.

Военно-политическое руководство страны направляет усилия на то, чтобы вся деятельность НОАК и НВП, включая участие их формирований в экономическом строительстве, спасательных работах при ликвидации последствий стихийных бедствий, в антипиратских миссиях в Аденском заливе и в районе Сомали, в миротворческих миссиях за рубежом, осуществлялась в соответствии с законами КНР, международными законами и соглашениями, резолюциями ООН.

3.4. Новая военная реформа КНР 2015 г.: усиление централизации высшего военного управления и роли ЦВС КНР в руководстве вооруженными силами, создание стратегических командований НОАК

В ноябре 2015 г. в Китае объявлено о *новой военной реформе*, вызванной революционными изменениями в военно-технической сфере на новом историческом этапе, который характеризуется развитием информационных технологий и высокоточных систем оружия и утверждением в качестве основной формы боевых действий совместных операций видов вооруженных сил с опорой на системы управления с элементами воздушного и космического базирования. Реформу предполагается осуществить по четырем основным направлениям:

- совершенствование системы командования и управления;

- оптимизация численности вооруженных сил и организационно-штатной структуры;
- определение политического курса армии;
- интеграция армии и общества⁴¹.

Главной задачей реформы является повышение потенциала НОАК по проведению совместных операций видов вооруженных сил и родов войск в условиях современных высокотехнологичных информатизированных войн, укрепление централизованной структуры руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям путем реорганизации системы высшего военного управления и расширения полномочий Центрального военного совета КНР и его председателя Си Цзиньпина.

В январе—феврале 2016 г. были официально объявлены решения о реформировании органов высшего военного управления КНР и структуры НОАК. Первым шагом явилось расформирование главных управлений НОАК (Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений) и семи военных округов — Пекинского, Шэньянского, Ланьчжоуского, Чэндуского, Нанкинского, Цзинаньского, Гуанчжоуского.

Высший государственный орган руководства вооруженными силами *Центральный военный совет (ЦВС) КНР* значительно расширен и включает 15 функциональных структур; это Канцелярия ЦВС, Объединенный штаб ЦВС, Управление политической работы ЦВС, Управление тылового обеспечения ЦВС, Управление развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и управления войсками ЦВС, Управление оборонной мобилизации ЦВС, Комиссия по проверке дисциплины ЦВС, Политико-юридическая комиссия ЦВС, Комитет по науке и технике ЦВС, Канцелярия по стратегическому планированию ЦВС, Канцелярия по реформам и организационно-штатной структуре ЦВС, Канцелярия по международному военному сотрудничеству ЦВС, Аудиторское управление ЦВС, Главное управление делами ЦВС.

По сообщениям армейской печати причина преобразований заключается в том, что прежние главные управления НОАК сосредоточили в своих руках слишком много полномочий, принадлежащих ЦВС, тем самым нанося ущерб единому централизованному руководству вооруженными силами. Новая система нацелена на усиление полномочий ЦВС и его председателя Си Цзиньпина, поскольку 15 функциональных структур ЦВС, охватывающих практически все направления руководства вооруженными силами, подчинены председателю ЦВС Си Цзиньпину непосредственно⁴².

В процессе реформы Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) НОАК преобразованы в Ракетные войска НОАК и создан принципиально новый род войск — Войска стратегической поддержки, которые будут включать космические войска и кибервойска. Основной задачей последних станет ведение операций в космосе и в электронном пространстве⁴³. С 1 января 2018 г. в подчинение ЦВС КНР передана Народная вооруженная полиция (НВП), выполняющая внутренние охранные функции, в числе которых: охрана центральных и местных партийных и государственных органов, исправительно-трудовых учреждений и тюрем, важнейших промышленных предприятий и коммуникаций, иностранных дипломатических представительств; обеспечение режима безопасности приграничных районов страны и контроль за соблюдением пограничного режима, поддержание общественного порядка в крупных городах и особых районах и др. Наряду с указанными функциями войска НВП выполняют задачи по борьбе с терроризмом⁴⁴.

Ранее существовавшие *военные округа реорганизованы в пять стратегических командований НОАК*: Центральное (г. Пекин) (здесь и далее в скобках указана дислокация штаба командования. — Прим. авт.), Северное (г. Шэньян), Восточное (г. Нанкин), Южное (г. Гуанчжоу), Западное (г. Чэнду).

Центральное командование создано на базе бывшего Пекинского ВО. В зоне его ответственности территории городов центрального подчинения Пекина и Тяньцзиня, провинций Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Шаньси.

Северное командование создано на базе бывшего Шэньянского ВО и включает часть территории бывшего Пекинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Шаньдун, Автономного района Внутренняя Монголия.

Восточное командование создано на базе бывшего Нанкинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, города Шанхая, а также Восточно-Китайское море.

Южное командование создано на базе бывшего Гуанчжоуского ВО; охватывает территории провинции Гуандун, Хунань, Гуйчжоу, Гуанси-Чжуанского АР, о. Хайнань, а также Южно-Китайское море.

Западное командование создано на базе бывших Ланьчжоуского ВО и Чэндуского ВО; охватывает территории провинций Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйского, Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов, г. Чунцина⁴⁵.

По замыслу организаторов реформы, стратегические командования НОАК в зонах должны выполнять функции как административного управления, так и оперативного командования находящимися в зонах их ответственности силами и средствами сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил, войск стратегической поддержки. Исключение составляют формирования Ракетных войск и стратегические ядерные силы ВМС НОАК, находящиеся в прямом подчинении ЦВС КНР. Главной целью создания стратегических командований НОАК является обеспечение условий для повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях при ведении высокотехнологичных войн локального масштаба. В ходе военной реформы в 2016—2017 гг. в основном завершено сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек⁴⁶ до уровня около 2 млн человек. Сокращению подверглись главным образом Сухопутные войска, в которых количество общевойсковых армий (ОВА) уменьшено с 18 до 13 путем расформирования пяти из них: 40 ОВА (Северное командование НОАК), 20 и 27 ОВА (Центральное командование), 41 ОВА (Западное командование), 14 ОВА (Южное командование). Кроме того, изменена нумерация общевойсковых армий (в скобках

указаны прежний и новый номера соответственно): (65—81), (16—78), (39—79), (26—80), (12—71), (1—72), (31—73), (38—82), (54—83), (21—77), (13—76), (41—75), (42—74)⁴⁷.

Расширение состава и полномочий ЦВС направлено на повышение эффективности деятельности этого высшего государственного органа руководства вооруженными силами и одновременно — на искоренение проявляющейся в последние годы тенденции к автономности и бюрократизации прежних органов высшего военного управления. Наряду с этим осуществлена оптимизация распределения функций между структурными компонентами ЦВС.

Объединенный штаб ЦВС будет заниматься оперативным планированием, осуществлять повседневное управление войсками и боевое управление, изучение проблем и планирования в области военной стратегии, контроль боеспособности войск, организовывать единый процесс боевой подготовки видов вооруженных сил и родов войск, организовывать и осуществлять мобилизационное строительство. Замена прежнего Генерального штаба НОАК, выполнявшего функции штаба Сухопутных войск, Объединенным штабом ЦВС означает, что главное место в оперативном планировании НОАК отныне будут занимать совместные операции видов ВС и родов войск (сил флота).

На Управление политической работы ЦВС возлагаются функции руководства партийным строительством в вооруженных силах, которое рассматривается как основа и ключевое звено всей работы в армии. Основные усилия Управления будут сосредоточены на ведении «политической войны», включающей войну за общественное мнение, психологическую войну и «легальную войну».

Создание ряда новых структурных компонентов в составе ЦВС указывает на повышенное внимание к определенным направлениям военного строительства, которые должны находиться под единым централизованным руководством ЦВС. Так, создание Управления оборонной мобилизации ЦВС отражает важность контроля не только мобилизационного планирования и подготовки резервов, но также мер, осуществляемых в сфере военно-гражданской интеграции. По китайским взглядам, общая мобилизация наряду с мобилизацией

военно-обученного резерва и военно-промышленного комплекса, включает также мобилизацию гражданского квалифицированного персонала и важнейших объектов гражданской инфраструктуры. Создание Комитета по науке и технике ЦВС направлено на усиление стратегического руководства оборонной наукой и техникой, развитие инновационного потенциала, координацию работы по интегрированному развитию» военной и гражданской науки и техники⁴⁸.

В процессе реформы осуществлены изменения в составе и структуре НОАК. В декабре 2015 г. создан штаб Сухопутных войск, а «Вторая артиллерия» переименована в Ракетные войска. Одновременно с этим принято решение о создании нового вида ВС — Войск стратегической поддержки. Таким образом, ныне НОАК включает пять видов вооруженных сил: Сухопутные войска, Военно-морские силы, Военно-воздушные силы, Ракетные войска и Войска стратегической поддержки. Кроме того усовершенствована система тылового обеспечения НОАК. В сентябре 2016 г. председатель ЦВС КНР Си Цзиньпин подписал указ о создании Войск объединенного тылового обеспечения ЦВС, которые включают в себя базу объединенного тылового обеспечения (г. Ухань) и пять центров объединенного тылового обеспечения⁴⁹.

Для достижения эффективности данной структуры предполагается осуществить меры по использованию новейших военных технологий, активизации научных исследований с целью создания теоретической базы в области ведения информатизированных войн, разработке соответствующих руководящих документов, повышению квалификации личного состава.

Создание стратегических командований НОАК связано с определением в мирное время зон их ответственности и одновременно направлено на создание условий для освоения театра военных действий и отработки в процессе боевой учебы основной формы боевых действий НОАК в информатизированных войнах — совместных операций видов ВС и родов войск (сил флота). В состав командований включены формирования Сухопутных войск и ВВС, а в состав Северного, Восточного и Южного командований, кроме того, формирования ВМС. Ниже приводятся данные о составе стратегических

командований по состоянию на 2017 г. с указанием нумерации формирований:

Центральное командование НОАК (штаб в г. Пекине):

- Сухопутные войска: 81-я, 82-я, 83-я общевойсковые армии;
- Военно-воздушные силы: 15-я ударная авиадивизия; 7-я, 19-я и 24-я истребительные авиадивизии; 16-я авиадивизия специального назначения.

Северное командование НОАК (штаб в г. Шэньяне):

- Сухопутные войска: 78-я, 79-я, 80-я общевойсковые армии;
- Военно-воздушные силы: 5-я, 11-я ударные авиадивизии; 12-я и 21-я истребительные авиадивизии; 16-я авиадивизия специального назначения.

• Северный флот (*штаб в г. Циндао*);

Восточное командование НОАК (штаб в г. Ханькине):

- Сухопутные войска: 71-я, 72-я, 73-я общевойсковые армии;
- Военно-воздушные силы: 10-я бомбардировочная авиадивизия, 28-я ударная авиадивизия; 14-я и 32-я истребительные авиадивизии; 26-я авиадивизия специального назначения;

• Восточный флот (*штаб в г. Нинбо*).

Южное командование НОАК (штаб в г. Гуанчжоу):

- Сухопутные войска: 74-я, 75-я общевойсковые армии;
- Военно-воздушные силы: 8-я бомбардировочная авиадивизия; 2-я, 9-я, 18-я истребительные авиадивизии; 20-я авиадивизия специального назначения;

• Южный флот (*штаб в г. Чжаньцзян*).

Западное командование НОАК (штаб в г. Чунцине):

- Сухопутные войска: 76-я, 77-я общевойсковые армии;
- Синьцзянский военный округ: отдельных общевойсковых дивизий — 4, отдельных бригад специального назначения — 1;
- Тибетский военный округ: отдельных общевойсковых бригад — 4, отдельных бригад специального назначения — 1;
- Военно-воздушные силы: 36-я бомбардировочная авиадивизия; 6-я, 33-я истребительные авиадивизии⁵⁰.

Среди проблем, касающихся стратегических командований НОАК и требующих своего разрешения — определение сфер ответ-

ственности создаваемых в ходе реформы новых структур и порядка взаимодействия между ними, а также вопросы взаимодействия между стратегическими командованиями и командованиями видов вооруженных сил НОАК⁵¹.

Командования НОАК, предположительно, будут иметь задачи не только обороны территории страны в пределах национальных границ, но также обеспечения интересов Китая за их пределами, прежде всего, на море. На это указывает расширение в последние годы зоны действия НОАК в процессе боевой учебы. В особенности это относится к операциям ВВС и ВМС, действующим за пределами первой цепи островов (первая цепь островов включает Японские острова, острова Рюкю, о. Тайвань и северную часть Филиппинских островов. — *Прим. авт.*), а также в рамках стратегии предотвращения вмешательства США в возможный вооруженный конфликт КНР-Тайвань.

Центральному командованию, предположительно, будет отведена роль стратегического резерва НОАК, предназначенного для усиления группировок НОАК на важнейших направлениях, а также — для обеспечения совместно с Народной вооруженной полицией внутренней безопасности страны.

Задачам командований НОАК в зонах сопутствует создание Сил стратегической поддержки НОАК, на которые возложены задачи ведения информационной войны в интересах информационного обеспечения боевых действий основных сил⁵².

Главной проблемой в реализации военной реформы является нехватка квалифицированных командных кадров, способных организовать и осуществлять совместные операции видов вооруженных сил и родов войск. В этой связи в январе 2016 г. ЦВС КНР издал в качестве руководящего документа для вооруженных сил «Мнения по поводу углубления реформы национальной обороны». Акцент в нем делается на развитие военных талантов нового типа и содержится указание военно-учебным заведениям, в том числе Университету национальной обороны НОАК, создавать соответствующие структуры по их подготовке. В июне 2016 г. в Пекине проведено совещание с участием представителей центральных руководящих военных органов, стратегических командований НОАК и 24 военно-учебных за-

ведений по поводу создания в сентябре того же года курсов по подготовке командных кадров по вопросам организации ведения совместных операций.

В ноябре 2016 г. ЦВС КНР издал обновленное временное руководство по оперативной и боевой подготовке войск и сил флота, направленное на ее приближение к условиям реальной боевой обстановки. В дополнение к этому издан новый документ — «Наставление по инспекции боевой учебы», которым предусматриваются онлайн доклады о выявленных нарушениях установленных требований. Целью этих мер является создание наставлений, предусматривающих проведение боевой учебы в условиях реальной боевой обстановки и выработка жестких мер, применяемых в случаях невыполнения установленных требований.

По оценкам аналитиков Национального института оборонных исследований Японии, эти шаги явились результатом инспекций Управления боевой подготовки и управления войсками ЦВС, осуществленных в период с апреля по ноябрь 2016 г., в том числе трех инспекций 12 крупномасштабных учений и тренировок, более 30 воинских формирований и 19 военных учебных заведений, в ходе которых было выявлено 28 нарушений соответствующих регулирующих документов. Инспекции обнажили определенный формализм в проведении боевой подготовки — явление, на которое неоднократно указывалось в предшествующий период. И хотя Си Цзиньпин с момента своего вступления в должность настойчиво проводит линию на приближение боевой учебы НОАК к условиям реальной боевой обстановки, реализация его намерений связана с преодолением трудностей. Так, в ходе вышеупомянутых инспекций было выявлено 28 нарушений, что повлекло за собой принятие мер организационного характера: 23 воинские части и 8 офицеров были лишены почетных наименований и званий, а 16 офицеров привлечены парткомами КПК к ответственности по партийной линии.

Следует отметить, что до 2015 г. в период, предшествующий военной реформе, в КНР в начале каждого года издавались инструкции по боевой подготовке, в которых указывалось ее главное направление на текущий год. Однако, в 2016 и 2017 гг., такие инст-

рукции не публиковались, поскольку данный период был переходным и посвящен организационным и структурным преобразованиям НОАК⁵³.

В качестве *основной формы ведения боевых действий НОАК в обозримой перспективе рассматриваются совместные операции видов вооруженных сил и родов войск*. Новым моментом в боевой учебе является установка на расширение сферы боевого применения НОАК. Так, сухопутные войска готовятся к переходу от преимущественно оборонительных действий в пределах региона к трансрегиональной мобильности, повышают возможности по проведению воздушно-наземных операций, внезапных атак, специальных операций. Военно-морские силы постепенно расширяют зону оборонительных операций и наращивают возможности по ведению совместных с военно-воздушными силами морских операций и участию в нанесении ответного ядерного удара. Военно-воздушные силы совершают переход от зональной противовоздушной обороны к ведению как оборонительных, так и наступательных действий, расширяют возможности по нанесению ударов с воздуха, противовоздушной и противоракетной обороне, раннему предупреждению и разведке⁵⁴.

Как отмечено выше, в области военного строительства Китая следует стратегии «активной обороны в новых условиях», предполагающей создание мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и успешно вести как оборонительные, так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба⁵⁵. Вместе с тем не ослабляется внимание к стратегии и тактике народной войны, которая модернизируется применительно к современным условиям, а также — к совершенствованию системы тылового обеспечения вооруженных сил, к строительству резервных компонентов, к повышению качественных параметров оборонной мобилизации. Эти меры сочетаются с принятием концепции комплексной безопасности, предполагающей способность армии эффективно выполнять как военные, так и невоенные операции (под последними понимаются спасательные операции во время чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий)⁵⁶.

Преобладающей тенденцией в модернизации НОАК ныне является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, направленная на усиление оперативности управления на всех уровнях — от штабов до боевых частей. По указанию ЦВС КНР разработаны руководящие документы, определяющие цели, мероприятия и нормативы в данной области: указания по развитию автоматизированных систем управления в НОАК и Устав НОАК по автоматизированным системам управления. Как отмечено выше, целью информатизации является увеличение боевого потенциала НОАК за счет создания условий для эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск при проведении совместных операций, а также повышение эффективности управления и стратегического планирования. Для наиболее полного использования имеющихся информационных ресурсов в Китае создается мобилизационный механизм, предназначенный для координации и объединения усилий военного и гражданского секторов в данной сфере.

С целью повышения качества оперативной и боевой подготовки командного состава создана единая учебная информационная сеть, охватывающая основные формирования НОАК и военно-учебные заведения. В соответствии с директивой Генерального штаба НОАК, изданной в январе 2003 г., обязательным пунктом программ обучения личного состава НОАК является антитеррористическая подготовка⁵⁷.

Центральный военный совет (ЦВС) КНР реализует стратегический план по укомплектованию НОАК интеллектуальными кадрами, отвечающими задачам модернизации оборонного потенциала, включая командный состав, способный осуществлять строительство информатизированных вооруженных сил и руководить боевыми действиями в условиях высокотехнологичной войны; офицеров штабов, подготовленных в вопросах планирования военных операций; ученых, способных осуществлять модернизацию вооружений и снаряжения и вести научные исследования в области ключевых технологий; высококвалифицированных военно-технических специалистов в сфере высокотехнологичных вооружений.

3.5. Роль КПК в руководстве военным строительством

Наряду с государственными структурами ключевую роль в руководстве оборонным строительством и вооруженными силами КНР продолжает играть КПК. Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О государственной обороне» 1997 г. (ст. 19), вооруженные силы КНР находятся под руководством КПК. Высший государственный орган руководства вооруженными силами — Центральный военный совет (ЦВС) КНР (создан в соответствии с Конституцией КНР 1982 г. (ст. 29, 93)) и Военный совет ЦК КПК, возглавляемые одним лицом — Председателем КНР, являющимся одновременно генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Военного совета ЦК КПК, — фактически образует единую централизованную структуру руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям.

Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны КПК постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства и является лейтмотивом всех партийных форумов, включая состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд КПК. Нынешняя установка «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией» по существу означает незыблемость известного принципа «партия командует винтовкой».

По итогам XIX съезда ЦК КПК были проведены масштабные кадровые перестановки в руководстве компартии, в том числе в составе высшего партийного органа руководства вооруженными силами — Военного совета ЦК КПК. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин вновь избран председателем Военного совета ЦК КПК, а позднее — на очередной сессии ВСНП, состоявшейся в марте 2018 г., утвержден в качестве председателя ЦВС КНР. На 1-й сессии ВСНП КНР 13-го созыва в соответствии с практикой совмещения одним лицом высших партийных и государственных постов Си Цзиньпин утвержден в качестве Председателя КНР и одновременно назначен председателем высшего государственного органа руко-

водства вооруженными силами страны — Центрального военного совета (ЦВС) КНР.

Реализация принципа обеспечения абсолютного руководства партии над армией достигается, в частности, посредством избрания непропорционально большого количества военных в высший руководящий партийный орган — ЦК КПК. Так, на состоявшемся в ноябре 2012 г. XVIII съезде КПК членами ЦК были избраны 41 военный высшего и среднего ранга, которые составили 20 % общего количества его членов (204)⁵⁸.

Политическая работа с личным составом армии строится в соответствии с обновленным «Наставлением по политической работе в НОАК», принятым в августе 2010 г., и в основном преследует ту же цель — обеспечение в политическом, идеологическом и организационном отношении абсолютного контроля над армией со стороны КПК, а также — развитие национальной обороны и вооруженных сил на основе науки, выполнение НОАК исторических миссий на новом этапе в XXI веке⁵⁹.

Исходным моментом для понимания *отношений армия—партия* в КНР на нынешнем этапе следует считать то, что со времени основания в 1927 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) развивалась как инструмент КПК. Актуальное ныне положение «партия командует винтовкой» имеет в своей основе изречение Мао Цзэдуна: «Наш принцип заключается в том, что партия командует винтовкой; винтовке никогда не должно быть позволено командовать партией»⁶⁰.

Данный принцип был подтвержден в Уставе КПК 2007 г.: «Коммунистическая партия Китая руководит НОАК и другими вооруженными силами народа»; «Партийные организации НОАК осуществляют свою деятельность в соответствии с директивами Центрального комитета КПК» (ст. 23). Согласно Закону КНР о национальной обороне 1997 г., «Вооруженные силы Китайской Народной Республики находятся под руководством Коммунистической партии Китая» (ст. 19). В дополнение к этому, согласно «Наставлению по политической работе в НОАК» (2010), «НОАК постоянно находится под абсолютным политическим руководством КПК; высшее воен-

ное руководство и органы высшего военного управления находятся под контролем ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК» (ст. 4).

В то же время КПК постоянно требует от военных подтверждения их преданности партии для поддержки принципа безраздельного руководства со стороны КПК. Например, на расширенном совещании Военного совета ЦК КПК, состоявшемся в декабре 2004 г., тогдашний председатель совета Ху Цзиньтао предложил к исполнению формулу «три обеспечения и одно руководство» в качестве «исторической миссии вооруженных сил в новых условиях нового века». Прежде всего предлагалось «с использованием силового фактора обеспечить важные гарантии для консолидации руководящих позиций партии». При этом официальная армейская печать выражала стойкое неприятие концепций «департизации», «деполитизации», а также «национализации» армии как политически ошибочных, что, по мнению японских аналитиков, означало согласие военных подчиниться требованиям КПК. Это положение с тех пор не претерпело изменений. Однако, тревожные сигналы со стороны НОАК, прозвучавшие в армейской печати, о «враждебных внутренних и внешних силах», «...предпринимающих глупые попытки создать преграду между партией и армией», и призывы к противодействию этим силам, указывают на наличие серьезных угроз существующим фундаментальным принципам отношений партия—армия⁶¹.

Политическая работа партии в НОАК рассматривается в качестве важного фактора осуществления принципа абсолютного руководства НОАК со стороны КПК, внедрения в войска линии партии, которая должна отражаться в сознании и поведении военнослужащих; формирования на этой основе боевого потенциала НОАК и выполнения поставленных перед ней задач.

Хотя в соответствии с Конституцией КНР 1982 г. вооруженные силы принадлежат народу, а руководство ими осуществляет государственный орган — Центральный военный совет (ЦВС) КНР (ст. 29, 93), и таким образом КПК и вооруженные силы отделены друг от друга, по существу *партия сохраняет свой контроль над армией*. Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О государственной обороне» 1997 г. (ст. 19)⁶², вооруженные силы КНР на-

ходятся под руководством КПК. Фундаментальным принципом политической работы остается обеспечение абсолютного руководства вооруженными силами со стороны КПК. В частности, это нашло свое отражение в «Наставлении по политической работе в НОАК», изданном в декабре 2003 г., а также в «Наставлении по работе партийных комитетов НОАК», принятом в порядке эксперимента в апреле 2004 г.⁶³

Политическая работа с личным составом НОАК строится на основе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, обращения к опыту идейно-воспитательной работы КПК в период революционной борьбы, а также на основе нынешней концепции «трех представительств», согласно которой КПК в новых условиях должна представлять и выражать интересы развития передовых производительных сил, передовой культуры и широких слоев населения⁶⁴. Совершенно очевидно, что в наши дни центральное место в политической работе будет занимать изучение идей Си Цзиньпина о строительстве государства и армии на новом историческом этапе.

Идейно-воспитательная работа в НОАК имеет в своей основе этнос китайской нации, сформировавшийся за 5000-летнюю историю ее развития, ядром которого является патриотизм, глубоко проникший в сознание народа. На современном этапе данный фактор находит отражение в выступлениях высших китайских руководителей, призывающих к развитию «социализма с китайской спецификой» и построению «гармоничного общества» в Китае под руководством КПК. Так, Председатель КНР Ху Цзиньтао, являвшийся одновременно генеральным секретарем ЦК КПК, на шестом пленуме ЦК КПК в октябре 2006 г. выступил с концепцией «Системы основных социалистических ценностей»⁶⁵, включающей «идеалы и убеждения, этические нормы, общие для всего общества, которые заложили бы прочную идеологическую и этическую основу для всей партии и людей всех этнических групп по всей стране». Это стремление к гармонии явилось реакцией на изменения в Китае в период реформ, где «социальные и экономические компоненты, формы организации, отношения, ориентированные на получение выгоды, стали ценностной ориентацией людей (социально осознанным) образом жизни».

«Система основных социалистических ценностей» содержит следующие принципиальные положения:

- утверждение руководящей роли марксистской идеологии;
- общий идеал — социализм с китайской спецификой;
- национальный дух, основанный на патриотизме;
- принятие социалистической концепции чести и бесчестия.

Общая цель системы ценностей заключается в том, чтобы: «укреплять идеологическую и нравственную основы для достижения социальной гармонии, стремиться к максимальному социальному согласию, объединять людей...» для строительства процветающего, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства.

Главным политическим управлением НОАК в качестве ориентира укрепления строительства социалистической идеологии и морали в армии в новом веке была предложена формула «*восемь видов деяний, заслуживающих прославления, и восемь видов действий, требующих порицания*», которая была оглашена Председателем КНР Ху Цзиньтао в марте 2006 г. на встрече с делегатами 4-й сессии Народного политического консультативного совета Китая 10-го созыва. Эта формула, быстро вошедшая в современный пропагандистско-политический лексикон КНР под кратким определением «восемь славных и восемь позорных дел», в развернутом виде содержит следующие конкретные императивы:

- любовь к Родине, патриотизм заслуживает прославления, а нанесение вреда Отечеству является позорным деянием;
- служение народу есть славное деяние, а отрыв от народа требует порицания;
- стремление к научному познанию заслуживает одобрения, а невежество — порицания;
- усердие в труде следует поддерживать, а праздность — подвергать порицанию;
- единство и взаимопомощь надо прославлять, погоню за личной выгодой в ущерб другим — порицать;
- правдивость, верность своему слову заслуживают восхваления, а забвение долга ради собственной выгоды требует порицания;

- соблюдение дисциплины и законов надо восхвалять, а их нарушение — порицать;
- упорство и самоотверженность следует восхвалять, а барство и праздность надлежит порицать⁶⁶.

Председатель КНР и генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, в докладе на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), заявил о том, что в ближайшие пять лет «социализм с китайской спецификой» будет развиваться в Китае в соответствии с 14 принципами⁶⁷:

«Во-первых, необходимо обеспечить лидирующую роль партии на всех направлениях деятельности. Во-вторых, все предпринимаемые усилия осуществляются ради народа. В-третьих, всеобъемлющий процесс реформ будет только крепнуть», — отметил он. По словам Си Цзиньпина, еще один важный принцип — «утверждение новой теории развития». «Это основа и ключевой фактор для решения всех проблем, стоящих перед нашей страной», — подчеркнул он. В качестве пятого принципа Си Цзиньпин назвал «укрепление позиций народных масс как хозяина страны», защиту их прав. Шестой принцип — «последовательное утверждение законодательной основы и принципов правового государства». Седьмой аспект — «неизменный упор на воплощение в жизнь ключевых ценностей социализма». Далее по порядку следуют «улучшение благосостояния и повышение уровня жизни населения», «охрана окружающей среды», «обеспечение национальной безопасности», «максимальное усиление роли партии в деле армейского строительства», «обязательное сохранение в неизменном виде концепции «одна страна, две системы», активизация глобальных интеграционных процессов «для формирования человечества, связанного единой судьбой», «обеспечение жестких методов внутрипартийного регулирования»⁶⁸.

Примечания

¹ Белая книга «Национальная оборона Китая». 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>

² Ibid.

³ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>

⁴ *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР/Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. С. 18.

⁵ Белая книга «Военная стратегия Китая» 2015 // China Daily. 27.05.2015.

⁶ The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2018. P. 25.

⁷ Office of the USA Secretary of Defense Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014. URL: http://www.defense.gov/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf

⁸ U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF

⁹ URL: <https://ria.ru/world/20160428/1422301100.html>

¹⁰ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan/japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 39.

¹¹ Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. 2013. Апрель. С. 12—14.

¹² Белая книга «Военная стратегия Китая» 2015 // China Daily. 27.05.2015. С. 10.

¹³ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan/ japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 40.

¹⁴ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/white paper/2011-03/31/content_22263510.htm

¹⁵ Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 371—372.

¹⁶ URL: <http://pircenter.org/mtdia/content/files/9/13478903110.pdf>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan/ japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 27—30.

¹⁹ China Daily. 28.10.2015.

²⁰ Синьхуа. 17.03.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1093807.shtml>

²¹ URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/19/su35/>

²² *Макиенко К.* За 15 лет Китай потребил до половины всех российских поставок за рубеж. URL: www.interfax.ru (02.02.2007).

²³ URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>

²⁴ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 22—26.

²⁵ Ibid. P. 21—23.

²⁶ URL: <http://m.lenta.ru/news/2013/02/22/nuclear>

²⁷ ИТАР—ТАСС ИНОТАС. 06.05.2008.

²⁸ URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6

²⁹ URL: <https://nangs.org/news/world/import-nefti-kitaya-v-2017-go>

³⁰ NIDS China Security Report 2016/National Institute for Defense Studies, Japan. URL: <http://www.nids.go.jp/English/publication/chinareport/> P. 6—16.

³¹ URL: <http://www.catalogueofmass-media.ru/index.php?dn=news&to+art&id+19178> (29.05.2006).

³² China Defense. URL: <http://www.china-defense.com/plaamphops07.html>

³³ URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1342434000>

³⁴ Жэньминь жибао. 19.03.1997.

³⁵ Ежегодник «Вооружения, разоружение и международная безопасность». 1995. СИПРИ / пер. с англ. М.: Наука, 1996. С. 260.

³⁶ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/white paper/2011-03/31/content_22263510.htm.

³⁷ Жэньминь жибао. 19.03.1997.

³⁸ Исследования китайского коммунизма (Тайвань). 2010. № 3. Т. 44. С. 29—37.

³⁹ URL: <http://www.rbc.ru/politics/27/12/2015/567fbed89a79472b029fde51>

⁴⁰ URL: <http://katehon.com/ru/article/kitay-tendencii-i-prognoz-na-2016-g>

⁴¹ *Гаврилов В.А.* Китайский военный инновационный отрыв. URL: <http://forum.militaryparitet.com/viewtopic.php?id=12649>

⁴² East Asian Strategic Review 2017. URL: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2017.html>. P. 90, 91.

⁴³ URL: <http://www.eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/knr-voennyh-okrugov-k-zonam>

⁴⁴ URL: <http://chinarussia.info/2017/12/29/knr-2/>

⁴⁵ *Кашин В.Б.* Реформа органов управления китайскими вооруженными силами // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 125.

⁴⁶ *Ли Кэцян.* Доклад о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва. URL: russian.china.org.cn (23.03.2018).

⁴⁷ East Asian Strategic Review 2018. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2018/east-asian_e2018_02.pdf. P. 62—63.

⁴⁸ The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P. 252.

⁴⁹ *Гаврилов В.А.* Китайский военный инновационный отрыв. URL: <http://forum.militaryparitet.com/viewtopic.php?id=12649>.

⁵⁰ The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2018. P. 256—258.

⁵¹ East Asian Strategic Review 2017. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. P. 95—97. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2017/east-asian_e2017_03.pdf.

⁵² The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P. 255—256.

⁵³ East Asian Strategic Review 2018. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. P. 66—67. URL: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2018.html>

⁵⁴ «Белая книга КНР по вопросам национальной обороны» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>

⁵⁵ Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6

⁵⁶ Белая книга по вопросам национальной обороны «Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая» 2013. URL: russian.china.org.cn (17.04.2013).

⁵⁷ ИТАР—ТАСС ИНОТАС. 18.01.2003.

⁵⁸ URL: <http://carnegieendowment.org/2013/05/30/ru-pub-51827>

⁵⁹ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL: [http://www.china.org.cn/government/white paper/2011-03/31/content_22263510.htm](http://www.china.org.cn/government/white%20paper/2011-03/31/content_22263510.htm)

⁶⁰ NIDS China Security Report 2012 // National Institute for Defense Studies. Japan. P. 6.

⁶¹ Ibid. P. 6—8.

⁶² Жэньминь жибао. 19.03.1997.

⁶³ Beijing Review. 2005. № 1. 06 January.

⁶⁴ КНР в 2000 г. Политика, экономика, культура. М., 2001. С. 7—10.

⁶⁵ *Дмитриченко А.А.* Система основных ценностей военнослужащих Народно-освободительной армии Китая.

⁶⁶ Ба жун ба чи даньюань ганьбу дубэнь (Книга для чтения кадровыми работниками о восьми видах деяний, заслуживающих прославления, и восьми видах действий, требующих порицания). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2006. С. 1; *Портяков В.* Китайская Народная Республика в 2006 году // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 44.

⁶⁷ URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4655331>

⁶⁸ URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20171024/43390.html>

Глава 4

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КНР

4.1. Структура и состав ВПК

Развитие военно-промышленного комплекса рассматривается китайским руководством как важнейшая составная часть стратегии Китая в сфере военной безопасности, в которой превентивные меры политического, дипломатического и военного характера, направленные на создание благоприятных условий вокруг Китая, сочетаются с курсом на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий¹.

В связи с тем, что, как отмечено в «Военной стратегии Китая» 2015 г., задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах, перед военно-промышленным комплексом Китая возникают новые сложные проблемы по разработке и производству вооружений и военной техники.

Осуществленный в конце XX в. перевод китайского ВПК на корпоративную структуру в соединении с мерами по освоению современных информационных технологий и подготовке нового поколения ученых и специалистов направлен на создание в Китае мощного научно-исследовательского и производственного потенциала, позволяющего обеспечить совершенствование качественных пара-

метров национальной обороны и одновременно — выпуск высокотехнологичной продукции для гражданского сектора.

Основу китайского ВПК ныне составляют 10 государственных военно-промышленных корпораций, частично открытых для китайского и иностранного капитала при сохранении контрольного пакета акций в руках государства:

- 1) Ядерная корпорация Китая (China National Nuclear Corporation) (CNNC)²;
- 2) Ядерная инженерная и строительная корпорация Китая (China Nuclear Engineering and Construction Corporation) (CNECC)³;
- 3) Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (China Aerospace Science and Technology Corporation) (CASC)⁴;
- 4) Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (China Aerospace Science and Industry Corporation) (CASIC)⁵;
- 5) Корпорация авиационной промышленности Китая (Aviation Industry Corporation of China) (AVIC)⁶;
- 6) Государственная корпорация судостроения Китая (China State Shipbuilding Corporation) (CSSC)⁷;
- 7) Корпорация судостроительной промышленности Китая (China Shipbuilding Industry Corporation) (CSIC)⁸;
- 8) Северная промышленная корпорация Китая (China North Industries Group Corporation) (CNGC)⁹;
- 9) Южная промышленная корпорация Китая (China South Industries Group Corporation) (CSGC)¹⁰;
- 10) Корпорация электронных технологий Китая (China Electronics Technology Group Corporation) (CETC)¹¹.

Военно-промышленные корпорации представляют собой крупные компании-конгломераты с численностью персонала в десятки или сотни тысяч человек (например, по состоянию на начало 2019 г. численность сотрудников Северной промышленной корпорации Китая (GNGC) составляла 456 тыс. человек)¹² и сложной внутренней структурой, включающей более 100 дочерних предприятий, напрямую подчиненных головной компании. Президент и вице-президенты военно-промышленных корпораций назначаются Госсоветом КНР.

Данная структура является отражением характерной для экономики нынешнего Китая тенденции к созданию крупных современных предприятий корпоративного типа. Военно-промышленные корпорации имеют структуру, позволяющую осуществлять в полном объеме научные исследования, разработки, производство и реализацию как военной, так и гражданской, в том числе высокотехнологичной продукции¹³. Так, Северная корпорация по производству вооружений (China North Industries Group Corporation (CNGS)), являющаяся монопольным поставщиком большинства видов вооружения и военной техники для Сухопутных войск НОАК, выпускает следующие виды продукции:

- *военного назначения*: танки, колесные и гусеничные БТР и специальные машины на их базе, системы ствольной и реактивной артиллерии, стрелковое оружие, боеприпасы, системы управления огнем, приборы ночного видения, средства связи, средства ПВО (зенитные артиллерийские системы, ЗРК), взрывчатые вещества;
- *гражданского назначения*: тяжелые грузовики, автобусы, мотоциклы, тяжелую специальную колесную и гусеничную технику (бульдозеры и карьерные самосвалы), химическую продукцию, железнодорожную технику и оборудование, нефтепродукты.

Для корпораций китайского ВПК характерны большое количество непрофильных активов и преобладание объемов производства гражданской продукции над военной (в среднем соотношение составляет 70:30)¹⁴, а также — инвестирование в отрасли, не имеющие связи с военной тематикой, например, в торговлю нефтепродуктами, туризм, производство предметов роскоши, и др. Наряду с этим военно-промышленные корпорации китайского ВПК широко развивают международное экономическое и научно-техническое сотрудничество с зарубежными фирмами, направленное на заимствование новейших технологий двойного (военного и гражданского) назначения для их последующего освоения в Китае.

До 2015 г. в подчинении ЦВС КНР находилось Главное управление вооружений НОАК — структура, отвечающая за выработку требований к вооружениям и военной технике (ВВТ), выдачу заказов промышленности, а также проведение оценки и войсковых испы-

таний закупаемого для НОАК вооружения¹⁵. Однако, в процессе начавшейся в 2015 г. по инициативе Си Цзиньпина новой военной реформы, с целью усиления стратегического руководства оборонной наукой и техникой, развития инновационного потенциала, координации работы по «интегрированному развитию» военной и гражданской науки и техники, в структуре Центрального военного совета КНР создан новый руководящий орган, имеющий прямое отношение к деятельности ВПК — Комитет по науке и технике ЦВС КНР (при этом Главное управление вооружений НОАК расформировано)¹⁶.

В Китае полагают, что происходящая в настоящее время мировая революция в военном деле является продуктом перехода от эры индустриализации к эре информатизации и ведет к созданию качественно новой военной системы, которая характеризуется высокой степенью интеграции всех образующих ее компонентов, что в свою очередь влечет за собой глубокие изменения в системе вооружений и военной техники, организационных структур, военных доктрин, боевой подготовки, тылового обеспечения. Как показал опыт вооруженных конфликтов в конце XX — начале XXI в., современная война ведется в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы разведки и управления войсками и оружием, содержащие элементы космического базирования. Эти факторы оказывают непосредственное влияние на военное строительство, в котором важнейшая роль принадлежит ВПК.

В рассматриваемый период развитие ВПК осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИОКР, проектирование и производство военной и гражданской продукции с конечной целью создания эффективной структуры, позволяющей свободно использовать высокие технологии в интересах как военного, так и гражданского секторов¹⁷. Одной из мер в данном направлении стало объединение функций управления промышленностью и

информацией в рамках Госсовета КНР. С этой целью в 2008 г. создано Министерство промышленности и информатизации, которому, в частности, подчинено вновь сформированное Государственное управление оборонной науки, техники и промышленности (ГУ-ОНТП) (одновременно свое существование прекратили соответствующие прежние структуры — Госкомитет оборонной науки, техники и промышленности, Министерство информатики и Канцелярия Госсовета по информатизации)¹⁸.

В настоящее время экономические аспекты деятельности военно-промышленных корпораций находятся под контролем Комиссии по надзору и управлению государственными активами (State-owned Assets Supervision & Administration Commission (SASAC) Госсовета КНР¹⁹; военные направления — в ведении ГУОНТП²⁰, функционирующего в структуре Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР. Основная задача ГУОНТП — координация деятельности промышленности и научных центров по выполнению поступающих заказов на проведение НИОКР и выпуск продукции военного назначения. ГУОНТП непосредственно распределяет работы по выполнению этих заказов между соответствующими предприятиями, используя в некоторых случаях конкурсные механизмы. Кроме того, данный орган осуществляет планирование развития отрасли, разрабатывает правовую базу деятельности предприятий ВПК, контролирует соблюдение установленных стандартов, качество выпускаемой продукции, корректность представляемой статистики, отвечает за международные контакты, имеющие отношение к военной промышленности. Важным аспектом деятельности ГУОНТП является организация подготовки инженерных кадров для ВПК, в том числе, в ведущих китайских технических вузах.

4.2. Общая характеристика производственных возможностей ВПК

Китай реализует программы производства вооружений и военной техники во всех секторах военно-промышленного комплекса.

Однако многие программы находятся в зависимости от поставок из-за рубежа важнейших компонентов, таких как авиационные и танковые двигатели, судовые силовые установки, электронные приборы и устройства, микропроцессоры, системы управления и контроля производственных процессов, высокоточные металлорежущие станки, диагностическое оборудование, электронные системы проектирования, конструирования, а также непосредственно сопряженные с производством²¹.

Атомная промышленность, основу которой составляют Ядерная корпорация Китая (China National Nuclear Corporation) (CNNC) и Ядерная инженерная и строительная корпорация Китая (China Nuclear Engineering and Construction Corporation) (CNECC), насчитывает 24 основных предприятия, в том числе газодиффузионные заводы по обогащению урана-235 в Баотоу (Автономный район Внутренняя монголия) и Ланьчжоу (пров. Ганьсу), ядерные реакторы по производству плутония-239, заводы по выпуску ядерных боеприпасов, атомный полигон в Лобноре (Синьцзян-Уйгурский автономный район). В настоящее время основные усилия отрасли направлены на создание новых типов малогабаритных ядерных зарядов с пониженной мощностью. Для ядерного оружия стратегического назначения мощность заряда снижается с 1—4 МГт до 250—650 кт, а для оперативно-тактического и тактического ядерного оружия указанный показатель составляет 90—100 и 25 кт соответственно. Новые типы зарядов позволят разрабатывать более универсальное по характеру решаемых задач ядерное оружие. Кроме того, ведутся НИОКР по созданию термоядерного оружия.

Отрасль активно участвует в экономическом строительстве, следуя курсом «использования атома во всех сферах хозяйствования», добившись при этом высокой степени хозяйственной самостоятельности. К числу основных направлений деятельности отрасли относятся строительство атомных электростанций, широкое развитие техники изотопов и другой ядерной техники. В интересах строительства объектов ядерной энергетики отрасль выполняет работы по созданию ядерных реакторов различной мощности — 300 МВт, 600 МВт, 700 МВт и 1000 МВт²².

На сегодняшний день в Китае действуют 17 атомных реакторов общей мощностью 14,76 млн кВт. АЭС обеспечивают порядка 1,2 % национального энергопотребления (аналогичный среднемировой показатель составляет около 16 %. — *Прим. авт.*). Однако Китай стоит на первом месте в мире по темпам развития ядерной энергетики: в стадии строительства находятся 28 энергоблоков общей мощностью 28,3 млн кВт, на их сооружение в общей сложности будет израсходовано около 190 млрд долл. К 2020 г. общая мощность установленных в КНР атомных реакторов составит около 80 млн кВт, АЭС будут удовлетворять уже 5% энергетического спроса в стране, и данный показатель будет стремительно расти.

После катастрофы на японской АЭС Фукусима (2011 г.) в Китае осуществлен комплекс дополнительных мер по повышению безопасности атомной энергетики. Оптимизирована административная структура реагирования на чрезвычайные ситуации в ядерной сфере. Сегодня за это отвечает Национальный координационный комитет по ядерным чрезвычайным ситуациям (ЧС), который состоит из представителей 24 министерств и ведомств Госсовета КНР и Народно-освободительной армии Китая. В частности, Министерством охраны окружающей среды создана сеть мониторинга утечек радиации, Госкомитетом по демографической политике и плановому деторождению — сеть распространения противорадиационных препаратов. Кроме того приняты меры по созданию четырех национальных центров техподдержки и восьми команд оперативного реагирования на случай катастроф на АЭС, их филиалы действуют в 16 провинциях и городах центрального подчинения КНР. Создан парк из 60 мобильных станций мониторинга радиоактивных утечек²³.

В связи со стремительно растущим спросом динамично развивающейся экономики на электроэнергию, несмотря на протесты общественности, приняты перспективные планы развития атомной энергетики, согласно которым Китай намерен к 2030 г. увеличить количество ядерных реакторов на АЭС до 110 и стать одним из крупнейших в мире потребителей атомной энергии. Проектом плана 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) предусмотрено выделение

500 млрд юаней (78 млрд долл.) на строительство атомных станций с использованием своих ядерных технологий при вводе в эксплуатацию от шести до восьми атомных реакторов ежегодно, начиная с 2016 г.²⁴

В 2010 г. успешно прошел испытания (выведен в критическое состояние) первый в Китае реактор на быстрых нейтронах, разработанный Институтом атомной энергетики Китая. По оценке специалистов Китайской национальной ядерной корпорации (CNNC), тем самым совершен серьезный прорыв в разработке систем ядерной энергетики четвертого поколения, позволяющих повысить коэффициент использования урановых ресурсов на 60 процентов и более и, вместе с тем, значительно уменьшить объемы ядерных отходов. Китай стал восьмой ядерной державой в мире после США, Великобритании, Франции и ряда других стран, владеющей технологиями разработки быстрых реакторов на быстрых нейтронах²⁵.

Ракетно-космическая промышленность — Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (China Aerospace Science and Technology Corporation) (CASC) и Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (China Aerospace Science and Industry Corporation) (CASIC) располагают достаточно крупной научно-исследовательской и производственной базой, насчитывающей 12 основных сборочных предприятий.

Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (CASC) осуществляет научные исследования, проектирование и производство стратегических и тактических ракет, вывод на околоземную орбиту искусственных спутников Земли (ИСЗ) и пилотируемых космических кораблей, предоставляет коммерческие услуги на внешнем рынке по выводу на околоземную орбиту космических объектов. Исследовательские и производственные учреждения и предприятия компании в основном расположены в районах городов Пекина, Шанхая, Тяньцзиня (пров. Хэбэй), Сианя (пров. Шэньси), во Внутренней Монголии, в городах Гонконге, Шэньчжэне (пров. Гуандун) и на о. Хайнань. Наряду с космическими технологиями компания ведет исследования в области применения ИСЗ, информационных технологий, новых материалов, возобновляемых источников

энергии, космических технологий специального назначения, космической биологии²⁶.

Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC) является основным исполнителем космической программы страны. В ее структуре семь академий, две базы научных исследований и разработок, свыше 620 компаний и научно-исследовательских институтов. Корпорация является крупнейшим в КНР разработчиком и производителем зенитных ракетных систем, состоящих на вооружении ПВО; крылатых ракет, твердотопливных ракет, космической и другой продукции и технологий, охватывающих различные области суши, моря, воздушного и электронного пространства. В числе достижений корпорации — вклад в реализацию пилотируемых космических полетов, участие в исследовании поверхности Луны и в других важнейших проектах Китая²⁷.

Ракетно-космическая отрасль КНР находится в ведении Национального космического агентства и тесно связана с НОАК, осуществляющей контроль за всеми пусками ракет-носителей и искусственными спутниками Земли (ИСЗ) через сеть наземных станций слежения. В настоящее время в Китае имеется четыре космических центра — Цзюцюань (пров. Ганьсу), Сичан (пров. Сычуань), Тайюань (пров. Шаньси) и Вэньчан (пров. Хайнань)²⁸.

Достигнутый уровень развития отрасли характеризуется налаженным серийным производством ракетного оружия всех классов и назначений, в том числе, баллистических ракет стратегического назначения, включая МБР; оперативно-тактических и тактических ракет; крылатых ракет наземного, корабельного и воздушного базирования; авиационных ракет класса «воздух—воздух»; зенитных ракет малой, средней и большой дальности; противотанковых управляемых ракет.

В настоящее время основные усилия отрасли направляются на создание ракетного оружия нового поколения: твердотопливных стратегических ракет, включая МБР, оперативно-тактических ракет, гиперзвукового оружия, зенитных управляемых ракет различной дальности, крылатых ракет, а также на модернизацию существующих образцов ракетной техники.

Из основных направлений деятельности отрасли можно выделить следующее:

1) продолжается серийное производство твердотопливной МБР «Дунфэн-31А» с дальностью стрельбы 11 200 км²⁹;

2) создан научно-технический задел в разработке новой мобильной твердотопливной МБР «Дунфэн-41» (DF-41) с дальностью пуска 12 000—14 000 км. Ракета будет иметь многозарядную ядерную головную часть типа МИРВ и оснащаться комплексом средств преодоления ПРО. Способ базирования ракеты — подвижный грунтовый и железнодорожный³⁰;

3) ведется разработка противокорабельной баллистической ракеты «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод. 5), основанной на одной из версий баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-21» (CSS-5). Ракета «Дунфэн-21D» предназначена для уничтожения крупных надводных кораблей, в первую очередь авианосцев, имеет дальность стрельбы 1500 км и маневрирующую головную часть³¹;

4) начато производство высокоточных крылатых ракет CJ-10 класса «земля—земля» и противокорабельных ракет YJ-62 классов «берег—корабль» и «корабль—корабль»³²;

5) в 2016 г. начато производство баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-26», имеющей радиус действия 4000 км. Ведется разработка комплекса ПРО HQ-19, предназначенного для перехвата баллистических ракет, имеющих радиус действия до 3000 км³³;

6) в апреле 2016 г. осуществлен испытательный пуск межконтинентальной баллистической ракеты «Дунфэн-41» (DF-41)³⁴;

7) в ноябре 2017 г. проведены два испытания баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-17» (DF-17), оснащенной гиперзвуковым маневрирующим снарядом — глайдером, имеющим скорость 6000 км/ч, что делает практически невозможным его перехват современными системами ПРО³⁵;

8) в феврале 2018 г. проведены успешные испытания наземного комплекса ПРО по перехвату баллистических целей на среднем заатмосферном участке траектории полета (в космосе).³⁶

В области военного освоения космоса Китай осуществляет меры по созданию систем разведки, командования, управления, связи,

наблюдения и рекогносцировки с элементами космического базирования. Кроме того, на основе изучения опыта операций коалиционных сил в Косово, Афганистане и Ираке Китай пришел к выводу о необходимости создания и оперативного развертывания в космосе противоспутниковых систем.

По оценке аналитиков США, Китай ведет разработку ряда проектов создания космических вооружений, которые могут быть классифицированы по назначению следующим образом: 1) преднамеренные помехи работе спутников; 2) столкновение космических объектов сторон; 3) кинетическое оружие; 4) оружие класса «космос — земля»; 5) воздушно-космические самолеты, способные вести действия как в верхних слоях атмосферы, так и в космосе; 6) лазерное оружие; 7) СВЧ-оружие; 8) пучковое оружие; 9) электромагнитное оружие; 10) технологии маскировки, позволяющие, например, затруднить спутникам-шпионам отслеживание атаки по тепловым импульсам и излучению ракеты³⁷.

Среди достижений Китая в мирном освоении космоса в последние годы можно отметить следующее:

1) в июне 2012 г. осуществлена стыковка пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу 9» («Волшебный челн») с орбитальной станцией «Тяньгун-1» («Небесный дворец»);

2) в декабре 2013 г. осуществлен запуск на Луну китайского луннохода «Нефритовый заяц», который передал на Землю первые цветные фотоснимки лунного грунта. После США и Советского Союза Китай стал третьей страной в мире, осуществившей подобный эксперимент;

3) 25 июня 2016 г. с космодрома Вэньчан (о. Хайнань) осуществлен запуск новой ракеты-носителя «Чанчжэн-7», способной вывести на низкую околоземную орбиту до 13,5 т груза. По сообщению Китайской корпорации аэрокосмической науки и техники (CASC), в 2016 г. планировалось осуществить рекордное количество запусков в космос — более 20, в том числе — запуск пилотируемого космического корабля и испытательные пуски разрабатываемой в настоящее время ракеты-носителя «Чанчжэн-5». В течение 13-й пятилетки

(2016—2020 г.г.) в космос будет запущено около 150 ракет «Чанчжэн»³⁸;

4) в контексте поэтапного ввода в эксплуатацию спутниковой навигационной системы «Бэйдоу» (Bei Dou) в ноябре 2017 г. запущены в космос два новых спутника системы. По заявлению китайской стороны, тем самым положено начало этапа выхода последней на глобальный уровень. Следует отметить, что, система «Бэйдоу» совместима с аналогичными системами Glonass (Россия), GPS (США), Galileo (ЕС)³⁹.

Авиационная промышленность представлена Корпорацией авиационной промышленности Китая (Aviation Industry Corporation of China) (AVIC) и рассматривается руководством страны в качестве отрасли, способной воспринимать мировые новаторские идеи в научно-технической и технологической областях. Корпорация производит авиационную продукцию и, кроме того, предоставляет широкий комплекс услуг в различных областях — от научных исследований и разработок до производства и финансирования. Деятельность корпорации охватывает такие сферы, как производство боевых самолетов, самолетов военно-транспортной авиации, вертолетов, авиационных двигателей, бортовых электронных систем и оборудования; проведение летных испытаний авиационной техники; торговля, инфраструктура, финансирование, автомобили и др. В составе корпорации более 140 учреждений и предприятий. Численность персонала — около 500 тыс. человек⁴⁰. Основу отрасли составляют 9 предприятий по производству авиационной техники: Шэньянская, Чэндуская, Сианьская и Шанхайская авиационно-промышленные корпорации, Китайская авиационно-промышленная корпорация «Гуйчжоу», авиационно-промышленная группа «Хун-ду», Харбинская авиационно-промышленная компания, авиационно-промышленные компании «Чанхэ» и «Ханьчжун».

При создании AVIC активно анализировался и использовался опыт консолидации американских предприятий авиационно-космической отрасли (например, слияние в 1996 году компаний «Боинг» (Boeing) и «Макдоннелл Дуглас» (McDonnell Douglas) — в компанию «Боинг» (Boeing Company), а также слияние российских

предприятий в рамках Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК). Деятельность корпорации AVIC охватывает 10 секторов производства, включая выпуск истребителей «Цзянь-10» (J-10), F-11В, FC-1, «Цзяньхун-7» (JH-7), «Цзянь-8» (J-8), бомбардировщики «Хун-6» (H-6), авиационные двигатели, бортовые системы вооружений, военные и гражданские вертолеты (в том числе боевые и транспортные), самолеты гражданской авиации.

Можно выделить следующие направления деятельности отрасли:

1) в октябре 2012 г. проведен успешный испытательный полет истребителя пятого поколения «Цзянь-31» (J-31), создаваемого по технологии «стелс»⁴¹;

2) осуществляется модернизация бомбардировщика «Хун-6» (B-6), самолет новой версии «Хун-6К» будет иметь увеличенную дальность полета и оснащаться крылатыми ракетами с увеличенной дальностью стрельбы. Ведется разработка самолетных систем дальнего радиолокационного обнаружения и наведения, создаваемых на базе самолетов «Юнь-8» (Y-8 MOTH) и «Ил-76» (KJ-2000) по типу американской системы AWACS⁴²;

3) в 2016 г. Китай объявил о разработке к 2023 г. стратегического бомбардировщика с использованием технологий 5-го поколения⁴³;

4) в 2016 г. принят на вооружение и начат серийный выпуск тяжелого военно-транспортного самолета «Юнь-20» (Y-20) китайской разработки. Помимо основной (транспортной) версии новый самолет может выпускаться в версиях самолета дальнего обнаружения воздушного противника и управления средствами ПВО (типа АВАКС (США), а также самолета-заправщика топливом⁴⁴;

5) в 2017 г. принят на вооружение истребитель четвертого поколения «Цзянь-20» (J-20) китайской разработки, созданный по технологии «стелс»⁴⁵.

Одной из приоритетных сфер экономического строительства Китая является гражданское авиастроение, имеющее целью достижение страной к 2020—2030 гг. статуса одной из ведущих авиационных держав мира. В числе мер, осуществляемых в этой связи — принятие планов и программ, которыми, наряду с модернизацией отрасли, предусматривается обеспечение тесной интеграции граждан-

данского и военного секторов производства. Данный сектор, имеющий важные связи с авиационными фирмами развитых стран, существенно повысил свой научный и технологический потенциал и играет роль локомотива отрасли в целом, в том числе ее военного сектора. Главная роль в гражданском авиастроении Китая принадлежит Авиационной коммерческой корпорации Китая (China Commercial Aircraft Company Ltd (COMAC), которая является разработчиком и производителем гражданских самолетов и, как предполагается, — будущим конкурентом ведущих мировых авиастроительных корпораций «Эйрбас» и «Боинг». В качестве первого шага в данном направлении завершена разработка авиалайнера для линий средней протяженности АКJ2 на 70—110 пассажиров, который в настоящее время проходит летные испытания. Второй шаг — разработка авиалайнера C919 на 150 пассажиров, третий шаг — разработка к 2020 г. широкофюзеляжного лайнера⁴⁶. В конструкции самолета C919 использованы новейшие композитные материалы, доля которых в фюзеляже составит 20 %, что выше аналогичного показателя самолетов «Боинг-737» и «А-320»⁴⁷.

Следует отметить, что в руководстве корпорации COMAC преобладают бывшие сотрудники китайского ВПК, а значительная часть акций компании принадлежит военно-промышленной корпорации AVIC. Тем самым созданы благоприятные условия для перетекания мировых авиационных технологий из гражданского сектора в военный.

Гражданская авиация является динамично развивающейся отраслью транспортного комплекса КНР. За прошедшие 10 лет количество перевезенных пассажиров увеличилось в 4 раза, объем перевезенных грузов — в 3,5 раза, пассажирооборот — втрое, грузооборот — вчетверо. Китай стал вторым после США крупнейшим рынком пассажирских авиационных перевозок в мире. В период 2005—2010 гг. общий объем капиталовложений в отрасль составил 950 млрд юаней. Китайским авиационным транспортом было перевезено более 1 млрд пассажиров (ежегодный прирост составил 14,1 %) ⁴⁸. Согласно «Программе развития транспорта на 12-ю пятилетку (2011—2015 гг.)», общий объем инвестиций в развитие граждан-

данской авиации КНР предусматривался в сумме 1,5 трлн юаней (243,2 млрд долл.) и увеличение парка самолетов к 2015 г. — до уровня 4,5 тыс. единиц⁴⁹.

В структуре авиапарка Китая доминируют самолеты, произведенные западными авиастроительными компаниями. Основными поставщиками магистральных авиалайнеров в КНР являются американская корпорация Boeing и европейский консорциум Airbus. В 2013 г. гражданская авиация КНР использовала 891 авиалайнер фирмы Airbus (из них 740 авиалайнеров A320), составляющие 49 % всего парка самолетов ГА КНР. На долю авиалайнеров компании Boeing приходилось 51 % авиапарка ГУГАК. В 2014 г. корпорация Boeing поставила в Китай 150 авиалайнеров (моделей 747-8 и 777-300ER)⁵⁰, а Airbus 153 магистральных авиалайнера A320, A330 и A380, что составило 20 % от мирового объема заказов компании Airbus⁵¹.

В 2008 г. в Китае был создан Тяньцзиньский авиазавод, занимающийся сборкой пассажирских самолетов компании Airbus A320, который является совместным предприятием с участием корпорации Airbus и Авиастроительной корпорации Китая (AVIC). Тяньцзинь стал четвертым в мире городом после Сизтла, Тулузы и Гамбурга, в котором действует линия полной сборки широкофюзеляжных самолетов, т. е. впервые сборку аэробусов стали вести за пределами Европы. В конце 2014 г. руководство компании Airbus заявило о намерении открыть в Китае второй авиазавод по сборке самолетов Airbus A330.

В 2012 г. корпорация Airbus запустила в Харбине самую крупную производственную базу за пределами Европы по производству около 5 % комплектующих узлов из композитных материалов для Airbus A320 и нового модифицированного широкофюзеляжного авиалайнера A350 XWB, способного перевозить до 440 пассажиров⁵². В настоящее время пять китайских компаний авиационной промышленности, которые расположены в Харбине, Шэньяне, Сиане, Чэнду и Шанхае, непосредственно участвуют в производстве запчастей для авиалайнеров серии Airbus.

Общий объем инвестиций концерна Boeing в развитие авиастроительной промышленности КНР к началу 2014 г. достиг 800 млн

долл., и сегодня более половины запчастей авиационного парка концерна производится в Китае⁵³.

В 2014 г. Госсовет КНР принял решение о создании трех промышленных зон для поддержки развития отечественного авиастроения, которые будут располагаться в зоне дельты рек Янцзы и Чжунцзян, а также в районе Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй. Производители самолетов в этих зонах будут сотрудничать с ведущими научно-исследовательскими центрами в области разработки современных двигателей и других важных компонентов для отечественных региональных и магистральных авиалайнеров. В 2013 г. руководство ККАК объявило, что за 10 лет после вступления КНР в ВТО объем экспорта продукции китайской авиационной промышленности увеличился с 940 млн долл. до 4,57 млрд долл.⁵⁴

Китайская авиационная промышленность разрабатывает собственные типы гражданских лайнеров, что дает дополнительный импульс развитию машиностроения, электроники, металлургии и ряда других отраслей экономики КНР. Отечественную программу развития авиастроения возглавляет Китайская коммерческая авиационная корпорация (ККАК), учрежденная в 2008 г. С начала XXI в. правительство страны инвестировало более 10 млрд юаней в разработку регионального самолета ARJ21—700 и магистрального авиалайнера C919. Новый пассажирский авиалайнер ARJ21—700 (Flying Phoenix) предназначен для региональных авиаперевозок в отдаленных западных провинциях Китая. Его вместимость составляет от 78 до 90 мест, максимальная дальность полета — 2,2 тыс. км. В конце 2014 г. авиалайнер получил международный сертификат летной годности Главного управления гражданской авиации Китая (ГУГАК) и сертификат качества ИКАО. От авиакомпаний КНР уже поступил заказ на 252 самолета, и в ближайшие 20 лет китайские производители планируют собрать 850 самолетов ARJ21—700⁵⁵.

В 2014 г. в КНР закончилась разработка отечественного авиалайнера C919, предназначенного для перевозки пассажиров на средние и дальние расстояния. По основным параметрам он идентичен Boeing 737 и Airbus A320, при этом китайский аналог будет потреблять топлива на 15 % меньше, а выбросы оксидов азота со-

кратятся на 50 %. Все основные компоненты машины — китайского производства, за исключением двигателей, выпускаемых на заводах совместного предприятия CFM International, созданного американской корпорацией General Electric и французской компанией Safran SA.

Рост технологического потенциала Китая привел к созданию в 2009 г. компании China Aviation Industry Helicopter Co. Ltd (CAIHС), которая специализируется на производстве вертолетов китайской разработки. В настоящее время в Китае имеется три фирмы-производителя вертолетов: CAIHС, Harbin Aircraft Industrial Group, Changhe Aircraft Industries Group. В июле 2009 г. Китай объявил о создании транспортного вертолета АС313 грузоподъемностью 13 т собственной разработки, соответствующего международным стандартам.

Современный уровень развития авиационной промышленности, а также состояние ее научно-технического и производственного потенциала не удовлетворяют военно-политическое руководство страны. Создание более совершенных образцов авиационной техники сдерживается отставанием КНР в области разработки и производства авиационных двигателей, навигационного, связного и радиолокационного оборудования, бортовой электроники, а также новых высокотехнологичных конструкционных материалов.

Относительные успехи Китая в производстве авиационных двигателей заключаются в освоении технологий их проектирования по иностранным лицензиям, а также — в доведении удельного веса китайских деталей и технологий в них с 70—75 % до более 90 %. В итоге КНР стала пятой в мире после США, России, Великобритании и Франции страной-производителем авиационных двигателей. Вместе с тем, ряд областей разработки и производства авиационной техники требует продолжения усилий, направленных на повышение научно-технического и технологического потенциала отрасли⁵⁶.

Промышленность вооружений включает Северную промышленную корпорацию Китая (China North Industries Group Corporation) (CNGC) и Южную промышленную корпорацию Китая (China South Industries Group Corporation) (CSGC).

Северная промышленная корпорация Китая (CNGC) является одним из крупнейших производителей вооружений ВПК, объединяет свыше 120 научно-исследовательских учреждений, производственных предприятий и торговых компаний и имеет около 100 филиалов за рубежом. Выпускает высокотехнологичные вооружения, включая высокоточные ударные системы, противоракетные комплексы, системы ночного видения и многие другие для оснащения Сухопутных войск, ВВС и ВМС НОАК, играет важнейшую роль в модернизации обороны страны.

Деятельность корпорации характеризуется широким освоением и внедрением средств информатизации производства и повышением качества выпускаемой продукции. Следуя принципу сочетания военного и мирного, корпорация освоила производство многих видов гражданской продукции и одновременно осуществляет меры по передаче наукоемких технологий из военного сектора в гражданский. К 2020 г. корпорация намерена повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке и достичь мировых стандартов качества выпускаемых вооружений⁵⁷.

Южная промышленная корпорация Китая (CSGC) является одним из крупнейших объединений ВПК, интегрирующим научный, технологический и производственный потенциал по выпуску продукции военного и гражданского назначения. В настоящее время корпорация объединяет свыше 50 предприятий и научно-исследовательских учреждений, таких как Changan Automobile Group, Tianwei Group, Jialing and Jianshe и др., свыше 30 производственных баз и торговых сетей за рубежом, поддерживает отношения сотрудничества с такими компаниями как Ford, Suzuki, Mazda, Yamaha, Fuji и занимает 275-е место в списке 500 крупнейших компаний Китая. Корпорация включает четыре производственных сектора, выпускающих военную продукцию, транспортные средства, новые источники энергии, различное оборудование. Выпускаемая корпорацией специальная военная продукция широко используется в большинстве видов вооружения и военной техники. Наиболее развитым является второй сектор, включающий девять производственных баз и 23 основных сборочных предприятия и имеющий филиалы в Малайзии,

Вьетнаме, в Иране и на Украине. Корпорация занимает 10 % мирового рынка производства мощных трансформаторов и первое место в мире в области сверхвысоковольтных технологий и оборудования, имеет производственные линии по выпуску энергетических установок, использующих ветровую и солнечную энергию⁵⁸.

Танковая промышленность китайского ВПК в течение длительного времени создавала новые танки по принципу обновления вооружения и оборудования машин советских образцов. В 90-х гг. прошлого века на смену танкам с гомогенной броней и 100- или 105-мм орудиями пришли новые более совершенные машины китайской разработки, создаваемые с учетом мирового опыта танкостроения. На сегодняшний день лучшим китайским танком является танк «Тип 99» и его модификации «Тип 99А1» и «Тип 99А2», имеющие 125-мм пушку, лазерный дальномер, баллистический вычислитель, композитную броню и блоки динамической защиты корпуса⁵⁹. По оценкам зарубежных аналитиков, эти машины не в полной мере отвечают современным требованиям вследствие сохраняющегося технологического отставания Китая от мирового уровня танкостроения, однако разрыв быстро сокращается⁶⁰. Наряду с этим выпускаются самоходные артиллерийские установки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты различных типов и другая военная техника и вооружение.

Артиллерийско-стрелковая промышленность не только удовлетворяет потребности НОАК, но в значительной степени обеспечивает экспортные поставки артвооружения и стрелкового оружия. В конце XX века производственная и научно-исследовательская база отрасли была модернизирована с использованием передовых научно-технических и технологических достижений США и ведущих стран Европы. В результате Китай получил возможность выпускать все современные виды артиллерийского и стрелкового оружия, а также системы реактивной артиллерии.

Артиллерийско-стрелковая промышленность включает 20 основных сборочных предприятий по производству вооружения, в том числе, самоходных и буксируемых орудий полевой артиллерии, реактивных установок залпового огня, минометов, зенитных и проти-

вотанковых орудий, гранатометов и различного стрелкового вооружения. Основными типами буксируемых артиллерийских систем являются пушки-гаубицы 155-мм WA-021, 152-мм тип «83» и 130-мм тип «59-1».

Промышленность боеприпасов насчитывает более 200 предприятий, в том числе механических заводов, предприятий по производству порохов и твердого ракетного топлива, взрывчатых веществ, взрывателей и средств инициирования, заводов по производству боеприпасов.

Наряду с успехами в промышленности вооружений до настоящего времени по отдельным направлениям сохраняется техническая отсталость, связанная с ней зависимостью от импорта отдельных технологически сложных узлов и агрегатов. Поэтому в перспективе основными направлениями развития отрасли останутся освоение современных технологий и переоснащение предприятий современным производственным оборудованием⁶¹.

Судостроительная промышленность включает Государственную корпорацию судостроения Китая (China State Shipbuilding Corporation) (CSSC) и Корпорацию судостроительной промышленности Китая (China Shipbuilding Industry Corporation) (CSIC).

Первая из них является крупнейшим судостроительным объединением страны, включает 60 предприятий и учреждений, в том числе судостроительные и судоремонтные верфи, научно-исследовательские и проектные институты, производственные предприятия, торговые компании. Выпускает как боевые корабли и вспомогательные суда для ВМС НОАК, так и соответствующие международным стандартам гражданские суда всех классов и назначений: пассажирские суда, нефтяные танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, быстроходные суда и др. Корпорация экспортирует производимую продукцию в 50 с лишним стран и регионов и намерена стать наиболее мощным судостроительным предприятием в мире. Сегодня корпорация сосредоточила усилия на строительстве двух новых судостроительных баз — на о. Чансин (Changxing Island) в районе Шанхая и Лунсюэ (Longxue) в районе Гуанчжоу (пров. Гуандун). Предполагается, что в результате производственные возможности корпорации возрастут с

нынешних 4 млн т до 14 млн т дедвейта, при этом номенклатура выпускаемых судов будет существенно расширена и включит танкеры для перевозки сжиженного природного газа, комфортабельные пассажирские суда и т. п. Одновременно корпорация широко диверсифицирует свою деятельность в таких секторах, как финансы, судоремонт, грузовые перевозки, морские инженерные сооружения, строительство, энергетика, защита окружающей среды, металлургия и во многих других⁶².

Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSIC) также является крупным объединением предприятий отрасли, занятым в сфере проектирования и производства военных и гражданских судов. Включает 96 предприятий и учреждений, в том числе 48 производственных предприятий, 28 научно-исследовательских институтов, 15 акционерных компаний, расположенных в более чем 20 провинциях Китая. Среди филиалов корпорации — верфи в городах Далянь (Dalian Shipyard, Dalian New Shipyard), Бохай (Bohai Shipyard), Учан (Wuchang Shipyard), Шанхайгуань (Shanhaiguan Shipyard). Корпорация обладает береговой инфраструктурой, позволяющей осуществлять ремонт судов водоизмещением до 300 тыс. т. Производимые ею суда экспортируются в более чем 50 стран и регионов мира. Наряду с этим, корпорация диверсифицирует свою производственную и коммерческую деятельность в таких секторах, как морские судовые двигатели, морское оборудование, судовое оборудование для военных и гражданских судов, металлургия, гидроэнергетика. Производственные возможности корпорации составляют 1,1 млн т⁶³.

В отрасли накоплен опыт строительства атомных ракетных подводных лодок и надводных боевых кораблей основных классов, включая авианосцы. Показателем уровня развития отрасли явились модернизация и ввод в состав ВМС НОАК в сентябре 2012 г. учебного авианосца «Ляонин» (закупленного на Украине тяжелого авианесущего крейсера «Варяг»). Среди основных направлений деятельности отрасли в области военного кораблестроения на современном этапе можно выделить следующее⁶⁴:

- по оценке аналитиков Министерства обороны США, в начале 2020-х годов возможно начало строительства стратегических атом-

ных ракетных подводных лодок нового типа — проекта 096 (Type — 096). С этим связано принятие в начале 2017 г. новой программы создания баллистических ракет морского базирования (предположительно «Цзюйлан-3 (JL-3), предназначенных для их вооружения⁶⁵;

- строительство надводных кораблей различных классов и назначений с улучшенными тактико-техническими характеристиками, в том числе эскадренных миноносцев УРО типа 052D (Type 052D), фрегатов УРО типа 054A (Type 054), оснащенных противокорабельными крылатыми ракетами, корветов типа 056A (Type 054A). В июне 2017 г. спущен на воду крейсер типа 055 (Type — 055) водоизмещением более 10 000 т, в стадии строительства находятся еще три корабля данного типа. В августе 2017 г. спущено на воду судно обеспечения боевых кораблей в море типа 901 (Type 901) водоизмещением 40 000 т, в стадии строительства находится еще одно судно данного проекта⁶⁶.

В апреле 2017 г. спущен на воду первый авианосец китайской разработки CV-17 с обычной силовой установкой. Ведется разработка второго авианосца Type 002, предположительно с атомной силовой установкой, корабль создается по типу авианосца ВМС США «Джералд Форд» водоизмещением 100 тыс. т⁶⁷.

В процессе модернизации отрасли были осуществлены закупки за рубежом современного комплектного оборудования и проведена техническая реконструкция крупнейших судостроительных заводов в Цзяннани, Пудуне, Даляне и других городах, что позволило существенно повысить производственные мощности отрасли и ее конкурентоспособность на внешнем рынке. Согласно программе средне- и долгосрочного развития судостроительной промышленности на 2006—2015 гг., в стране созданы три новые судостроительные базы на побережье Бохайского залива, а также в устьях рек Янцзы и Чжуцзян. Производственные возможности отрасли по выпуску судов в 2015 г. превысили 28 млн т. Выпускаемые в КНР гражданские суда по своим характеристикам приближаются к мировым стандартам качества. Однако многие используемые в них компоненты производятся за рубежом. За последние годы производственная база отрасли существенно обновилась. Продолжилось переоснащение дей-

ствующих предприятий современным оборудованием и внедрение в процесс производства новых технологий. В рамках модернизации отрасли запланировано слияние части предприятий и расширение производственной базы остальных верфей, а также строительство новых объектов.

С целью повышения технологического уровня судостроения и технических характеристик выпускаемых кораблей и судов осуществляются меры по импорту передовых зарубежных технологий, реконструкции судостроительных заводов, освоению лицензионного производства силовых установок, навигационного оборудования, различных судовых приборов и устройств. Тем не менее, несмотря на значительные достижения в области судостроения, отрасль все еще отстает от некоторых конкурирующих с нею иностранных судостроительных предприятий в таких сферах, как проектирование, производственные технологии, эффективность управления производственными процессами. Так, многие современные суда, которые строятся на китайских верфях, проектируются зарубежными компаниями. В конструкции большинства судов, произведенных в Китае на экспорт в первой половине 2006 г. использовались компоненты иностранного производства. По оценкам китайских аналитиков, отрасли предстоит долгий путь для ликвидации отставания во многих ключевых технологиях⁶⁸. Для подъема технологического уровня отрасли Китай активно использует международные связи. Так, в сотрудничестве с фирмой «Кавасаки» (Япония) освоено производство судовых дизелей с единичной мощностью до 50 тыс. л.с. К 2012 г. Китай вышел на первое место в мире с портфелем заказов на суда общим тоннажем 70 млн т. В настоящее время половина мирового рынка судостроения принадлежит Китаю. По сообщению агентства по анализу ситуации в области судостроения и судоходства Clarkson Research Services (Великобритания), в период с января по апрель 2016 г. из 114 заказов на суда на мировом рынке судостроения 59 заказов были получены китайскими предприятиями⁶⁹. По итогам 2017 г. Китай продолжал занимать первое место в мире по количеству построенных за год кораблей, количеству полученных заказов на строительство судов и количеству заказов на будущие годы⁷⁰.

В *электронной отрасли*, основу которой составляет Корпорация электронных технологий Китая (China Electronics Technology Group Corporation) (СЕТС), сформирован мощный научно-исследовательский и производственный комплекс, осуществляющий разработку и выпуск электронной техники и технологий военного и гражданского назначения, а также — элементной базы и средств программного обеспечения. Кроме корпорации, отдельные программы, имеющие военное значение, выполняют и чисто гражданские радиоэлектронные предприятия, не входящие в ВПК. Подъему отрасли способствует активное привлечение иностранного капитала и передовых зарубежных технологий гражданского назначения, ускоренно внедряемых в производство.

В связи с реализацией курса на информатизацию и компьютеризацию НОАК быстрыми темпами расширяется производство электронной аппаратуры и различных систем военного назначения, включая бортовые системы управления ракет, наземные контрольно-измерительные комплексы, автоматизированные системы управления войсками и оружием тактического и оперативного звеньев, а также универсальные ЭВМ. Большинство этой продукции — китайской разработки, основанной на импортной зарубежной технике. Наряду с аппаратурой связи и радионавигационной техникой, расширяется производство аппаратуры космической связи, включая приемопередающие устройства для систем телеметрии и слежения за искусственными спутниками Земли, а также для систем контроля и навигации пилотируемых космических аппаратов.

Входящая в структуру СЕТС корпорация СЕТС International выпускает широкий ассортимент электронной продукции, в том числе военного назначения: системы управления и контроля, радиотехнические средства, системы электронной разведки, средства ведения электронной войны, системы связи, системы антитеррористической борьбы и обеспечения общественной безопасности, системы наблюдения, электронные системы проектирования. Корпорация China Electronics Corporation, также входящая в состав СЕТС и выпускающая военную и гражданскую продукцию, производит электронные компоненты систем противовоздушной обороны, систем береговой

обороны и сухопутных войск НОАК. Сфера деятельности корпорации включает решение проблем интеграции электронных и информационных систем, выпуск электронной продукции военного и гражданского назначения⁷¹.

Помимо создания собственных процессоров и вычислительных средств на их базе, в Китае активно ведутся работы по созданию собственной операционной системы (ОС), не подверженной внешним кибератакам. Завершена разработка и начато развертывание собственной ОС «Килинь», в которой предусмотрена защита ключевых государственных серверов и компьютеров от нападений извне⁷².

Применение высокоскоростных суперкомпьютеров в сочетании с высокопроизводительными персональными машинами при наличии развитого специализированного программного обеспечения позволяет Китаю значительно сократить сроки проектирования, освоения производства, проведения испытаний и ввода в эксплуатацию новых образцов высокотехнологичной техники как военного, так и гражданского назначения.

Возрастающие возможности в области информационных технологий, включая программное обеспечение, позволяют КНР создавать информационные системы различного назначения (типов TD-SCDMA; GoTa; WAPI (WLAN Authentication and Privacy Infrastructure; AVS и другие), а также робототехнику. Часть выпускаемой продукции по своим характеристикам соответствует мировым стандартам качества⁷³.

В последние годы Китай занял место в ряде стран, способных выпускать персональные компьютеры нового поколения и суперкомпьютеры научного и производственного назначения. С вводом в эксплуатацию в сентябре 2012 г. суперкомпьютера мощностью 1,0 петафлопс на базе суперпроцессора китайской разработки «Шэньвэй» в Национальном суперкомпьютерном центре в провинции Цзинань Китай присоединился к компьютерному клубу таких производителей суперпроцессоров, как США и Япония. В 2013 г. компьютер «Тяньхэ-2», разработанный сотрудниками Оборонного научно-технического университета НОАК и компанией Inspur, был признан наиболее мощным суперкомпьютером в мире⁷⁴. В 2017 г.

китайские компьютерные системы Sunway TaihuLight и Tianhe-2 (Milkyway-2) заняли два первых места в мировом рейтинге суперкомпьютеров. Китайский Sunway TaihuLight полностью отечественной разработки стал лидером рейтинга во второй раз. Мощность компьютера составляет 93 петафлопса⁷⁵.

Вместе с тем, отрасль имеет ограниченные возможности по разработке собственных радиоэлектронных систем военного назначения, отвечающих современным требованиям. В связи с этим важнейшей задачей, стоящей перед нею на современном этапе, является модернизация научно-исследовательской, экспериментальной и производственной базы, которая решается в основном путем заимствования технологий двойного (военного и гражданского) назначения у иностранных компаний, работающих в Китае. При этом Китай активно использует их заинтересованность в сохранении своих позиций в стране.

КНР занимает передовые позиции в области исследований и применения нанотехнологий, которые, как ожидается, должны в ближайшей перспективе привести к революции в компьютерной, оптической и биологической сферах, в производстве новых материалов, в том числе, с точки зрения уменьшения объема потребления ресурсов и давления на окружающую среду. Восемь НИИ и вузов Китая вошли в число 50 крупнейших мировых научно-исследовательских учреждений, занимающихся исследованиями и разработкой нанотехнологий. По ряду разработок в данной сфере Китай приблизился или достиг передового мирового уровня.

4.3. Меры по повышению научно-исследовательского и производственного потенциала ВПК

С целью расширения, научной, технологической и производственной базы ВПК развивает в последние годы научные и производственные связи с учреждениями и предприятиями гражданского сек-

тора. Одновременно осуществляется процесс преобразования государственных оборонных предприятий и учреждений в предприятия, основанные на смешанном капитале различных форм собственности при сохранении контрольного пакета акций в руках государства.

В 2008 г. Госсоветом и Центральным военным советом КНР принято «Положение об администрации, осуществляющей лицензирование НИОКР и производство ВВТ», а в 2010 г. Министерством промышленности и информационных технологий и Главным управлением вооружений НОАК издан совместный документ «О мерах по лицензированию научных исследований и производства оборонного значения», направленный на регулирование участия различных экономических организаций гражданского сектора в научных исследованиях и производстве военной техники. Гражданские предприятия и учреждения, имеющие лицензии на проведение научных исследований и производство военной продукции, ныне составляют две трети от общего числа предприятий занятых в данной сфере. Эти процессы сопровождаются мерами по защите прав на интеллектуальную собственность в области технологий и производства, имеющих оборонное значение⁷⁶.

Наряду с этим, в последние годы предпринимаются меры, направленные на расширение и диверсификацию источников финансирования ВПК. В этой связи издан «Каталог направлений для инвестиций из гражданского сектора в военно-промышленный комплекс». Получает развитие система стимулирования предприятий и учреждений ВПК, а также высших учебных заведений, к инновационной деятельности в оборонном секторе с широким использованием электронной техники и современных информационных технологий⁷⁷. Осуществлены меры по разработке и вводу в действие системы лицензирования НИОКР и производства вооружений и военной техники (ВВТ).

По состоянию на март 2016 г. десять военно-промышленных корпораций КНР имели 80 дочерних предприятий, зарегистрированных на биржах Китая, что составляло 25 % их общих активов⁷⁸. В 2017 г. было принято решение распространить процесс акционирования на государственные научно-исследовательские институты и

академии оборонного профиля. В первую партию научно-исследовательских учреждений, подлежащих реформированию, вошли около 40 НИИ, входящих в структуру двух важнейших военно-промышленных корпораций — Корпорации аэрокосмической науки и технологии Китая (China Aerospace Science and Technology Corporation) (CASC) и Корпорации аэрокосмической науки и промышленности Китая (China Aerospace Science and Industry Corporation) (CASIC). Другим направлением реформы является создание внутри научно-исследовательской системы оборонного профиля серии инновационных центров, которым отводится роль локомотивов развития науки и технологий в основных производственных секторах. В настоящее время созданы 10 инновационных центров, в основном в секторах ракетостроения и производства военно-морской и авиационной техники⁷⁹.

Иностранные инвестиции в некоторые базовые отрасли китайской экономики, такие как металлургия, электронная промышленность и другие, способствуют созданию благоприятных условий для модернизации оборонной промышленности и отраслей, выпускающих продукцию двойного (военного и гражданского) назначения. В настоящее время многие совместные с иностранным капиталом предприятия в Китае производят электронные компоненты, используемые в системах управления ракет, радиотехническом оборудовании, аппаратуре связи, компьютерах военного назначения⁸⁰.

Нынешний этап в деятельности ВПК характеризуется активным освоением новейших методов проектирования и разработки военной техники с использованием электронных систем, модульного принципа, стандартизации. Быстрыми темпами совершенствуется экспериментальная база, а также — системы контроля качества как отдельных деталей и узлов вооружений и военной техники, так и сборки изделия в целом, что позволяет существенно повысить качество выпускаемой продукции⁸¹.

ВПК в целом успешно завершил мероприятия организационного характера в рамках первого этапа перспективной стратегии модернизации оборонного потенциала и ныне реализует второй этап (2011—2020 гг.), содержанием которого является достижение про-

гресса по основным направлениям модернизации и мировых стандартов качества выпускаемой военной техники. Для получения доступа к современным технологиям двойного назначения Китай активно и с успехом использует заинтересованность иностранных компаний в сохранении своих позиций в стране, что в условиях острой конкурентной борьбы вынуждает их проводить «политику закрепления», которая включает расширение и углубление сотрудничества с китайскими партнерами в исследовательской и производственной сферах, использование изготовленной на территории КНР продукции, организацию совместных предприятий, увеличение выпуска продукции, ориентированной на экспорт, повышение квалификации местного персонала.

В 12-й пятилетке (2011—2015 гг.) в качестве задач ВПК были определены: обеспечение роста производства военной и гражданской продукции на 15 % и выше; модернизация технологической и производственной базы, удовлетворение потребностей системы научных разработок и производства вооружений и военной техники; повышение потенциала обеспечения армии вооружением и военной техникой, конкурентоспособности в условиях рынка; всестороннее совершенствование форм интеграции военного и гражданского производства; развитие международного сотрудничества; повышение квалификации научного, инженерного и технического персонала и комплексной мощи ВПК⁸².

Деятельность ВПК направлялась на обеспечение реализации второго этапа принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны и вооруженных сил, включающей три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований (данный этап завершен), до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁸³. Содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооружен-

ных сил и родов войск в совместных операциях. Среди принятых программных документов, касающихся непосредственно ВПК, следует отметить также «12-й пятилетний план развития оборонной промышленности», вступивший в силу в 2011 г.⁸⁴

В годы 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) на вооружение НОАК поступил ряд новых образцов военной техники:

- в ВВС и ВМС — более совершенные самолеты, позволяющие существенно повысить возможности НОАК по сбору и анализу информации, а также по ведению электронной войны. В их числе — самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления KJ-500, морской патрульный самолет Y-8J, самолет электронной разведки Y-8GX8;

- на вооружение «второй артиллерии» — крылатые ракеты CJ-10A; ракеты малой дальности DF-16, противокорабельные баллистические ракеты «Дунфэн»-21Д (DF-21D), ракеты «Дунфэн»-26 (DF-26);

- в сухопутные войска — основные боевые танки Type-99A, боевые машины пехоты ZBD-04A, противотанковые ракеты HJ-10, самоходные гаубицы PLZ-05A, вертолеты огневой поддержки WZ-10.

За тот же период (2011—2015 гг.) Китай осуществил запуск 128 космических объектов КНР и других стран (последних — на коммерческой основе). При этом свыше 97 % запусков были успешными, что ставит китайскую космическую технику по показателю надежности на первое место в мире⁸⁵.

Планом на 13-ю пятилетку (2016—2020 гг.) определены приоритетные сферы научных исследований, разработок и производства, многие из которых имеют оборонное значение. В их числе авиационные двигатели (включая турбовентиляторные и газотурбинные); quantum-коммуникации, вычислительная техника, инновационная электронная техника и программное обеспечение, автоматика и робототехника, специальные материалы, нанотехнологии, искусственный интеллект, исследования дальнего космоса, орбитальные системы. Из других сфер исследований можно выделить термоядерные реакции, гиперзвуковые технологии, проблемы развертывания на околоземных орбитах групп многофункциональных ИСЗ. Решению этих задач будет способствовать участие в исследованиях институтов

и лабораторий фундаментальной и отраслевой науки гражданского сектора, в том числе главных научных центров — Академии наук Китая и Инженерной академии Китая, и углубление военно-гражданской интеграции в сфере науки и технологий.

Начиная с октября 2014 г., Китай осуществляет меры по реформированию системы финансирования науки, совместно разработанные Министерством науки и технологий и Министерством финансов и направленные на рациональное расходование государственных средств, предназначенных для финансирования НИОКР. Вместо прежней системы, при которой 40 агентств осуществляли администрирование свыше 100 программ НИОКР, создается новая система, при которой финансирование будет осуществляться по пяти новым направлениям: 1) небольшие по объему гранты, выделяемые на конкурсной основе; 2) основные проекты НИОКР национального масштаба; 3) ключевые исследовательские программы; 4) специальные фонды для курирования технологических инноваций; 5) специальные фонды для развития человеческих ресурсов и инфраструктуры.

Руководство страны во главе с Си Цзиньпином принимает энергичные меры для обновления модели развития страны, в которой центральное место должны занять наука, технологии и инновации. Безусловно, данный процесс в первую очередь затрагивает военно-промышленный комплекс. В 2016 г. был принят ряд среднесрочных и долгосрочных программ, направленных на трансформацию Китая в течение ближайших десятилетий из реципиента зарубежных технологий в глобального лидера инноваций, в особенности в таких стратегических областях, как оборона, системы двойного (военного и гражданского) назначения, высокие (наукоемкие) технологии, инновационное производство.

В начале 2016 г. Государственным управлением по делам оборонной науки и техники и оборонной промышленности (ГУОНТП) разработан ряд новых программных документов развития ВПК на средне- и долгосрочную перспективу. Основным из них является 13-й пятилетний план развития оборонной науки, технологий и промышленности (13th Defence Science, Technology, and Industry Five Year Plan (13th FYP), в котором поставлены следующие шесть

главных задач на перспективу до 2020 г.: осуществление прорывного развития оружия и военной техники; увеличение инновационного потенциала в ключевых областях; улучшение качества и общей эффективности; оптимизация структуры оборонной промышленности и всемерное развитие военно-гражданской интеграции; увеличение экспорта вооружений и военной техники; участие в экономическом и социальном строительстве страны. В данном плане, в отличие от предыдущих, сделан акцент на собственные инновации.

По некоторым сведениям, в настоящее время ГУОНТП ведет работу по подготовке Плана развития оборонной науки, технологий и промышленности КНР 2025, сопряженного с национальным Планом передового производства «Сделано в Китае — 2025». Оба плана направлены на подъем качественного уровня производственной базы страны и снижение чрезмерной зависимости от импорта ключевых зарубежных технологий и комплектующих компонентов. В целях оказания содействия руководству страны в выработке долгосрочной стратегии развития военных НИОКР на перспективу в 20—30 лет по инициативе ГУОНТП учрежден новый орган — Комитет стратегии развития военной науки и технологий, главными задачами которого являются проведение в жизнь стратегических планов и решений руководства КПК, сосредоточение усилий на перспективных научных исследованиях, консультации и выработка рекомендаций относительно политики в области военной науки, технологического развития и инноваций. Комитет возглавляет директор ГУОНТП, а его членами являются многие выдающиеся ученые и специалисты в области оборонной науки, включая академиков Академии наук Китая и Инженерной академии Китая.

Фактором, способствующим модернизации ВПК, является реализация курса на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью, предполагающего разработку и коммерциализацию технологий в области новых материалов, искусственного интеллекта, интегральных схем, промышленной робототехники, мобильной связи пятого поколения и т. д. В связи с этим расходы Китая на НИОКР возрастают темпами, опережающими темпы экономического роста.

Так, в 2016 г. они возросли на 9,4 % (до 221 млрд долл.)⁸⁶ против увеличения ВВП за тот же период на 6,7 %.

Согласно «Плану научно-технических инноваций на период 13-й пятилетки (2016—2020 гг.)», к 2020 г. Китай должен подняться в мировом рейтинге инновационных способностей с 18-го на 15-е место и обеспечивать до 60 % роста национальной экономики за счет научно-технических достижений (в 2015 г. данный показатель составил 55,3 %). Доля добавленной стоимости наукоемких услуг в ВВП страны вырастет с нынешних 15,6 до 20 %⁸⁷.

Анализ приведенных данных позволяет прийти к заключению о том, что в военно-технической области Китай стремится к достижению самодостаточности в обеспечении вооружениями и военной техникой и в последние годы добился на этом пути огромного прогресса. Вместе с тем, в области повышения качества выпускаемой военной продукции китайский ВПК продолжает испытывать серьезные проблемы, вызванные нехваткой высококвалифицированных специалистов, сохраняющимися издержками бюрократизированной системы управления. Из других проблем можно выделить технологическую отсталость в ряде областей, например, в таких как авионика, двигатели, компьютерная техника, датчики и сенсорные устройства, новые материалы, интеграция различных систем, входящих в тот или иной комплекс вооружений и др.⁸⁸ Так, создание современных образцов военной авиационной техники сдерживается технологическим отставанием в области разработки и производства авиационных двигателей, навигационного, связного и радиолокационного оборудования, систем управления оружием, а также новых конструкционных материалов⁸⁹. В свою очередь, это ведет к затягиванию сроков достижения мировых стандартов качества выпускаемой военной техники и вооружения.

Косвенным свидетельством наличия этих проблем является то, что в китайском импорте военной техники из России после спада в 2005—2011 гг., связанного с попытками (безуспешными. — *Прим. авт.*) наладить производство вооружений и их компонентов своими силами, в последние годы отмечено возобновление тенденции к закупкам крупных партий российской техники. В 2011—2012 гг. закуп-

лено: 140 двигателей АЛ-31ФН для истребителя «Цзянь-10» (J-10), 100 двигателей РД-93 для истребителя FC-1, 184 двигателя Д-30КП-2 для военно-транспортного самолета Ил-76 и модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6K). В начале 2013 г. достигнуто соглашение о закупке 24 новых российских истребителей Су-35 с поставкой в 2015—2016 гг.⁹⁹

Согласно докладу «РЭНД-Корпорэйшн» Конгрессу США о результатах исследования ВПК КНР в 2015 г., данный сектор, несмотря на успехи в последние годы, все же страдает от серьезных проблем, среди которых — монополизм и отсутствие конкуренции, задержки с исполнением заказов, завышение стоимости и низкий контроль качества выпускаемой продукции, устаревшая система принятия новых образцов на вооружение, ограниченный доступ к внешним источникам технологий и экспертных данных⁹¹.

В заключение можно отметить, что достигнутые успехи китайского ВПК в соединении с последовательной реализацией государственных программ, направленных на превращение Китая к 2020 г. в мировую инновационную державу — «Основные положения государственной реформы системы образования (2010—2020 гг.)», «Основные положения государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006—2020 гг.» и «Основные положения государственной средне- и долгосрочной программы развития талантов (2010—2020 гг.)»⁹² — дают основание полагать, что в обозримой перспективе научно-технический и технологический потенциал китайского ВПК существенно возрастет. Вместе с тем, достижение Китаем мировых стандартов качества выпускаемой военной техники будет сопряжено с зависимостью от импорта наиболее важных высокотехнологичных компонентов.

4.4. Военно-гражданская интеграция

Как отмечено выше, в начале XXI в. развитие ВПК осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы.

В развитии военно-гражданской интеграции Китай следует мировой тенденции, направленной на усиление военно-технического потенциала и одновременно — на повышение научно-исследовательского, технологического и производственного потенциала гражданского сектора экономики. В таких странах, как США, Великобритания, Германия, на военные цели используется менее 15 % военных технологий, а большая их часть — около 80 % — реализуется в гражданских проектах. Как отмечено выше, в Китае 30 % потенциала ВПК задействовано для выпуска военной техники и 70 % — для выпуска гражданской продукции. Тем не менее, по состоянию на октябрь 2016 г. большое количество военных технологических новшеств оставались без применения в гражданском секторе из-за существовавшего разделения военной и гражданской сфер⁹³.

В Китае руководство работой в данной сфере в государственном масштабе возложено на Центральную комиссию по военно-гражданской интеграции, которую возглавляет председатель КНР Си Цзиньпин, являющийся одновременно председателем Центрального военного совета (ЦВС) КНР и председателем Военного совета ЦК КПК⁹⁴.

Одной из мер в данном направлении стало создание в структуре Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР Департамента продвижения интеграции военных и гражданских программ, отвечающего за работу по передаче научно-технических достижений ВПК в гражданскую промышленность и использование в военной и гражданской сферах единых технических стандартов (там, где это возможно)⁹⁵.

Общей тенденцией последнего десятилетия является внутренняя реструктуризация военно-промышленных корпораций с объединением активов в дочерние холдинговые компании и попытки вывести эти холдинговые компании на фондовые рынки материкового Китая и Гонконга. При этом особенности китайского рынка ценных бумаг, предполагающего деление акций китайских компаний на несколько типов, доступных либо иностранцам, либо китайским покупателям, позволяют исключить переход контроля над любым предприятием ВПК в руки иностранцев. По состоянию на март

2016 г. 10 военно-промышленных корпораций КНР имели 80 дочерних предприятий, зарегистрированных на биржах Китая, что составляло 25 % их общих активов⁹⁶.

В мае 2016 г. Пекин опубликовал новую трехэтапную стратегию инновационного развития до 2050 г.: первый этап (до 2020 г.) предполагает превращение Китая в инновационную державу, что означает создание среды, благоприятствующей развитию инноваций, улучшение стимулирования деятельности в данной области, усовершенствование системы защиты интеллектуальной собственности; второй этап (до 2030 г.) заключается в присоединении к странам — лидерам инновационного развития; третий этап (до 2050 г.) — достижение паритета с США и выход на первое место в мире в области инноваций, в том числе в области военных НИОКР.

Новая стратегия отличается двумя характерными чертами. Во-первых, концентрация усилий на создание собственных инновационных технологий двойного (военного и гражданского назначения) вместо прежнего освоения и усовершенствования заимствованных зарубежных технологий. Для этого проводится масштабная реорганизация существующей системы гражданских и военных НИОКР. Намечается, во-первых, создание лабораторий национального уровня, нацеленных на осуществление прорывных научных достижений, в том числе имеющих значение для обеспечения национальной безопасности; во-вторых, сосредоточение усилий на ключевых проектах, открывающих возможности прорывных решений в сфере технологий и имеющих долгосрочный эффект.

Из общего объема исследовательских проектов и программ в Китае выделены приоритетные, имеющие двойное — военное и гражданское назначение и требующие поддержки и финансирования со стороны государства, в их числе: 1) проектирование материалов с заданными свойствами; производство в условиях критически неблагоприятной экологии; аэрокосмическая механика, развитие информационных технологий; нанотехнологии; технологии создания высокоэффективных энергоносителей; 2) передовые высокоэффективные производственные технологии, металлорежущие станки с искусственным интеллектом; 3) передовые высокоэффективные

энергетические технологии, в том числе водородная энергия; технологии топливных элементов; альтернативные виды топлива; передовые технологии транспортных средств; 4) морские технологии, в первую очередь технологии мониторинга морской среды в трех измерениях; технологии мультипараметрических исследований дна океанов; 5) технологии глубоководных операций; 6) лазерные и аэрокосмические технологии, позволяющие создавать лазерные системы оружия наземного и воздушного базирования⁹⁷.

Несмотря на усилия, предпринимаемые в направлении ускорения военно-гражданской интеграции, до последнего времени процесс развивался медленно. Причина заключается в том, что преодоление существовавшего до сих пор разделения гражданского и военного секторов оказалось гораздо более трудным, чем ожидалось. Одной из новых мер, провозглашенных в марте 2015 г., стал подъем процесса с отраслевого уровня с участием ГУОНТП и Министерства промышленности и информатизации, до уровня национальной стратегии с включением в него более мощных и влиятельных инстанций и, прежде всего, Комитета по реформам и развитию.

ГУОНТП осуществляет меры для перевода процесс военно-гражданской интеграции на плановую основу; в 2015 г. им был разработан первый годовой План стратегических действий в области военно-гражданской интеграции (План 2015), содержащий комплекс реалистичных и осуществимых мер на ближайшую перспективу; данный шаг оказался успешным, и за ним последовал второй годовой План 2016⁹⁸.

Фактором, способствующим модернизации ВПК и военно-гражданской интеграции, является реализация курса на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью, предполагающего разработку и коммерциализацию технологий в области новых материалов, искусственного интеллекта, интегральных схем, промышленной робототехники, мобильной связи пятого поколения и т. д.

По оценке руководства страны, в конце 2017 г. военно-гражданская интеграция вступила в новый этап, характеризующийся «расширением и углублением». Согласно документу Госсовета КНР

«Предложения об ускорении и углублении военно-гражданской интеграции оборонной науки и промышленности» 2017 г.⁹⁹ среди важнейших предприятий, имеющих лицензии на проведение военных НИОКР и производство военной техники, частные гражданские предприятия на сегодня составляют свыше двух третей их общего числа. Определилась тенденция расширения доступа гражданского производственного сектора к ресурсам ВПК и повышения количественных и качественных параметров интеграции. Ныне свыше 3000 различных видов испытательного оборудования и около трети проектов ВПК открыты для гражданского сектора, что способствовало осуществлению ряда выдающихся научно-технических достижений, в том числе создание спутниковой навигационной системы «Бэйдоу-3», орбитальной космической станции «Тяньгун-2», пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-11», пассажирского авиалайнера С-919 и др.

В Китае военно-гражданская интеграция рассматривается в качестве важного драйвера экономического роста. Частный капитал поощряется к участию в военных проектах. При этом существенно упрощается и делается более прозрачной процедура оформления доступа гражданских предприятий на военные объекты, за исключением стратегических. Одновременно для военных предприятий расширяются возможности заказов продукции в гражданском секторе.

Вместе с тем, на пути дальнейшего углубления военно-гражданской интеграции существует ряд препятствий и нерешенных проблем, среди которых недостаточная открытость ВПК, недостаточное финансирование процесса, неурегулированность структуры научных исследований и производства военной и гражданской продукции в направлении их сближения. Для разрешения этих и других проблем ГУОНТП и Министерство промышленности и информатизации Госсовета КНР совместными усилиями создают платформу содействия военно-гражданской интеграции, в которой центральное место занимают единая информационная система, доступная для военных и гражданских пользователей, и система защиты прав на интеллектуальную собственность.

В перспективе предполагается использовать преимущества научно-технической и производственной базы ВПК по следующим основным направлениям:

1) гражданская ядерная энергетика, гражданская авиация и космонавтика, высокотехнологичное судостроение, развитие высокотехнологичных отраслей, выпускающих электронную технику двойного назначения;

2) развитие новых высокотехнологичных отраслей производства;

3) производство технических средств обеспечения безопасности и средств предупреждения угроз в сфере безопасности.

Ставится задача распространения военно-гражданской интеграции на региональный уровень. В этой связи ГУОНТП намерено изучить вопрос о создании ряда образцовых баз развития инноваций на основе слияния военных и гражданских научно-исследовательских учреждений.

В контексте расширения масштабов и углубления военно-гражданской интеграции в настоящее время в Китае ведется работа по подготовке Плана развития оборонной науки, технологий и промышленности КНР 2025, сопряженного с национальным Планом передового производства «Сделано в Китае» 2025. Оба плана направлены на подъем качественного уровня производственной базы страны и снижение зависимости от импорта ключевых зарубежных технологий и комплектующих компонентов¹⁰⁰.

Правительством КНР осуществляет комплекс мер в направлении развития военно-гражданской интеграции, однако процесс развивается весьма медленно. Причина заключается в том, что преодоление существовавшего до сих пор разделения гражданского и военного секторов оказалось гораздо более трудным, чем ожидалось. Одной из новых мер, провозглашенных в марте 2015 г., стал подъем процесса с отраслевого уровня с участием ГУОНТП и Министерства промышленности и информатизации до уровня национальной стратегии с включением в него более мощных и влиятельных инстанций и, прежде всего, Комитета по реформам и развитию.

ГУОНТП также проявило новый подход к военно-гражданской интеграции, выразившийся в разработке и выпуске первого еже-

годного Плана стратегических действий в области военно-гражданской интеграции (2015), в котором был предложен комплекс реалистичных и осуществимых мер на ближайшую перспективу. Данный шаг оказался успешным, и за ним последовал второй ежегодный План 2016¹⁰¹.

Вопросу военно-гражданской интеграции как имеющему важнейшее значение для развития Китая было уделено большое внимание на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.). В разделе доклада генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, посвященном армейскому строительству, указано на необходимость «...твердо стоять на позиции единства наращивания экономического и военного потенциала страны, на основе научно-технических достижений и инноваций сформировать архитектуру углубленной военно-гражданской интеграции и создать интегрированную государственную стратегическую систему с соответствующим потенциалом»¹⁰².

Примечания

¹ Жэньминь жибао. 18.11.2002.

² URL: <http://pandia.ru/text/77/473/31418-3.php>

³ URL: <http://www.cnecc.com/en/tabid/630/language/zh-CN/Default.aspx>

⁴ URL: <http://english.spacechina.com/n16421/n17138/n17229/c127066/content.html>

⁵ URL: <http://english.casic.cn/n189298/n189314/c190583/content.html>

⁶ URL: <http://www.defensenews.com/article/20130721/DEFPEAT07/307210012/>

⁷ URL: <http://www.cssc.net.cn/>

⁸ URL: <http://www.csic.com.cn/en/>.

⁹ URL: <http://en.norincogroup.com.cn/>

¹⁰ URL: [http://www.acronymfinder.com/China-South-Industries-Group-Corporation-\(Beijing,-China\)-\(CSIGC\).html](http://www.acronymfinder.com/China-South-Industries-Group-Corporation-(Beijing,-China)-(CSIGC).html)

¹¹ URL: <http://www.china-defense-mashup.com/defense-manufacturers-data/china-electronics-technology-group-corp-cetc>

- ¹² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Norinco>
- ¹³ Известия Госсовета КНР. 2000. № 6.
- ¹⁴ URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/12/content_50098911.htm
- ¹⁵ *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР // Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. С. 12—14, 26—27.
- ¹⁶ *Румянцев Е.Н.* Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. С. 192—194.
- ¹⁷ Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA. URL: [http://defenseLINK.mil/news/Jul 2005/d20050719_china.pdf](http://defenseLINK.mil/news/Jul%2005/d20050719_china.pdf). P.18.
- ¹⁸ Жэньминь жибао он-лайн. 30.06.2008.
- ¹⁹ *Кашин В.* Авиационная промышленность КНР переживает период радикального реформирования // Экспорт вооружений. 2010. № 3 (83).
- ²⁰ URL: http://www.uschina.org/public/china/govstructure/govstructure_part5/12.html
- ²¹ Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. URL: <http://www.defense.gov/>
- ²² URL: <http://www.cnecc.com/en/tabid/630/language/zh-CN/Default.aspx>
- ²³ *Щепин К.* Ядерная весна: Китай переживает бум атомной энергетики/ Южный Китай, Гонконг. 27.06.2014. URL: [/_south-insight.com/node/161](http://_south-insight.com/node/161).
- ²⁴ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Атомная_энергетика_Китая
- ²⁵ Жэньминь жибао. 24.07.2010.
- ²⁶ URL: <http://english.spacechina.com/n16421/n17138/n17229/c127066/content.html>
- ²⁷ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/China_Aerospace_Science_and_Industry_Corporation
- ²⁸ East Asian Strategic Review 2008. P. 24.
- ²⁹ Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. URL: <http://www.defense.gov/>
- ³⁰ Ibid.

- ³¹ Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014. URL: <http://www.defense.gov/>
- ³² Annual Report to Congress “Military and Security Developments Involving the People's Republic of China” — 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. P. 6—10; 21—25.
- ³³ U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF
- ³⁴ URL: <https://ria.ru/world/20160428/1422301100.html>
- ³⁵ URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/28/china/>
- ³⁶ URL: <https://vz.ru/world/2018/2/6/897598.print.html>
- ³⁷ URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/10/starwars/>
- ³⁸ URL: <http://ria.ru/science/20160625/1451733965.html>
- ³⁹ URL: <https://regnum.ru/news/2342372.html>
- ⁴⁰ URL: <http://www.avic.com/en/>
- ⁴¹ URL: <https://bmpd.livejournal.com/373798.html>
- ⁴² Annual Report to Congress “Military and Security Developments Involving the People's Republic of China” — 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. P. 6—10; 21—25.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF
- ⁴⁵ Синьхуа. 17.03.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1093807.shtml>
- ⁴⁶ Guoji Xianqu Daobao. 09.06.2009.
- ⁴⁷ URL: http://www.strategycenter.net/printVersion/print_pub.asp?pubID=219
- ⁴⁸ China Beefs Up Investment in Aviation Infrastructure. URL: <http://english.cri.cn/6826/2012/07/21/2724s712905.htm>
- ⁴⁹ *Сазонов С.Л., Петрунько К.А.* Стремительное развитие гражданской авиации КНР // Китай на новом этапе экономической реформы. М., 2015. С. 180—181.
- ⁵⁰ Boeing shipments to hit new high. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201412/10/t20141210_4090729.shtml

- ⁵¹ Airbus delivers 153 aircraft to China in 2014. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201501/30/t2015_0130_4473847.shtml
- ⁵² Boeing executive flies to new pastures. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-03/20/content_31846246.htm
- ⁵³ Boeing's delivery in China to set record in 2014. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201412/14/t20141214_4116946.shtml
- ⁵⁴ Wang Wen (*China Daily*). Sky's the limit for business aviation. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-05/01/content_16464658_2.htm
- ⁵⁵ First China-made regional plane to be delivered. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/0620/c98649-8743888.html>
- ⁵⁶ China Unveils Plan for Developing Defense Technologies // Xinhua News Agency. 25.05.2006; The Guidelines for the Implementation of the National Medium- and Long-Term Program for Science and Technology Development (2006—2020) // State Council. Feb. 2006.
- ⁵⁷ URL: <http://www.china-defense-mashup.com/defense-manufacturers-data/china-north-industries-group-cngc>
- ⁵⁸ URL: <http://www.csgc.com.cn/g1299.aspx>
- ⁵⁹ URL: <http://topwar.ru/5371-osnovnoi-boevoy>
- ⁶⁰ URL: <https://topwar.ru/34211-kitayskoe-tankostroenie-ot-kopirovaniya-k-originalnym-razrabotkam.html>
- ⁶¹ Зарубежное военное обозрение. 2013. № 2. С. 18—30.
- ⁶² URL: http://www.cssc.net.cn/en/component_general_situation/
- ⁶³ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/China_Shipbuilding_Industry_Corporation
- ⁶⁴ Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014. URL: <http://www.defense.gov/>
- ⁶⁵ The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2017. P. 232.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ URL: <https://ria.ru/world/20170426/1493169244.html>
- ⁶⁸ Kim Nodskov. The Long March to Power/The New Historic Mission of the PLA, 2009. P. 281.
- ⁶⁹ Жэньминь жибао он-лайн. 12.05.2016.

- ⁷⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0112/c31518-9314892.html>
- ⁷¹ Синьхуа. 03.02.2014.
- ⁷² Китай создал закрытую военную операционную систему // Материалы Интернет-сайта CyberSecurity.ru. 12.05.2009.
- ⁷³ Доклад о раз витии отраслей высоких технологий — 2009 // Академия наук Китая. Пекин, 2009 (Гао цзишу фажань баогао — 2009 / Чжунго кэсюэюань, Бейцзин, 2009. С. 3. URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/11-nauchnyh-dostizheniy-kitaya-v-2013-godu>
- ⁷⁴ URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/11-nauchnyh-dostizheniy-kitaya-v-2013-godu>
- ⁷⁵ Два китайских суперкомпьютера стали мощнейшими в мире. URL: <http://ekd.me/2017/11/dva-kitajskix-superkompyutera-stali-moshhnejshimi-v-mire/>
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ China's National Defense 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31.content_22263774.htm
- ⁷⁸ The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P.262.
- ⁷⁹ The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P.234.
- ⁸⁰ Annual Report to Congress “Military Power of the People's Republic of China 2006”/Department of Defense, USA. URL: <http://www.dod.mil/pubs/pdfs/China%20Report%202006.pdf>. P.22.
- ⁸¹ China's National Defense 2008. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm
- ⁸² URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2010-12/31/content_322237.htm
- ⁸³ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>
- ⁸⁴ «China Unveils Plan for Developing Defense Technologies». Xinhua News Agency. 25.05.2006.
- ⁸⁵ China Daily. 28.10.2015.
- ⁸⁶ URL: <http://www.fondsk.ru/news/2017/03/08/kitaj-nacelilsja-na-tehnologicheskij-proryv-43646.html>
- ⁸⁷ Китай. 2016. № 10 (132).

⁸⁸ China Brief << Volume 5, issue 6 (March 15, 2005); pubs@jamestown.org.

⁸⁹ Ministry of Commerce. Catalogue of Encouraged Foreign Investment Industries. Decree of the State Development and Reform Commission. № 57. May, 2010. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/policyrelease/announcement/200711/20071105241195.html>

⁹⁰ *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М., 2013. С. 141, 147. (*Barabanov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V.* 2013. Oboronnaya promishlennost i trgovlya vooruzheniyami KNR-M) (in Russian).

⁹¹ South China Morning Post. 13.02.2015.

⁹² Экспресс-информация №2. Перспективы развития КНР к 2030 году (научные прогнозы китайских ученых). М.: ИДВ РАН, 2012. С. 44.

⁹³ URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/12/content_50098911.htm

⁹⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0621/c31521-9231113.html>

⁹⁵ *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР // Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. С. 16–17.

⁹⁶ The Military Balance 2017. The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P. 262.

⁹⁷ U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. URL: www.defense.gov/

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Жэньминь жибао. 10.12.2017.

¹⁰⁰ The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2017. P. 260, 261.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Синьхуа. 03.11.2017.

Глава 5

ВНЕШНИЕ ВОЕННЫЕ СВЯЗИ КИТАЯ

5.1. Военная дипломатия

В начале XXI в. НОАК активно развивает военную дипломатию — внешнеполитическую деятельность мирного времени, включающую обмена и диалог с вооруженными силами иностранных государств, совместные военные учения, широкий диалог и сотрудничество в области международной безопасности¹. Термин «военная дипломатия» был использован в Белой книге «Национальная оборона Китая» 1998 г., опубликованной Госсоветом КНР. В документе было впервые отмечено, что военные контакты НОАК являются важной составной частью дипломатии страны, и Китай активно развивает военную дипломатию по широкому спектру направлений и на различных уровнях. В документе подчеркнута намерение Китая активно расширять контакты по военной линии с зарубежными государствами и участвовать в различных формах военной дипломатии. Согласно определению Университета национальной обороны НОАК, военная дипломатия осуществляется организациями и лицами, уполномоченными военными ведомствами или вооруженными силами суверенных государств взаимодействовать и участвовать в переговорных процессах с соответствующими органами других государств, групп государств или международных организаций с целью реализации национальных интересов в области безопасности в вопросах связанных с национальной обороной. Военная дипломатия представляет собой важный аспект внешней политики государства и его отношений с зарубежными странами.

Концепция военной дипломатии Китая характеризуется тремя моментами: 1) она является важным компонентом общей дипломатии государства, направленной на продвижение его национальных интересов; 2) ее главными агентами являются Министерство обороны КНР и НОАК; 3) она включает взаимодействие, переговорный процесс и совместную деятельность с иностранными военными и оборонными ведомствами, многосторонними структурами безопасности и международными организациями.

Руководство Си Цзиньпина уделяет повышенное внимание вопросам активизации военной дипломатии. Как следует из политического доклада, принятого на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.), «...Китай будет расширять сотрудничество и углублять взаимное доверие с вооруженными силами иностранных государств, участвовать в региональных и международных форумах по проблемам безопасности и таким образом играть активную роль в международной политике и в сфере безопасности»². Следует отметить, что материалы предыдущего XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.) не содержали подобных заявлений. В упомянутом докладе на XVIII съезде КПК впервые определена направленность военной дипломатии Китая и указано на важность этой сферы деятельности как компонента национальной обороны.

Военная дипломатия Китая включает различные формы. Во-первых — это обмены на персональном уровне, например, направление в свои посольства в иностранных государствах военных атташе, зарубежные визиты высокопоставленных официальных лиц из числа военных, таких как министр обороны КНР, начальник Генерального штаба НОАК, зарубежные визиты доброй воли кораблей ВМС НОАК.

Второй областью является диалог по проблеме безопасности. Китай ведет двусторонний диалог по данной проблеме со многими странами. Периодически проводятся консультации с США в рамках Соглашения по обеспечению безопасности, связанной с деятельностью военно-морских сил (Military Maritime Consultative Agreement (ММСА)), а также в рамках стратегического и экономического диалога (the Strategic and Economic Dialogue (S&ED)). Ведутся переговоры по вопросу о создании механизма морских коммуникаций с Япо-

нией. Китай участвует в Конференции о взаимодействии и мерах по созданию атмосферы доверия в Азии (Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA))³. Китай участвует в многосторонних форумах безопасности и сотрудничества АТР, таких как Совещание министров обороны АСЕАН плюс (ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus), Региональный форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum), Диалог Шангри-Ла (Shagri-La Dialogue), Международный диалог по проблемам обороны (Джакарта) (Jakarta International Defence Dialogue), Военно-морской симпозиум стран Западной части Тихого океана (Western Pacific Naval Simposium). Наряду с этим уделяется внимание развитию сотрудничества по военной линии со странами-участницами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также со странами Африки, Латинской Америки и Южной части Тихого океана⁴.

Третьей областью является сотрудничество в сфере безопасности. НОАК принимает участие совместно с другими странами в усилиях, направленных на нейтрализацию различных угроз международной безопасности. Примерами могут служить действия по поддержанию мира под эгидой ООН, антипиратские операции у побережья Сомали и в Аденском заливе, спасательные операции и операции по ликвидации последствий масштабных стихийных бедствий в зарубежных странах.

Четвертой областью является военное образование и боевая учеба войск. НОАК периодически направляет персонал на учебу в иностранных военно-учебных заведениях и принимает персонал вооруженных сил иностранных государств на учебу в Университете национальной обороны НОАК и в других военно-учебных заведениях. Кроме того, иностранному персоналу предоставляется возможность практического освоения различной военной техники, например техники разминирования. НОАК активно участвует в совместных с вооруженными силами иностранных государств военных учениях, включая двусторонние антитеррористические учения, поисковые и спасательные операции, а также многосторонние совместные военные учения и тренировки, например, антитеррористические военные учения стран-участниц ШОС.

Пятая область включает отношения с общественностью. Наряду с выпуском Белой книги «Национальная оборона Китая», содержащей общие сведения о военной политике и строительстве китайских вооруженных сил, осуществлены меры по развитию контактов со средствами массовой информации. В структуре Министерства обороны КНР учреждена должность спикера, проводятся регулярные пресс-конференции, назначены ответственные за связь с общественностью в видах вооруженных сил НОАК. Целями военной дипломатии Китая являются: во-первых, создание международного климата, способствующего продвижению национальных интересов КНР; во-вторых, улучшение международного имиджа Китая; в-третьих, повышение возможностей НОАК.

Информационная среда вокруг военного строительства Китая в целом остается недостаточно транспарентной, однако в 2013 г. Китай предпринял начальные шаги в направлении большей открытости данной сферы, впервые опубликовав сведения о численности НОАК, а также о нумерации и дислокации 18 общевойсковых армий (ОА) сухопутных войск НОАК по военным округам (ВО): Шэньянский ВО — 16, 34, 40 ОА; Пекинский ВО — 27, 38, 65 ОА; Ланьчжоуский ВО — 21, 47 ОА; Цзинаньский ВО — 20, 26, 54 ОА; Нанкинский ВО — 1, 12, 31 ОА; Гуанчжоуский ВО — 41, 42 ОА; Чэндуский ВО — 13, 14 ОА⁵. Как показал анализ, эти сведения в основном совпали с данными Лондонского института стратегических исследований (ЛИСИ) 2012 г.⁶

Военная дипломатия ныне рассматривается в Китае как деятельность стратегического уровня, направленная на создание благоприятной атмосферы в отношениях с иностранными державами. В то же время позиция по Тайваньской проблеме и территориальные претензии на море, являющиеся отражением национальных интересов Китая, также должны обеспечиваться военной дипломатией. Так, Китай рассматривает поставки вооружений США Тайваню как фактор, препятствующий развитию военных обменов Китая с США. Он прекращает диалог со странами, выдвигающими свои претензии на спорные острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, и остро критикует их позицию на многосторонних переговорах. Это

говорит о том, что Китай рассматривает военную дипломатию в качестве средства продвижения своих национальных интересов.

Командование НОАК принимает участие в подготовке и заключении межгосударственных соглашений в военной области с сопредельными странами. Примером здесь может служить соглашение 1996 г. между Китаем, Россией, Кыргызстаном и Таджикистаном (впоследствии к ним присоединился Узбекистан) об укреплении мер доверия в военной области в районе бывшей советско-китайской границы, а годом спустя — достижение договоренности о разведении войск и ненаращивании группировок вооруженных сил в пределах двухсоткилометровой зоны на всем протяжении приграничья. 2001 г. отмечен созданием Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном «Шанхайской организации сотрудничества» (ШОС)⁷ и заключением «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР» от 16 июля 2001 г.

В октябре 2009 г. состоялись переговоры заместителя председателя Центрального военного совета (ЦВС) КНР с министром обороны США Робертом Гейтсом, в результате которых стороны достигли договоренностей относительно укрепления связей и сотрудничества между армиями двух стран.

Однако на деле стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» КНР, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР. Согласно Национальной военной стратегии США (версия 2015 г.), Вашингтон был намерен осуществить «стратегический поворот» в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Планируется укреплять союзы с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, развивать сотрудничество с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией. К категории партнеров США отнесена Индия. США впервые заявили о намерении соперничать с Китаем с позиции силы под предлогом добиваться соблюдения им норм международного права по широкому кругу вопросов — от обеспечения безопасности морского пространства до торговли и соблюдения прав человека. Под пристальным контролем

США остается военной деятельностью КНР. Среди международных организаций роль ведущих партнеров США отведена НАТО и Европейскому Союзу.

США намерены в одностороннем порядке использовать военную силу «...в случае угрозы гражданам страны или стран-союзников». В этой связи заключение в 2014 г. двух соглашений между КНР и США в области военного сотрудничества, а также Договора о диалоге в военной сфере 2015 г., по нашей оценке, не может рассматриваться как надежный шаг в направлении урегулирования коренных противоречий между двумя странами в военно-стратегическом плане. Упомянутые соглашения устанавливают процедуру взаимного уведомления в случае проведения военных учений и других крупных перемещений войск и техники, а также правила поведения сторон в случае нахождения их военных судов или самолетов в непосредственной близости друг от друга.

Совместные с вооруженными силами (ВС) других стран учения НОАК, в особенности учения с развитыми в военно-техническом отношении ВС, дают возможность НОАК овладевать передовым опытом военного строительства, который используется в процессе военной модернизации и, в конечном итоге, ведет к повышению боевых возможностей НОАК.

Политика Китая в сфере развития внешних военных связей, в том числе военная дипломатия, в значительной мере определяется направленностью внешней политики страны, в основе которой лежит стратегия мирного развития, позволившая обеспечить в течение нескольких последних десятилетий стремительное «возвышение» Китая.

В этой связи можно отметить интервью министра иностранных дел КНР Ван И в Москве во время подготовки к визиту Си Цзиньпина на празднование 70-летия Великой Победы, в котором, в частности, говорится, что Китай «готов работать со странами, в число которых входит и Россия, ради выстраивания нового типа международных отношений, для которых важны сотрудничество и взаимная выгода, а не конфронтация и соперничество»⁸.

Согласно «Военной стратегии Китая 2015 г.»⁹, армия Китая поддерживает международную военную безопасность на основе разви-

тия отношений сотрудничества с армиями иностранных государств, политики неприсоединения, непротивостояния, невмешательства в военные отношения третьих стран; способствует созданию эффективных механизмов коллективной безопасности и механизмов взаимного доверия в военной сфере, активно расширяет пространство военного сотрудничества и сферу военной безопасности. Первостепенное значение придается углублению сотрудничества китайской и российской армий в рамках отношений стратегического партнерства между Китаем и Россией, расширению диалога в области обороны, укреплению доверия при обмене информацией, касающейся военной деятельности сторон, а также в случаях инцидентов на море и в воздухе. В духе политики добрососедства Китай намерен укреплять и развивать отношения по военной линии с сопредельными государствами. Наряду с этим предполагается повышать уровень межгосударственных отношений с государствами Европы, развивать традиционные военные связи с государствами Африки, Латинской Америки и южной части Тихого океана.

Сведения о совместных учениях и маневрах НОАК с ВС зарубежных стран в 2011—2012 гг. приводятся в табл. 4.

Из нее видно, что география совместных военных учений НОАК весьма обширна и охватывает множество государств мира, независимо от их положения в мировой таблице о рангах. Содержание учений отражает многообразие задач, поставленных перед НОАК — от главных функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны до борьбы с международным терроризмом, пиратством, участия в гуманитарных и спасательных операциях под эгидой ООН.

Крупным успехом китайской военной дипломатии последнего времени в региональном масштабе следует считать принятие в сентябре 2016 г. Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) заявления *о применении на территории Южно-Китайского моря Кодекса поведения при незапланированных контактах на море*. Кодекс касается кораблей военно-морских сил и военной авиации стран-участниц. Документом, который был подписан 21 государством в 2014 г., определяется порядок действий боевых единиц и групп кораблей ВМС или военных самолетов стран-участниц при

Таблица 4. Совместные учения и маневры НОАК с ВС зарубежных стран в 2011—2012 гг.

Дата	Название	Место
2011 г.		
05—30.03	Совместные учения ВВС Китая и Пакистана под кодовым названием «Орел-1»	Пакистан
08—12.03	Многосторонние военно-морские учения под кодовым названием «Мир-1»	Морская акватория в районе г. Карачи (Пакистан)
05—17.06	Совместные учения формирований спецназа Китая и Индонезии под кодовым названием «Острый меч-2011»	г. Бандунг (Индонезия)
05—15.06	Совместные учения воздушно-десантных войск Китая и Беларуси под кодовым названием «Стремительный орел-2011»	г. Барановичи (Беларусь)
14—13.11	Совместные учения подразделений спецназа Китая и Венесуэлы	Венесуэла
14—27.11	Совместные антитеррористические учения Китая и Пакистана под кодовым названием «Дружба-2011»	Район Лайхри (Пакистан)
28.11—01.12	Совместные операции Китая и Австралии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий «Дух сотрудничества-2011»	г. Дунцзяньгань, пров. Сычуань, (КНР)
2012 г.		
22—27.04	Совместные военно-морские учения Китая и России под кодовым названием «Морское взаимодействие-2012»	Акватория Желтого моря в районе г. Циндао (КНР)
11—25.05	Совместные учения морской пехоты Китая и Таиланда под кодовым названием «Синий удар-2012»	города Чжаньцзян, Шаньвэй, пров. Гуандун (КНР)
07—14.06	Совместные антитеррористические учения стран — членов ШОС под кодовым названием «Мирная миссия-2012»	г. Чорух-Дайрон (Таджикистан)

Окончание табл. 4

Дата	Название	Место
03—15.07	Совместные антитеррористические учения формирований спецназа Китая и Индонезии под кодовым названием «Острый меч-2012»	г. Цзинань, пров. Шаньдун (КНР)
17.09	Совместные учения Китая и США по антипиратской борьбе	Центральная и западная морские акватории Аденского залива
10—25.09	Совместные учения формирований спецназа Шри-Ланки и Китая под кодовым названием «Баклановый удар-2012»	Восточное побережье Шри-Ланки
29—31.10	Совместные учения по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий Китая, Австралии и Новой Зеландии «Дух сотрудничества-2012»	г. Брисбен (Австралия)
16—30.11	Совместные антитеррористические учения подразделений спецназа Китая и Иордании	г. Амман (Иордания)
26.11—7.12	Совместные учения воздушно-десантных войск Китая и Беларуси под кодовым названием «Стремительный орел-2012»	г. Сяогань, пров. Хубэй (КНР)
20.11—19.12	Совместные учения подразделений спецназа Китая и Колумбии	г. Богота (Колумбия)
29—30.11	Совместные кабинетные учения Китая и США по осуществлению гуманитарно-спасательных операций и ликвидации последствий стихийных бедствий	г. Чэнду, пров. Сычуань (КНР)

Источник: Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР, апрель 2013 г. Пекин. С. 60—61.

незапланированных встречах: порядок переговоров, используемые средства связи и частоты и т. д. В совместном заявлении АСЕАН и КНР Кодекс назван «инструментом общения, максимально повышающим уровень безопасности на море». Стороны выразили уверенность, что использование Кодекса будет способствовать повышению уровня безопасности и снижению рисков при внеплановых встречах на море, укрепит отношения добрососедства в регионе и сотрудничество военно-морских сил стран АСЕАН и КНР. В общем

итоговом документе саммита АСЕАН—Китай отражена взаимная высокая оценка роли КНР и АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе в политической и экономической сферах, подведены итоги 25-летнего диалогового сотрудничества стран АСЕАН и КНР, подтверждены планы выполнения принятых ранее программ развития сотрудничества до 2020 г. В разделе, посвященном территориальным спорам в Южно-Китайском море (ЮКМ), подчеркнута приверженность КНР и стран АСЕАН свободе судоходства и полетов в районе ЮКМ и решимость сторон исполнять в данном районе все условия международных правовых документов, касающихся судоходства, навигации и полетов авиации, участниками которых они являются¹⁰.

Все более возрастающую роль в обеспечении международной безопасности играет Шанхайская организация сотрудничества, которая продолжает укреплять свое влияние в мире. На состоявшемся в июне 2018 г. саммите ШОС в Циндао (КНР), в котором приняли участие высшие руководители Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Индии и Пакистана, Председатель КНР Си Цзиньпин в своем докладе назвал площадку ШОС универсальной, эффективной, конструктивной и «важнейшей инновацией в теории и практике международных отношений». Саммит утвердил доклад Совета Региональной антитеррористической структуры ШОС о ее деятельности в 2017 г.

По итогам саммита лидерами стран — членов организации было принято 17 документов, среди которых решение Совета глав государств — членов ШОС об утверждении плана действий на 2018—2022 гг. по реализации положений Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС и документ об утверждении Программы сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019—2021 гг.

В итоговой декларации саммита в Циндао лидеры стран — участниц ШОС подтвердили безальтернативность политического процесса в качестве пути выхода из сирийского кризиса и призвали все конфликтующие стороны предпринять шаги по выполнению договоренностей о зонах деэскалации, а также высказались за содейст-

вие переговорному процессу между США и Северной Кореей по ракетно-ядерной проблеме КНДР. Кроме того, было высказано единое мнение о необходимости урегулирования украинского кризиса политическим путем на основании Минских договоренностей. Лидеры стран ШОС призвали участников Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД) к соблюдению своих обязательств в рамках сделки для стабильности во всем мире и в регионе. Они также отметили растущую угрозу от возвращающихся иностранных боевиков-террористов, заявив, что страны ШОС будут совершенствовать механизмы обмена информацией о них и их перемещениях. Лидеры стран ШОС призвали разработать под эгидой ООН документ по борьбе с использованием информационных технологий в преступных целях. В декларации также выражена поддержка инициативы о разработке на конференции по разоружению международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма. Отмечена важность объединения усилий международного сообщества в вопросах противодействия попыткам вовлечения молодежи в деятельность террористических, сепаратистских и экстремистских группировок¹¹.

5.2. Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество

Военно-техническое сотрудничество Китая с нашей страной имеет длительную историю. Его начало относится к 1923 г., когда Сунь Ятсен, возглавлявший революционное правительство Южного Китая, впервые обратился за военной помощью к Советскому правительству, которая была удовлетворена. В Гуанчжоу была направлена группа советских военных советников во главе с В.К. Блюхером. При ее непосредственном участии закладывались основы народных революционных вооруженных сил, создана школа подготовки командного состава в Вампу, проводилось обучение и воспитание войск. Военные советники принимали участие в разработке и осуществлении Северного похода Народно-революционной армии (НРА)

Китая (1926—1927 гг.), в ходе которого были разгромлены основные силы реакционных милитаристов. В 1920-е годы военное сотрудничество включало оказание Китаю материальной помощи, поставки оружия и боеприпасов, подготовку командных кадров НРА в военно-учебных заведениях СССР.

Новый этап военного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом относится ко второй половине 30-х годов прошлого века, когда в Китае на основе союза Гоминьдана и КПК был образован единый фронт борьбы против японской агрессии. В 1938—1939 гг. СССР предоставил Китаю крупные кредиты, в счет которых осуществлялись поставки боевых самолетов, танков, стрелкового и артиллерийского вооружения, боеприпасов, горючего и другого военного имущества. Погашение кредитов предусматривалось с 1941 г. поставками китайских товаров и сырья, в том числе вольфрама, сурьмы, олова, шерсти, чая и других. К началу 1939 г. в Китае находилось 3665 советских военных специалистов, а летом 1939 г. в связи с угрозой продвижения японских войск к столице военного времени Чунцину в Китай было направлено дополнительно 400 советских летчиков, которые в течение четырех месяцев сдерживали японское наступление на Ухань¹².

В период после разгрома советскими войсками японской Квантунской армии и завершения Второй мировой войны на Дальнем Востоке военно-техническое сотрудничество Китая с Советским Союзом приобрело первостепенное значение для завоевания окончательной победы китайского народа в борьбе за национальное освобождение. По просьбе руководства КПК в его распоряжение было передано оружие и снаряжение, захваченное у японской Квантунской армии. При содействии Советского Союза было налажено промышленное производство в Маньчжурии, благодаря чему Маньчжурия стала надежным тылом, снабжавшим на протяжении гражданской войны вооруженные силы КПК¹³.

Китайский аналитик Пэн Сюньхоу (бывший научный сотрудник военно-исторического факультета Китайской академии военных наук) отмечает, что в первый период после образования в 1949 г. КНР в стране почти не было своей оборонной промышленности.

Из-за проводимой империалистическими странами политики блокады и эмбарго на поставки оружия новый Китай был лишен возможности закупать необходимую военную технику и вооружения в странах Запада. В целях укрепления государственной обороны, изменения такой ситуации, когда НОАК обладает только сухопутными войсками, улучшения оснащения армии, ЦК КПК утвердил курс на закупку военной техники и вооружений у дружественного соседа — Советского Союза, который первым признал КНР¹⁴.

В июле 1949 г. И.В. Сталин принял предложение члена Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци, находившегося в СССР с визитом, о покупке в СССР самолетов и отправке советских военных специалистов в Китай для оказания содействия в создании в течение примерно года китайских военно-воздушных сил. Стороны достигли соглашения, по которому Китай должен был в скорейшее время создать 6 авиационных школ, включая четыре школы летчиков-истребителей и две школы пилотов бомбардировщиков; подготовить за год с помощью советских специалистов 350—400 летчиков с 350—400 самолетами. Советская сторона должна была направить по 100 экспертов для каждой школы летчиков-истребителей и по 120 экспертов для каждой школы пилотов бомбардировщиков. Среди них 20 человек являлись летчиками старшего офицерского состава или преподавательского состава, остальные были сотрудниками наземной службы, преподавателями теоретических дисциплин, сотрудниками в сфере медицины и тылового обеспечения. Всего, включая экспертов, направленных в штаб ВВС НОАК, а также для оказания помощи Китаю в создании воздушно-десантных войск, Советский Союз послал в КНР 878 специалистов, из которых 159 работали в Первой авиашколе, 168 — во Второй, 123 — в Третьей, 124 — в Четвертой, 128 — в Пятой и 146 — в Шестой.

С началом Корейской войны для оказания помощи корейскому народу Китай ускорял темпы импорта вооружений из Советского союза. В 1950—1951 годах он приобрел вооружение 12 советских авиадивизий, посланных СССР для оказания содействия в создании противовоздушной обороны Китая, а также 36 торпедных катеров. До конца 1955 г. Китай импортировал в общей сложности около

800 тыс. винтовок, 11 тыс. пушек, 3000 танков и броневиков, 5000 самолетов, 200 кораблей (включая передачу технологий их производства), 1400 радиолокаторов и прожекторов, 12 тыс. единиц оборудования связи и большое количество материально-технических средств различного назначения. После 1956 г. Китай дополнительно импортировал из СССР некоторое количество военной техники и производственного оборудования в качестве образцов для копирования.

После образования в 1949 г. КНР советско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество имело своей целью коренную реорганизацию НОАК и превращение ее в современные регулярные вооруженные силы. В этот период в Китае создается широкая сеть военно-учебных заведений, где процесс подготовки военных кадров для НОАК строился с учетом советского опыта. Положительную роль в укреплении обороноспособности КНР сыграла безвозмездная передача Китаю Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний и Порт-Артура. Военное сотрудничество с Советским Союзом в тот период позволило Китаю превратить НОАК из полупартизанских формирований в регулярную армию, состоящую из видов вооруженных сил и родов войск и оснащенную современной техникой. Одновременно СССР оказал Китаю всестороннюю помощь в создании военно-экономического потенциала.

Помимо общей программы экономического сотрудничества с Китаем Советский Союз в 1950-х годах принимал участие в *создании и реконструкции военной промышленности КНР*.

Как следует из источников, оказавшихся в открытом доступе в последнее время, китайские заявки 1952—1953 гг. в адрес Советского Союза содержали просьбу о выполнении проектных работ, поставке оборудования и оказании технической помощи в строительстве 190 промышленных предприятий (в том числе 44 предприятий военной промышленности). По Соглашению от 15 мая 1953 г. Советский Союз принял на себя обязательства оказать помощь КНР по 91 промышленному предприятию, наряду с оказываемой по ранее заключенным советско-китайским соглашениям помощью в строительстве и реконструкции 50 предприятий. В число 141 предприятия входили

35 предприятий военной промышленности¹⁵. В процессе выполнения обязательств эти данные по просьбе китайской стороны неоднократно подвергались корректировке в сторону увеличения и в итоге по данному Соглашению и дополнительным документам к нему Советский Союз оказал помощь КНР в создании и реконструкции 156 промышленных предприятий, в том числе 44 предприятий военной промышленности по производству обычных (неядерных) вооружений и военной техники¹⁶. Руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН Н.Л. Мамаева отмечает, что среди исследователей имеются расхождения во мнениях относительно именно 156 объектов, однако эти расхождения невелики и не меняют сути дела¹⁷.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза О.Б. Рахманин, более 50 лет работавший на китайском направлении, в своей книге «К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке» особо выделяет советско-китайское соглашение от 15 октября 1957 г. относительно новой оборонной техники, которое предусматривало оказание Советским Союзом содействия Китаю в производстве ядерного оружия, в том числе путем предоставления образцов атомной бомбы и технической документации для ее изготовления¹⁸. Однако, следует отметить, что реализация ядерной программы в КНР началась еще в 1953 г. К разработке ядерного и ракетного вооружения были привлечены крупные силы китайских ученых, тех, кто получил знания по ядерной физике за рубежом, в частности, в советском атомном центре в Дубне, научных учреждениях Советского Союза и других стран. В Китай были приглашены также ученые-атомщики и ракетостроители из числа китайцев, проживавших в США, ФРГ, Англии, Франции, Японии, Италии, Канаде. В 1955 г. из США приехали 40 американских ученых китайского происхождения для оказания помощи в реализации китайской ядерной программы. В результате китайский ВПК получил возможность создания и освоения производства ракетно-ядерного оружия. 16 октября 1964 г. на атомном полигоне в районе озера Лобнор было проведено первое испытание ядерного устройства мощностью 20 кт, а во второй половине 1960-х гг. начались испытания ракет-носителей¹⁹.

За период с 1949 по 1969 г. (в 1969 г. военные связи между двумя странами вследствие известного ухудшения межгосударственных отношений были приостановлены) Советским Союзом было поставлено Китаю вооружений и военной техники на общую сумму около 4,1 млрд долл., командировано в Китай более 5 тыс. военных советников и специалистов; в советских военно-учебных заведениях было подготовлено 1578 китайских военных специалистов. В 1951—1960 гг. КНР было оказано техническое содействие в создании и оборудовании объектов военного назначения на сумму 439,3 млн долл. При этом в 1949—1962 гг. Китаю было передано безвозмездно 650 лицензий на производство вооружения и военной техники.

Значение, которое имело для Китая советско-китайское военное-техническое сотрудничество, можно проследить на примере поставок советских зенитных ракетных комплексов (ЗРК) СА-75 «Двина». В октябре 1957 г. в Москве состоялось советско-китайское совещание по вопросам военно-технического сотрудничества, по итогам которого было подписано соглашение о передаче КНР лицензий на производство различных видов ракетного оружия, технической документации, а также ряда новейших оборонных технологий. Кроме того, были начаты поставки в КНР некоторых видов ракетного оружия, в том числе авиационных, тактических и зенитных ракет. Роль последних особенно возросла в связи с разразившимся в конце августа 1958 г. тайваньским кризисом. В те годы масштабные поставки американского оружия привели к значительному усилению тайваньских вооруженных сил. Авиация Тайваня получила несколько высотных самолетов-разведчиков РБ-57Д (вскоре и Локхид У-2), характеристики которых значительно превосходили возможности, которыми обладали китайские средства ПВО. В этой обстановке китайское руководство обратилось к СССР с просьбой о поставке в КНР нескольких новейших зенитных ракетных комплексов СА-75 «Двина». Весной 1959 г. в КНР были доставлены пять огневых и один технический дивизион ЗРК СА-75, включая 62 зенитные ракеты 11Д, а к боевой работе были подготовлены первые боевые расчеты, состоявшие из китайских военнослужащих. Для обслуживания этих комплексов в Китай была направлена группа советских специалистов,

с участием которых 7 октября 1959 г. в районе Пекина был впервые сбит тайваньский самолет-разведчик РБ-57Д. Высокие боевые качества советского ракетного оружия побудили китайское руководство приобрести лицензию на производство комплексов СА-75. В начале 1960-х годов в КНР было освоено лицензионное производство ЗРК СА-75, получившего китайское обозначение «Хунци-1» (HQ-1). Позднее на его основе в КНР был создан более совершенный ЗРК «Хунци-2» (HQ-2), который в 1967 г. был принят на вооружение и впоследствии модернизирован с учетом опыта войны США против Вьетнама. Новая версия ЗРК, которая была принята на вооружение в 1978 г., получила наименование «Хунци-2А» (HQ-2А). Темп производства различных вариантов ЗРК «Хунци-2» (HQ-2) в 1980-х годах достигал около 100 комплексов в год, что позволило оснастить ими около 100 зенитных ракетных дивизионов, составлявших в те годы основу системы противовоздушной обороны Китая. Таким образом, поставки советских ЗРК не только послужили решению наиболее актуальных задач ПВО, но и стали основой для создания в КНР своими силами современной системы противовоздушной обороны, выполняющей свои задачи на протяжении десятилетий.

Возобновление военно-технического сотрудничества в начале 1990-х годов проходило в условиях хаоса приватизации и непрофессионализма в российской политике, когда часть технологических линий и некоторые образцы вооружений и военной техники продавались российскими приватизаторами по бросовым ценам. Однако к середине 1990-х годов политика России в области военного и военно-технического сотрудничества с Китаем увязывается с решением политических вопросов военной безопасности²⁰, что нашло свое выражение в заключении между двумя странами ряда важнейших соглашений, *образующих уникальную систему мер доверия*. Эти меры включают взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе. Пятисторонние соглашения между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем о мерах доверия в районе государственной

границы (1996 г.) и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе государственной границы (1997 г.) являются беспрецедентными. Первое из них предусматривает «...неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил, для нападения на другую сторону». Вторым соглашением установлены предельные уровни численности личного состава и количества вооружений и боевой техники каждой из сторон в 100-километровой приграничной полосе²¹.

Исследуемая область основывается на положениях российско-китайского межправительственного Соглашения о военно-техническом сотрудничестве, подписанного 24 ноября 1992 г. и Меморандуме о понимании между правительствами России и КНР о военно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. Была образована российско-китайская комиссия по военно-техническому сотрудничеству, которая собирается один раз в год поочередно в Москве и Пекине.

Важный шаг на пути развития двусторонних военных отношений России и Китая был сделан 11 ноября 1993 г., когда было заключено Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран и установлены прямые связи между Вооруженными силами России и Народно-освободительной армией Китая.

Ныне военное сотрудничество между нашими странами развивается на основе принципа паритетности. Со стороны России оно осуществляется в соответствии с ежегодными планами мероприятий Минобороны по развитию связей с армиями зарубежных государств. Общее количество мероприятий, посвященных обсуждению важнейших тем российско-китайского военного сотрудничества, ныне составляет от 30 до 35 в год.

Важным шагом в укреплении мер доверия в российско-китайских отношениях, в том числе, в военной области, стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с Договором Россия и Китай под-

твердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (ст. 2), а также осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений (ст. 7). В этих условиях военно-техническое сотрудничество между двумя странами приобрело устойчивую тенденцию к расширению и углублению взаимодействия. Ныне оно охватывает такие области, как военная наука, обмен информацией, космос, связь, тыловое обеспечение, поставка Китаю российских вооружений, подготовка в России китайских военных кадров и другие.

Для России последовательное продолжение не направленного против третьих государств военно-технического сотрудничества с Китаем стало важным шагом по наполнению практическим содержанием основных положений Договора. Кроме того, в условиях ограниченного оборонного заказа для российской армии оно способствовало сохранению потенциала российского оборонно-промышленного комплекса, что отвечает интересам национальной безопасности России.

В 1990-е годы объемы закупок КНР российских вооружений и военной техники, а также лицензий на их производство составляли в среднем около 1 млрд долл. в год. В 2004 г. общий объем закупок с учетом реализованных и выполняющихся контрактов превысил 2 млрд долл.²²

По неполным данным, за период с 1992 по 2002 г. Китаем были закуплены: *для сухопутных войск*: партия управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М» (1000 шт.); *для военно-воздушных сил*: 76 истребителей Су-27, 76 многоцелевых истребителей Су-30МКК, 1200 ракет «воздух—воздух» малой дальности, 300 авиационных двигателей АЛ-31ФН (для истребителя «Цзянь-10» китайской разработки), зенитные ракетные системы большой дальности С-300П/МПУ-1, С-300П/ПМХ-2, зенитные ракетные системы малой дальности «Тор-М1»; *для военно-морских сил*: 12 дизель-электрических подводных лодок (в том числе проекта 877ЭКМ — 2 единицы, проекта 636 — 10 единиц), 4 эскадренных миноносца типа «Со-

временный», 28 морских многоцелевых истребителей Су-30МК2, партия крылатых ракет ЗМ-80Э «Москит» (для ЭМ типа «Современный»). Кроме того, Китай приобрел лицензии на производство 200 истребителей Су-27 и управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М»²³. В конце 2005 г. заключен крупный контракт на поставку в 2006—2010 гг. из России в Китай 38 самолетов Ил-76МД и Ил-78МК, а также 240 авиационных двигателей к ним²⁴.

Эти закупки позволили Китаю приступить к переоснащению военно-воздушных сил, военно-морского флота, сил противовоздушной обороны, а также к модернизации военно-промышленного комплекса с конечной целью повышения оборонного потенциала в новых исторических условиях, характеризующихся возрастающим значением в возможной войне высоких технологий.

С 2010 г. между министерствами обороны двух стран действует прямая телефонная связь, что подчеркивает растущий уровень китайско-российских военных отношений. Увеличивается количество взаимных визитов военачальников, генеральные штабы периодически проводят стратегические обсуждения эффективности практических дел. Тесно взаимодействуют пограничные войска. Китайско-российская граница, по словам министра обороны КНР Лян Гуанле, стала районом дружбы и процветания наших народов. Проводятся инспекции на территории приграничных военных округов и совместные радиотренировки по предотвращению опасной военной деятельности на территории Восточного (РФ) и Пекинского военных округов вблизи общей границы. В них принимают участие подразделения сухопутных и пограничных войск, авиации, сил и средств ПВО.

Укрепляются непосредственные связи между видами вооруженных сил, военными вузами, контакты в области культуры и отдыха. Расширяется обмен военными делегациями, взаимными визитами боевых кораблей.

В ходе контактов на высшем уровне стороны неоднократно выражали удовлетворение ходом военно-технического сотрудничества и отмечали, что оно носит развитый характер и полностью отвечает сложившимся между двумя странами отношениям стратегического партнерства²⁵.

Ныне российско-китайское военно-техническое сотрудничество осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам, подписанной Председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом РФ Д.А. Медведевым в мае 2008 г. в Пекине. По оценке видного российского ученого, вице-президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, российско-китайское военно-техническое сотрудничество как стержень стратегического партнерства двух соседних держав мирового уровня стабилизирует глобальную ситуацию, ибо намечает перспективу многополярного мира²⁶.

Одним из направлений сотрудничества является подготовка военнослужащих НОАК в России. В российских военно-учебных заведениях, включая Военную академию Генерального штаба ВС РФ, на регулярной основе обучаются свыше 100 китайских военнослужащих. Кроме того, регулярно, под выполнение контрактов на поставку вооружений и военной техники, в российских учебных центрах проходят подготовку экипажи кораблей и подводных лодок, самолетов, расчеты систем ПВО и др.²⁷ Отдельно следует отметить также подготовку в 1990-х годах авиаконструкторов, инженеров и технических специалистов китайского ВПК в Сибирском НИИА им. С.А. Чаплыгина (г. Новосибирск) по проблемам проектирования боевой авиации.

Вместе с тем, начиная с 2006 г. военно-техническое сотрудничество двух стран столкнулось с рядом проблем и приобрело тенденцию к сокращению. Прежде всего, сильно сократилась номенклатура военной техники, импортируемой Китаем. В 1992—2006 гг. почти половина экспорта российского вооружения шла в Китай. В 2007 г. произошли изменения — 28 % экспорта вооружений пришлось на Индию, а 21 % — на Китай; новые контракты, заключенные с Китаем, составили лишь 6 %. Одна из причин такого спада состоит в том, что за 10 с лишним лет до этого Китай уже закупил крупные партии российских вооружений и по некоторым позициям достиг насыщения ими. Но это связано также с тем, что качество поставлявшихся

из России вооружений оставляло желать лучшего: это были образцы, созданные еще в советские времена. Китай же заинтересован в получении более современных систем. Кроме того, в связи с ростом технологических возможностей китайского ВПК требования КНР к закупаемой военной технике также повысились.

Среди других проблем — поставленный Пекином вопрос о повышении технологического уровня предлагаемой Китаю военно-технической продукции, а также поставленный со стороны Москвы вопрос о защите прав на российскую интеллектуальную собственность²⁸. Эти проблемы рассматривались на 13-м заседании российско-китайской смешанной межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, состоявшемся в декабре 2008 г. в Пекине, которое завершилось подписанием двух документов, в том числе Соглашения об охране интеллектуальной собственности²⁹. Тем не менее, безлицензионное копирование китайцами российской военной техники не прекратилось, о чем свидетельствуют ставшие известными в конце 2009 г. факты производства палубного истребителя «Цзянь-15» (J-15), являющегося копией российского самолета Су-33, а также выпуска второй партии истребителя «Цзянь-11В» (J-11В) — аналога Су-27³⁰.

Возникли проблемы и в области совместных разработок вооружений, что особо проявилось в том, что Китай не получил предложения России на участие в разработке истребителя пятого поколения, тогда как Индия получила официальное приглашение. По мнению китайских аналитиков, это было вызвано тем, что в России по этому вопросу возникли разногласия. Российские военно-промышленные предприятия и конструкторские бюро выступали за участие Китая, поскольку у него вполне достаточная финансовая, кадровая и военно-техническая база. Однако часть российских военных рассматривает Китай как потенциальную угрозу России и настроена против передачи ему новейших вооружений. По нашей оценке, одной из причин взаимного недоверия мог явиться выход Китая в одностороннем порядке из лицензионного соглашения 1995 г. на сборку 200 истребителей Су-27СК и срыв российской стороной сроков вы-

полнения контракта 2005 г. на поставку в Китай самолетов Ил-76МД и Ил-78МК³¹.

Согласно оценкам китайских аналитиков, в обозримой перспективе заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией будет сохраняться по ряду причин военно-политического характера. В процессе дальнейшего подъема Китай определенно будет сталкиваться с растущим давлением и вызовами со стороны США и стран Запада, которые все большее внимание будут уделять внутривнутриполитическим и экономическим проблемам КНР (открытость китайского рынка, обменный курс юаня, энергетические проблемы), возможному столкновению глобальных финансово-экономических интересов в связи с подъемом совокупной мощи Китая, расширению его влияния в мире и т. д. Для противодействия этому давлению Китай, наряду с использованием экономических связей с США, должен развивать стратегическое партнерство и взаимодействие с Россией и, в особенности, углублять военно-техническое сотрудничество³².

В Китае полагают, что важным фактором преодоления явлений застоя в китайско-российском военно-техническом сотрудничестве (для полного развития его потенциала) является решение проблемы «китайской угрозы», по-прежнему частично существующей в России и распространяемой многими западными и российскими специалистами по международным вопросам. Однако следует отметить, что наряду с этим сохранению данной проблемы в России способствуют существующие в самом Китае различия во взглядах по принципиальным вопросам, касающимся военной безопасности. Так, согласно официальным заявлениям, военная политика КНР имеет оборонительный характер³³, в то время как в китайской печати на неофициальном уровне по существу ведется пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественные потребности в расширении территории и доступе к мировым ресурсам любыми средствами, и обосновывается правомерность использования для решения этой задачи вооруженных сил³⁴. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит си-

лам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, в том числе сложившегося в отношениях между Россией и Китаем в конце XX — начале XXI вв.

Не способствуют укреплению межгосударственного доверия отдельные некорректные утверждения современных китайских авторов, например, проректора и заместителя секретаря парткома АОН КНР Ли Шэньмина, о якобы имевших место агрессивных намерениях Советского Союза в отношении Китая в 1950—1960-е годы³⁵.

В этой связи заслуживает внимания мнение китайского аналитика Ли Чэнхуна о том, что укреплению межгосударственного доверия между нашими странами могло бы способствовать развитие процесса более тесной экономической интеграции двух стран, активизация научного обмена и общего научно-технического сотрудничества для «перелива» его достижений в военно-техническую сферу. Высказывается предложение о необходимости наращивания динамики и масштабов сотрудничества с Россией Китайского фонда естественных наук в направлении реализации крупных долгосрочных проектов, требующих больших объемов инвестиций. Такое сотрудничество, по мнению Ли Чэнхуна, создало бы благоприятные условия и для военно-технической сферы³⁶.

Намерение сторон расширить научно-техническое сотрудничество нашло отражение в ряде документов, подписанных во время 13-й регулярной встречи глав правительств двух стран, состоявшейся в 2008 г. в Москве. В их числе:

- соглашение между Государственной корпорацией «Российская корпорация нанотехнологий» и Министерством науки и техники КНР о создании союза стратегического сотрудничества по нанотехнологиям;
- меморандум между Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и Китайской государственной корпорацией ядерной промышленности о сотрудничестве в сооружении в Китае двух блоков проекта расширения Тяньваньской АЭС и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах коммерческого назначения;

- протокол о намерениях между ОАО «Вертолеты России» и Китайской компанией по экспорту и импорту авиационных технологий о поставке в Китай гражданских вертолетов;
- меморандум о взаимопонимании между ОАО «Вертолеты России» и Вертолетной компанией «АВИКоптер» относительно совместной разработки гражданского тяжелого вертолета.

Стороны подтвердили намерение углублять сотрудничество в энергетической сфере по таким направлениям, как сооружение второй очереди Тяньваньской АЭС и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах, строительство завода по обогащению урана, разведка урановых месторождений, изготовление топлива для АЭС и реакторов на быстрых нейтронах, переработка отработавшего ядерного топлива и обращение с радиоактивными отходами.

Как было отмечено в заявлении по итогам встречи глав правительств двух стран 2008 г., в сфере научно-технического сотрудничества Россия и Китай намерены с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники двух стран реализовывать *совместные проекты с наибольшим инновационным потенциалом и коммерческими перспективами; в их числе такие перспективные сферы как нанотехнологии, авиастроение, энергетика, информационно-коммуникационные технологии, энергосбережение, экология, рациональное природопользование*³⁷.

В ходе заседаний российско-китайской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству стороны анализируют состояние и перспективы данной сферы, намечают пути решения возникающих проблем. Так, в ходе очередного 15-го заседания, состоявшегося *в ноябре 2010 г. в Пекине, стороны отметили конкретные положительные результаты совместной деятельности за прошедший год и наметили перспективы дальнейшего сотрудничества*. Предполагается реализация контрактов на поставку запасных частей к системам ПВО, авиационной и военно-морской технике, а также разработка продукции военного назначения в интересах китайской стороны в рамках опытно-конструкторских работ. Одновременно сохраняются возможности для сотрудничества в сферах, касающихся боевой и военно-транспортной авиации, военно-морской техники,

систем ПВО и послепродажного обслуживания техники российского производства, находящейся на вооружении НОАК³⁸.

В ноябре 2010 г. Китай заявил о намерении закупить новую партию российских вооружений: палубные истребители Су-33 (в рамках реализации программы строительства и оснащения авианосцев); военно-транспортные самолеты Ил-476, самолеты-заправщики Ил-478, ЗРС С-400, двигатели для истребителей трех типов — «Цзянь-11В» (J-11В), «Цзянь-10» (J-10) и FC-1, а также для истребителей Су-35³⁹.

В целом российский экспорт в Китай сохраняет хорошие перспективы, однако требует учета возрастающих возможностей китайского ВПК, диверсификации форм сотрудничества, а также постоянного контроля за соблюдением китайской стороной Соглашения об охране российской интеллектуальной собственности.

В китайском импорте из России после спада в 2005—2011 гг., связанного с попытками Китая наладить производство вооружений и их компонентов своими силами, в последние годы отмечено *возобновление тенденции* к закупкам крупных партий российской техники. В 2011—2012 гг. закуплено: 140 двигателей АЛ-31ФН для истребителя «Цзянь-10» (J-10), 100 двигателей РД-93 для истребителя FC-1, 184 двигателя Д-30КП-2 для военно-транспортного самолета Ил-76 и модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6К). В начале 2013 г. достигнуто соглашение о закупке 24 новых российских истребителей Су-35 с поставкой в 2015—2016 гг.⁴⁰ Китай сохраняет заинтересованность в закупках в России авиационных двигателей, палубных истребителей Су-33, военно-транспортных самолетов Ил-76, зенитных ракетных систем С-400, дизель-электрических подводных лодок проекта 677 («Амур»).

Известны следующие крупные проекты закупки российской военной техники, находящиеся в различных стадиях обсуждения:

- закупка КНР четырех подводных лодок модифицированного проекта 677Э («Амур-1650»). Инициатива в данном вопросе исходила от китайской стороны и была связана, предположительно, с ухудшившимися отношениями с Японией;

- обсуждался вопрос возобновления сорванного по вине российской стороны контракта на поставку Китаю 34 военно-транспортных самолетов Ил-76. Производство модифицированной версии самолета Ил-76МД-90А к настоящему времени восстанавливается в Ульяновске и, согласно заявлениям российских официальных лиц, поставка возможна, начиная с 2017 г.

Возможно также обсуждение ряда тем, касающихся совместных НИОКР⁴¹.

Китай сохраняет заинтересованность в продолжении закупок российской военной техники: в дополнение к ранее закупленным зенитным ракетным системам С-300 ПМУ-2 «Фаворит» (28 дивизионов)⁴² в апреле 2015 г. подписан контракт на закупку партии зенитных ракетных систем С-400 «Триумф» (четыре дивизиона)⁴³. Кроме того, в ноябре 2015 г. заключен контракт на закупку 24 многоцелевых истребителей Су-35 на сумму около 2 млрд долл.⁴⁴

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество сохраняет хорошие перспективы и, что очень важно, *обеими сторонами накоплен положительный опыт взаимодействия в различных областях*. На нынешнем этапе в дополнение к поставкам Китаю партий российских вооружений и военной техники и их лицензионному производству для России открываются новые возможности в виде технического обслуживания, ремонта и модернизации поставленной техники, а также — совместной разработки новых образцов. Вместе с тем, продолжение сотрудничества требует от обеих сторон усилий по разрешению возникающих проблем на взаимоприемлемых условиях.

Важным фактором укрепления мер доверия в военной области стало российско-китайское *военное сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)*, играющей все более возрастающую роль в укреплении безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе, противодействии новым вызовам и угрозам безопасности.

В начале века военное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой во-

просов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

Начиная с 2005 г., в рамках ШОС регулярно проводятся совместные антитеррористические военные учения стран-участниц организации «Мирная миссия». Цель военных учений в рамках ШОС состоит во взаимном обмене и заимствовании опыта в сфере военной подготовки и теории по борьбе с терроризмом; в совершенствовании взаимодействия армий двух стран и механизма управления войсками; в повышении возможностей проведения совместных антитеррористических операций, повышении уровня эффективности реагирования на новые вызовы и новые угрозы, с которыми сталкивается система международной региональной безопасности; в совместном нанесении ударов по международному терроризму, экстремизму и сепаратизму и в поддержании мира и стабильности в регионе.

Главным результатом учений становится сближение стран-участниц во взглядах, формах и способах обеспечения безопасности в регионе с помощью вооруженных сил. Одновременно отрабатывается оперативная совместимость войск и штабов. Совместное применение войск дает возможность оказать поддержку в случае необходимости любой стране ШОС, нуждающейся в этом. Как отмечает А.В. Болятко, хотя все совместные военные учения ШОС имеют ярко выраженный антитеррористический характер, подобные мероприятия позволяют совершенствовать взаимодействие и управление военными группировками стран-участниц Организации. А это в конечном итоге демонстрирует готовность к своевременной трансформации для отражения не только террористической, но и любой другой угрозы. Налаживание многостороннего военного сотрудничества в регионе вполне отвечает и политическим целям ведущих стран-членов ШОС, заинтересованных в ограничении влияния вне-региональных сил в Центральной Азии⁴⁵. По мнению А.Ф. Клименко, значение совместных международных военных учений «Мирная миссия» в контексте борьбы с международным терроризмом возрастает в связи с предстоящим выводом войск западной коалиции из Афганистана и возможной дестабилизацией военно-политической

обстановки в этой стране, в Пакистане и у наших ближайших соседей — в государствах Центральной Азии⁴⁶.

С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами—членами ШОС о проведении совместных военных учений создана правовая база для их подготовки и проведения в дальнейшем на регулярной основе. На состоявшемся в 2008 г. совещании министров обороны государств — членов ШОС участники совещания подтвердили, что, осуществляя сотрудничество оборонных ведомств, государства — члены ШОС руководствуются целями и принципами Устава ООН, Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г., положениями Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС, подписанного 16 августа 2007 г. в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Было подчеркнуто, что деятельность государств — членов ШОС в военной области не предусматривает создания военно-политического союза и не направлена против третьих стран. Министры высказали единое мнение относительно безальтернативности формирования многополюсной модели мира с опорой на сложившуюся систему международного права⁴⁷.

В 2014—2015 гг. вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и в многосторонних, в рамках ШОС, военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе. Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран — участниц ШОС «Мирная миссия 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран — членов организации⁴⁸.

Начиная с 2012 г. ежегодно проводятся китайско-российские военно-морские учения «Морское взаимодействие», цель которых заключается в отработке взаимодействия флотов обеих стран при решении общих боевых задач в различных районах мирового океана. В 2012 г. они прошли в акватории Желтого моря вблизи Циндао, в

2013 г. — в акватории Японского моря вблизи Владивостока, в 2014 г. — в акватории Восточно-Китайского моря к востоку от устья реки Янцзы. В 2015 г. учения проводились в два этапа: первый этап прошел в Средиземном море, второй — в акватории Японского моря вблизи Владивостока.

В мае 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря проведено учение отрядов кораблей из состава ВМС НОАК и ВМФ России «Морское взаимодействие—2014». На церемонии открытия учений присутствовали главы двух государств — Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин. Активная фаза включала отработку совместных действий по обороне кораблей на якорной стоянке, освобождению захваченных пиратами торговых судов, организации совместной ПВО. Кроме того, были проведены противолодочные и поисково-спасательные операции, ракетные и артиллерийские стрельбы по морским и береговым целям⁴⁹.

В мае 2015 г. в Средиземном море были проведены российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2015» с участием до десяти кораблей различных классов из состава ВМФ России и ВМС НОАК. В ходе учений проводилась отработка совместных действий по охране безопасности судоходства в мировом океане⁵⁰.

В 2016—2018 гг. *российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество продолжалось*. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и в многосторонних, в рамках ШОС, военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении угроз на суше, на море, в воздушно-космическом пространстве.

В сентябре 2016 г. на полигоне «Эдельвейс» (Киргизия) проведены совместные военные учения стран ШОС «Мирная миссия—2016», в которых приняли участие формирования вооруженных сил Китая, России, Киргизии, Казахстана и Таджикистана. В ходе учений проводилась отработка совместных действий при проведении антитеррористической операции по отражению нападения отрядов незаконных вооруженных формирований на населенный пункт в Киргизии. Активная фаза учений прошла с 15 по 21 сентября в при-

брежной зоне озера Иссык-Куль. По оценке Генеральных штабов вооруженных сил России и Киргизии, учения показали возросший уровень боевой подготовки личного состава и способность решать общими усилиями ответственные задачи в сложной обстановке, в том числе в горных условиях⁵¹.

В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море в районе к югу от пров. Гуандун состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие—2016», в которых были задействованы надводные боевые корабли, подводные лодки, самолеты, корабельные вертолеты и боевые амфибии морской пехоты флотов двух стран. Во время учений в условиях, приближенных к боевым, проводилась отработка совместных действий по борьбе с кораблями условного противника и применением ракетного, артиллерийского и торпедного оружия, противовоздушной и противолодочной обороне, высадке морского и воздушного десанта на необорудованное побережье в пров. Гуандун и освобождению опорного пункта, захваченного условными террористами. Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в непризнании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря⁵².

Ныне совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г., в соответствии с решением глав военных ведомств РФ и КНР, в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность—2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей стороной или внешней террористической организацией. Целью учений были согласование подходов и определение принципов взаимодействия при решении задач противовоздушной и противоракетной обороны, отработка вопросов организации совместных действий по отражению возможной угрозы, а также определение направлений дальнейшего сотрудничества в данной области. Поставленные на учении цели были достигнуты в полном объеме. Учение не было направлено про-

тив какой-либо третьей стороны⁵³. Вторые совместные двухсторонние компьютерные командно-штабные учения (ККШУ) России и Китая «Воздушно-космическая безопасность — 2017» проведены в период с 11 по 16 декабря 2017 г. в НИИ ПВО и ПРО академии ВВС НОАК (Пекин)⁵⁴.

В декабре 2017 г. в г. Иньчуане (КНР, Нинся-Хуэйский АР) проведены первые совместные антитеррористические учения сводной группы сил спецназа Росгвардии и Народной вооруженной полиции (НВП) Китая «Сотрудничество—2017»⁵⁵.

В сентябре 2018 г. Китай принял участие в крупнейших со времен маневров «Запад-81» военно-стратегических учениях Вооруженных сил РФ «Восток — 2018», в которых были задействованы Восточный и Центральный военные округа, Северный флот, воздушно-десантные войска, дальняя и военно-транспортная авиация РФ. По заявлению министра обороны РФ С.К. Шойгу, учения явились крупнейшим мероприятием по подготовке Вооруженных сил, которое приобрело статус международных учений, имело беспрецедентные масштабы как по пространственному размаху, так и по численности привлекаемых органов военного управления, войск и сил. Активная фаза маневров, к которым с российской стороны привлекались около 300 тыс. человек личного состава, более 1000 самолётов, вертолётов и беспилотных летательных аппаратов, до 80 кораблей и судов обеспечения, до 36 тыс. танков, бронетранспортёров и других машин, проводилась на полигонах Центрального и Восточного военных округов с 11 по 17 сентября.

С китайской стороны в учениях приняли участие свыше 3200 человек личного состава НОАК, 900 единиц различных типов вооружений, около 30 летательных аппаратов. Российско-китайские совместные действия проводились на полигоне Цугол в Забайкальском крае, площадь которого — 431,5 тыс. кв. км. Согласно заявлению Минобороны КНР, накануне учений «Восток-2018» главной целью участия китайских войск является «развитие российско-китайских отношений всестороннего стратегического партнерства и взаимодействия». Речь идет об углублении практического сотрудничества между вооруженными силами двух стран. В последние годы дружест-

венное взаимодействие вооруженных сил КНР и РФ в разных регионах планеты становится систематическим. Ранее российские и китайские военные моряки убедительно продемонстрировали это в Средиземном, Японском, Южно-Китайском и Балтийском морях⁵⁶.

Военно-техническое сотрудничество между РФ и КНР продолжает успешно развиваться и сохраняет свое значение для модернизации китайских вооруженных сил.

По заявлению заместителя директора российской Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) В. Дрожжова, во время проведения авиасалона в г. Чжухае (пров. Гуандун, КНР) в ноябре 2016 г. объем действующих контрактов с Китаем в сфере военно-технического сотрудничества превысил 8 млрд долл. При этом в стадии переговоров находился ряд новых соглашений. Таким образом, на КНР приходилось более 15 % портфеля заказов «Рособоронэкспорта», составлявшего по состоянию на октябрь 2016 г. 52 млрд долл.

В 2016—2017 гг. осуществлялась реализация двух контрактов на поставку российской военной техники в Китай 24 истребителей Су-35 поколения «4++» (заключен осенью 2015 г.) и четырех дивизионов зенитных ракетных систем С-400 (заключен осенью 2014 г.). Первая партия из четырех самолетов Су-35 была передана китайскому заказчику в конце 2016 г.. Начало поставок С-400 было запланировано на конец 2017 г.

Несмотря на существенные успехи Китая в авиационном двигателестроении, Россия продолжает оставаться важным поставщиком авиационных двигателей в КНР. В октябре 2016 г. российской Объединенной авиадвигательной корпорацией заключен контракт на поставку в Китай двигателей Д-30 и АЛ-31Ф, необходимых для производства тяжелых транспортных самолетов «Юнь-20» (Y-20) и стратегического бомбардировщика «Хун-6К» (H-6K); сумма контракта — около 1 млрд долл.

По мнению российских аналитиков, для углубления российско-китайского военно-технического сотрудничества сторонам следует перейти к разработке совместных долгосрочных планов развития военных технологий, которые были бы ответом на аналогичные

долгосрочные программы, разрабатываемые в США («Третья стратегия компенсации», «Оборонная инновационная инициатива» и т. п.). Необходимо сформировать постоянные механизмы сотрудничества по важнейшим прорывным направлениям науки и техники, исходя из анализа сильных и слабых сторон российской и китайской промышленности. Экономическая логика при этом не может целиком доминировать, поскольку сотрудничество необходимо для обеспечения национальной безопасности каждой из сторон перед лицом новых угроз и растущего давления извне⁵⁷.

В то же время, для дальнейшего развития и укрепления российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества, обеим сторонам *следует активно и последовательно работать над углублением стратегического доверия*. Этому может способствовать развитие процесса более тесного экономического и научно-технического сотрудничества двух стран, активизация гуманитарного обмена, что потребует длительного времени и немалых усилий обеих сторон.

С нашей точки зрения, которая разделяется и китайской стороной, наличие нерешенных вопросов и расхождений во взглядах — естественный и нормальный процесс, который лишь свидетельствует о живом и здоровом характере наших отношений. Важно, однако, вовремя замечать эти проблемы и принимать эффективные меры к их решению. При этом обе стороны могут использовать накопленный в последние десятилетия богатый позитивный опыт взаимодействия.

Примечания

- ¹ NIDS China Security Report 2014/National Institute for Defense Studies, Japan.
- ² Ibid.
- ³ Ibid.
- ⁴ China Daily. 27.05.2015.
- ⁵ Белая книга «Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая» 2013. URL: russian.china.org.cn (17.04.2013).

⁶ The Military Balance 2012. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2012. P. 233—242.

⁷ Чжунго гофан. «Белая книга КНР по вопросам национальной обороны» — 2002; Жэньминь жибао. 10.12.2002.

⁸ *Виноградов А.О.* Новый тип отношений и новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 71.

⁹ Военная стратегия Китая // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, Пекин, май 2015. С. 32—35.

¹⁰ URL: <https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html>

¹¹ URL: <https://ria.ru/world/20180610/1522486787.html>

¹² *Сладковский М.И.* Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978. С. 88—89.

¹³ *Бутурлинов В.Ф.* Вооруженные силы Китая. История и современность. Институт военной истории (ИВИ) МО СССР. М., 1989. С. 153.

¹⁴ *Пэн Сюньхоу.* О военных обменах между Китаем и Россией (бывшим СССР) (1949—2009 гг.). URL: russian.china.org.cn (17.08.2009).

¹⁵ Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов: В 2 т. / под ред. В.С. Мясникова. Т. 2: Друг и союзник нового Китая. М., 2010. URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/china/t2/spravka-gosplana.php>

¹⁶ *Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л.* Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М., 2018. С. 569—571, 578—581.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ *Рахманин О.Б.* К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М., 2000. С. 17.

¹⁹ *Бутурлинов В.Ф.* Вооруженные силы Китая. История и современность. Институт военной истории (ИВИ) МО СССР. М., 1989. С. 153, 154.

²⁰ *Ивашев Л.Г.* Россия—Китай: перспективы военно-технического сотрудничества. URL: www.fondsk.ru (09.03.2006).

²¹ Карасин Г. Россия — Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 26.

²² ИТАР—ТАС. 12.12.2004.

²³ Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992—2002 годах: достижения, тенденции, перспективы». М., 2002. С. 40—47.

²⁴ URL: <http://saint-petersburg.ru/show/153004>

²⁵ ИТАР—ТАСС АТЛАС. 14.12.2004.

²⁶ Ивашов Л.Г. Россия—Китай: перспективы военно-технического сотрудничества. URL: www.fondsk.ru (09.03.2006).

²⁷ Там же.

²⁸ ИТАР—ТАС. 23.05.2008.

²⁹ URL: <http://www.govoritmoskva.ru/russia/081211112434.html>

³⁰ URL: <http://periscope2.ru> URL: <http://periscope2.ru>

³¹ Ли Чэнхун (Педагогический университет Восточного Китая) // Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: состояние дел, проблемы и контрмеры // Элосы яньцзю. 2009. № 1. С. 87—116.

³² Ibid.

³³ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm

³⁴ Галенович Ю.М. «О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. С. 61, 95, 98, 99.

³⁵ Ли Шэньмин. Международная стратегия Китая в глобальном контексте («Цюаньцюхуа бэйцзинсядэ чжунго гоцзи чжаньлюэ») // Жэньминь чубаньшэ. Пекин, 2011. С. 1—588 // Экспресс-информация. № 1. Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых. М.: ИДВ РАН, 2012, С. 40, 42, 47, 48.

³⁶ Ли Чэнхун (Педагогический университет Восточного Китая) // Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: состояние дел, проблемы и контрмеры // Элосы яньцзю. 2009. № 1. С. 87—116.

³⁷ URL: www.viperson.ru

³⁸ РИА Новости. 09.11.2010.

³⁹ URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/12/24/AR2010122403009_2.html

⁴⁰ Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М., 2013. С. 141, 147.

⁴¹ Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Указ.соч. С. 186.

⁴² Макиенко К. За 15 лет Китай потребил до половины всех российских поставок за рубеж. URL: www.interfax.ru (02.02.2007).

⁴³ URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>

⁴⁴ URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/19/su35/>

⁴⁵ Болятко А.В. ШОС: к новым рубежам развития / Шанхайская Организация Сотрудничества: к новым рубежам развития / отв.ред. А.В. Болятко. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 27.

⁴⁶ URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152903&type=3&page=0&hd=>

⁴⁷ Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств-членов ШОС // Жэньминь жибао. 16.05.2008

⁴⁸ URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@egNews

⁴⁹ URL: <http://portnews.ru/news/181112/>

⁵⁰ URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2015/05/11/v-sredizemnom-more-nachalis-rossijsko-kitajskie-voennye-ucheniija>

⁵¹ URL: https://ria.ru/defense_safety/20160921/1477492550.html

⁵² URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/item/30423-morskoe-vzaimodejstvie>

⁵³ URL: <https://rg.ru/2016/05/28/rf-i-knr-otrabotali-zashchitu-ot-provokacionnyh-raketnyh-udarov.html>

⁵⁴ URL: <https://topwar.ru/131693-rossiya-i-kitay-provodyat-sovmestnye-ucheniya-po-otrazheniyu-raketnyh-atak.html>

⁵⁵ URL: <https://iz.ru/678223/2017-12-02/v-knr-nachalis-ucheniia-spetsnaza-rosgvardii-i-nvr-kitaia>

⁵⁶ URL: <https://sputnik-ossetia.ru/columnists/20180830/7043633.html>

⁵⁷ Доклад: Российско-китайский диалог: модель 2017. № 33/2017. М., 2017. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/15a/Russia-China-Report33.pdf>

Заключение

---

1. В начале XXI века военная политика Китая имеет оборонительный характер и является составной частью широкого комплекса превентивных политических, дипломатических, экономических и военных мер, направленных на создание благоприятной обстановки в сфере безопасности вокруг Китая, способствующих реализации национальной стратегии развития, целью которой является превращение страны к середине XXI века в модернизированную державу, равную по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим ведущим державам мира.

2. Опираясь на растущий экономический, научно-технический и инновационный потенциал, КНР реализует перспективную программу модернизации национальной обороны на базе науки и передовых технологий, принятую в 2006 г. и рассчитанную до середины XXI века. В военном строительстве осуществляется курс на оптимизацию структуры НОАК, совершенствование качественных параметров вооружения и военной техники, механизацию и информатизацию войск с целью повышения возможностей по ведению как оборонительных, так и наступательных боевых действий. Конечная цель заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

3. С ноября 2015 г. в Китае осуществляется новая военная реформа, направленная на укрепление централизации высшего военного управления, расширение полномочий высшего государственного органа руководства вооруженными силами — Центрального военного совета (ЦВС) КНР и создание условий для повышения эффективно-

сти взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях при ведении высокотехнологичных войн локального масштаба, а также в антитеррористических (антипиратских) операциях.

В процессе реформы осуществлено расформирование главных управлений НОАК (Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений). Ранее существовавшие военные округа реорганизованы в пять стратегических командований НОАК: Центральное (Пекин) (в скобках указана дислокация штаба командования), Северное (Шэньян), Восточное (Нанкин), Южное (Гуанчжоу), Западное (Чэнду). Численность личного состава НОАК сокращена на 300 тыс. человек до 2 млн человек.

4. С принятием в декабре 2015 г. Закона КНР о борьбе с терроризмом НОАК получила возможность проводить антитеррористические операции за рубежом, что, по нашей оценке, связано со стремлением обеспечить интересы Китая в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки с неустойчивыми политическими режимами, многие из которых являются для Китая источниками энергоносителей и стратегического сырья, а также в связи с реализацией масштабного международного проекта «Один пояс, один путь». Расширение сферы применения НОАК может повлечь за собой формирование антитеррористических экспедиционных сил, специально предназначенных для действий за пределами национальных границ.

5. В интересах решения ближайшей стратегической задачи — урегулирования тайваньской проблемы по принципу «одного Китая» — Пекин де-юре допускает применение военной силы, что содержит в себе опасность возникновения крупного вооруженного конфликта с серьезными негативными последствиями для безопасности в АТР. Реализуемая Пекином концепция международной безопасности на основе межгосударственного доверия, по-видимому, не распространяется на тайваньскую проблему, являющуюся, как считают китайцы, внутренним делом КНР. Вместе с тем, бурно развивающийся процесс обмена между двумя берегами в политической, экономической и гуманитарной областях ясно указывает на

предпочтительность для КНР решения тайваньской проблемы мирными средствами.

6. Ключевую роль в руководстве военным строительством и вооруженными силами Китая продолжает играть КПК. По предложению генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина в докладе на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), срок завершения модернизации обороны намечено перенести на более ранний период — с 2050 г. (как предусмотрено программой модернизации 2006 г.) на 2035 г., что, по нашей оценке, связано с усилением противостояния Китая с США. Пекин не может не учитывать, что США в мировой политике продолжают действовать с позиции силы, а также то, что, согласно Национальной оборонной стратегии США (версия 2018 г.) для них Китай поставлен на первое место в списке стран, представляющих потенциальную угрозу.

7. Военная политика Китая ведет к увеличению комплексной мощи государства (КМГ), что находит свое выражение в следующем:

а) возрастает военный потенциал страны, в том числе потенциал стратегического ядерного сдерживания, возможности по борьбе с международным терроризмом, в том числе в рамках ШОС, возможности по защите морских и океанских коммуникаций, имеющих жизненно важное значение для экономики, и другие составляющие; тем самым обеспечиваются благоприятные условия реализации национальной стратегии страны;

б) модернизация китайского ВПК в условиях использования до 70 % его потенциала в интересах экономического строительства и свободного обмена научно-технической и технологической информацией между военной и гражданской сферами способствует военно-гражданской интеграции и росту научно-технического, технологического и производственного потенциала обеих сфер;

в) военная политика Китая направлена на сохранение и развитие отношений сотрудничества с Россией в военной и военно-технической сферах, что играет позитивную роль в укреплении стратегического партнерства между двумя странами и безопасности в АТР;

г) участие НОАК в миротворческих и гуманитарных операциях под эгидой ООН способствует укреплению образа Китая в глазах

мирового сообщества как ответственной державы, проводящей политику мира и сотрудничества, и одновременно содействует повышению международного авторитета ООН, что можно отнести к укреплению «мягкой силы» как компонента КМГ КНР.

8. Военно-промышленный комплекс КНР ныне реализует программы во всех секторах производства вооружений и военной техники и добился на этом направлении прогресса, приближаясь к мировым стандартам качества выпускаемых вооружений и военно-технических средств. Существенно расширена и модернизирована научно-исследовательская и производственная база ВПК за счет привлечения к выполнению военного заказа получивших соответствующие лицензии предприятий и учреждений гражданского сектора. Однако выполнение многих программ находится в зависимости от импорта отдельных технологий и наиболее важных высокотехнологичных компонентов.

9. Заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией сохраняется, однако его реальные перспективы находятся в зависимости от решения российской стороной поставленного Китаем вопроса о повышении технологического уровня предлагаемой Россией военно-технической продукции, а также от выполнения китайской стороной положений о защите российской интеллектуальной собственности, предусмотренных соответствующими договорными документами.

10. В обозримой перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.

Научное издание

Каменнов Павел Борисович

КНР: военная политика в начале XXI века

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 25.05.2019.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 15,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 11

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
г. Москва, Нахимовский пр., 32

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.